

БЕЛОРУССКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

ЖУРНАЛ
БЕЛОРУССКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

СОЦИОЛОГИЯ

JOURNAL
OF THE BELARUSIAN STATE UNIVERSITY

SOCIOLOGY

Издается с сентября 1997 г.
(до 2017 г. – под названием «Социология»)

Выходит один раз в квартал

3

2019

МИНСК
БГУ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор **ДАНИЛОВ А. Н.** – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: a.danilov@tut.by

**Заместители
главного редактора** **ГРИЩЕНКО Ж. М.** – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: zhanna0607@mail.ru

РОТМАН Д. Г. – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: dgrotman@rambler.ru

**Ответственный
секретарь** **КОБЯК О. В.** – доктор социологических наук, доцент; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета, Минск, Беларусь.
E-mail: aleh.kabiak@mail.ru

- Бабосов Е. М.** Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Бакиров В. С. Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина, Харьков, Украина.
Безнюк Д. К. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Бурова С. Н. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Вятр Е. Европейская высшая школа права и управления, Варшава, Польша.
Галлиев Г. Т. Институт непрерывного и дополнительного образования, Уфа, Россия.
Гигин В. Ф. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Головаха Е. И. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Горшков М. К. Федеральный научно-исследовательский социологический центр Российской академии наук, Москва, Россия.
Инглхарт Р. Ф. Мичиганский университет, Анн-Арбор, США.
Кечина Е. А. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кизима С. А. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Клингеман Х.-Д. Берлинский центр социальных наук, Берлин, Германия.
Король А. Д. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Коростелева Е. А. Кентский университет, Кентербери, Великобритания.
Курилович Н. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Кучко Е. Е. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Лапина С. В. Академия управления при Президенте Республики Беларусь, Минск, Беларусь.
Лихачёв Н. Е. Могилёвский государственный университет им. А. А. Кулешова, Могилёв, Беларусь.
Матулионис А. Институт социологии Литвы, Вильнюс, Литва.
Рубанов А. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Симхович В. А. Белорусский государственный экономический университет, Минск, Беларусь.
Титаренко Л. Г. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Тощенко Ж. Т. Институт социологии Российской академии наук, Москва, Россия.
Филинская Л. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.
Херпфер К. Венский университет, Вена, Австрия.
Черняк Ю. Г. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Чурилов Н. Н. Институт социологии Национальной академии наук Украины, Киев, Украина.
Шавель С. А. Институт социологии Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь.
Щелкова Т. В. Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief	DANILOV A. N. , corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: a.danilov@tut.by
Deputy editors-in-chief	GRISHCHENKO Zh. M. , PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: zhanna0607@mail.ru ROTMAN D. G. , doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: dgrotman@rambler.ru
Executive secretary	KABIAK A. V. , doctor of science (sociology), docent; professor at the department of sociology of the faculty of philosophy and social sciences of the Belarusian State University, Minsk, Belarus. E-mail: aleh.kabiak@mail.ru
Babosov Y. M.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Bakirov V. S.	Karazin Kharkiv National University, Kharkiv, Ukraine.
Beznyuk D. K.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Burova S. N.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Vyatr J.	European School of Law and Administration, Warsaw, Poland.
Galliyev G. T.	Institute of Continuous and Additional Education, Ufa, Russia.
Hihin V. F.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Golovakha E. I.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Gorshkov M. K.	Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Inglehart R. F.	University of Michigan, Ann Arbor, USA.
Kechina E. A.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kizima S. A.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Klingemann H.-D.	Berlin Social Science Center, Berlin, Germany.
Karol A. D.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Korosteleva E. A.	University of Kent, Canterbury, United Kingdom.
Kurilovich N. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Kuchko E. E.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Lapina S. V.	Academy of Public Administration under the aegis of the President of the Republic of Belarus, Minsk, Belarus.
Likhachyov N. E.	Mogilev State A. Kuleshov University, Mogilev, Belarus.
Matulionis A.	Institute of Sociology of Lithuania, Vilnius, Lithuania.
Rubanau A. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Simkhovich V. A.	Belarusian State Economic University, Minsk, Belarus.
Titarenko L. G.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Toshchenko Zh. T.	Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia.
Filinskaya L. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.
Herpfer K.	University of Vienna, Vienna, Austria.
Chernyak Y. G.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Churilov N. N.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Ukraine, Kyiv, Ukraine.
Shavel S. A.	Institute of Sociology of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus.
Shchyolkova T. V.	Belarusian State University, Minsk, Belarus.

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

УДК 316.344.24:316.7:316.4

ПРОФЕССИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ВЗАИМОСВЯЗИ

В. Я. КОЧЕРГИН¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Исследованы сущностные, типологические и процессуальные характеристики таких феноменов, как профессиональная культура и социальные технологии, в их взаимосвязи. Рассмотрены механизмы их взаимодействия на макроуровне (осуществляется через социальную политику в качестве важнейшего компонента государственного управления), мезоуровне (совершается посредством технологий формирования и использования профессионально-корпоративной культуры организаций) и микроуровне (реализуется через «ролевой ансамбль» и соответствующие ценности и нормы).

Ключевые слова: профессиональная культура; корпоративная культура; роль; социальная технология; рефлексивное управление; манипулятивность; антиманипулятивность; социодинамика профессиональной культуры.

THE PROFESSIONAL CULTURE AND SOCIAL TECHNOLOGIES: THEORETICAL AND METHODOLOGICAL ANALYSIS OF THEIR MUTUAL CONNECTION

V. Ya. KOCHERGIN^a

^a*Institute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus*

The article is devoted to the study of the phenomena of the professional culture and social technologies, in their mutual relations; the article examines the ontological, typological and procedural characteristics of these phenomena. The mechanisms of their interaction are considered. Particularly at the macrolevel, this mechanism is implemented through

Образец цитирования:

Кочергин ВЯ. Профессиональная культура и социальные технологии: теоретико-методологический анализ взаимосвязи. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:4–9.

For citation:

Kochergin VYa. The professional culture and social technologies: theoretical and methodological analysis of their mutual connection. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:4–9. Russian.

Автор:

Вячеслав Яковлевич Кочергин – кандидат философских наук, доцент; ведущий научный сотрудник отдела социологии социальной сферы.

Author:

Vyacheslav Ya. Kochergin, PhD (philosophy), docent; leading researcher at the department of sociology of the social sphere.
vyacheslavkochergin47@gmail.com
<https://orcid.org/0000-0003-1786-7949>

social policy in the form of public administration. On the mesolevel it is carried out by means of technologies of formation of professional and usage of professional and corporate culture of the organizations. At the microlevel, the interaction is carried out through the «role ensemble» and the corresponding values and norms.

Keywords: professional culture; corporate culture; role; social technologies; reflexive management; manipulateness; antimanipulateness; sociodynamics of the professional culture.

Если бы понадобилось подобрать одно слово для характеристики современного мира, то, несмотря на сложность этой задачи, ее тем не менее можно было бы решить, воспользовавшись термином «изменение». Действительно, изменения во всех направлениях и на всех уровнях общества, в чем-то ожидаемые, но чаще непредсказуемые, рисуют новый облик века и тысячелетия. Вызовы следуют один за другим. Требуются кропотливые совместные усилия ученых и практиков для выработки обоснованных ответов и их реализации. Статья посвящена исследованию сущностных и процессуальных характеристик таких феноменов, как профессиональная культура и социальные технологии, в их взаимосвязи. Выбор предмета изучения обусловлен следующими обстоятельствами. Во-первых, социально-профессиональная структура и соответствующая ей профессиональная культура оказались фактически в эпицентре радикальных изменений, затронувших экономические (развитие рынка), научные и промышленно-технологические (информатизация (цифровизация)), а также социокультурные основания (трансформация ценностно-нормативных и поведенческих структур). Во-вторых, сложность и слабая предсказуемость многих социальных процессов приводят на практике к возрастающей рационализации и технологизации как наиболее адекватной стратегии управления обществом. Хотя это порождает фундаментальную коллизию поглощения «миром систем» «жизненного мира» (Ю. Хабермас) и выражается, в частности, феноменом манипулятивности, так как обществу приходится платить эту цену за создание условий стабильного развития во всех сферах. Проблему можно решить путем поэтапного расширения объема ответственности каждого актора за последствия своих действий при одновременном увеличении спектра социотехнологических средств, позволяющих надежно достигать значимых целей.

Каждый из таких «шагов» предполагает рост компетентности, которая наряду с социальной ответственностью сохраняет инструментальную эффективность социальных технологий через проектирование и управление последними. Это третье важное обстоятельство, обусловившее выбор предмета изучения.

В статье поставлены следующие задачи:

1) выявить наиболее существенные характеристики профессиональной культуры и описать их в рамках действующей модели;

2) определить структурно-процессуальные основы феномена социальной технологии;

3) установить содержательные, структурные и процессуальные особенности взаимодействия профессиональной культуры и социальных технологий.

Профессиональная культура – органическая часть социальной культуры [1, с. 369–385], представляющая собой саморазвивающуюся систему признанных профессиональным сообществом функций специалиста (профессиональных ролей), норм и ценностей, регулирующих и направляющих процесс производственной деятельности, отношения между членами профессиональной группы и другими группами и общественными институтами, а также устанавливающих квалификационные требования, образцы достижений и профессиональной мобильности.

Среди многообразия типов профессиональных культур [2] можно выделить обусловленные разделением труда (инженерная, педагогическая, медицинская и т. д.); индивидуальные и групповые («уровневые»); соответствующие различным возрастным когортам, или поколениям («ветераны», «новички», «смешанные»); оцениваемые по фактору ориентации (развитие – позитивная, застой – негативная); определяемые по «стилю» (моно- и полистилевые); «частично совпадающие» в условиях одной организации и др. [3–5].

В качестве развернутого примера можно привести соотношение профессиональной и корпоративной культур [6, с. 55–58], которые выражают две характеристики регуляции любой специализированной и организованной совместной деятельности. Профессиональная культура презентует профессиональную группу, сохраняя ее идентичность во времени (иногда весьма продолжительном). Таковы, например, профессиональные культуры врача, ученого, юриста, военного, политика и т. д. Это, как правило, древние профессии, они наиболее контрастно подчеркивают временную преемственность в ролях, ценностях, нормах, образцах достижений посредством традиций, языка и т. п. Большинство современных профессиональных групп и культур вследствие ускоренного разделения труда, обусловленного стремительным обновлением технологического уклада, не успевают создать столь же основательные предпосылки для укоренения традиций и идентификации членов этих групп, как это было прежде. В то же время возрастает значение корпоративизма, который организует и культурно упорядочивает здесь и сейчас профессиональную де-

тельность. Корпоративная культура предполагает отчетливо выраженную миссию (изложение целей, принципов, ценностей и норм деятельности организации), сформированную на ее основе «команду», собственный стиль, характерные социальные технологии, бренд, имидж. В отличие от профессиональной культуры корпоративная в значительно большей степени основана на целевых усилиях, т. е. является результатом управления. Она требует особого воздействия в виде социальных технологий, основанных на рефлексивном управлении. Важную роль в этом отношении играют PR-технологии, направленные на создание внутреннего и внешнего позитивного образа организации. Представители различных профессиональных групп (а соответственно, профессиональных культур), входящие в корпорацию, становятся также носителями общей корпоративной культуры. Между тем сами профессиональные культуры могут возникать и вне корпорации, например в период профессиональной социализации в вузе, и «подпитываться» за счет связи с профессиональным сообществом. Анализ процессов формирования и развития различных профессиональных культур показывает, что взаимосвязь профессиональной и корпоративной культур обнаруживает себя через обучение персонала, использование в качестве ведущего принципа «профессионализм во всем», осуществление кадровой политики, усвоение и применение сходных социокультурных ролей, реализацию определенных социальных технологий и др.

В общем виде соотношение объемов понятий «профессиональная культура» и «корпоративная культура» дает три подмножества (класса): 1) профессиональная культура без выраженных признаков корпоративности, например индивидуальная профессиональная культура фрилансера; 2) корпоративная культура организации без выраженных признаков отдельных профессиональных культур; 3) профессионально-корпоративная культура организации, центрированная на ценностное ядро определенной профессиональной культуры.

Нас интересует именно третий случай, который выражает «сердцевину» отношений двух культур. На практике в развитом виде профессионально-корпоративная культура обнаруживает себя чаще всего.

Основные функции профессиональной культуры разделяются на две группы: а) устанавливающие границы и тем самым поддерживающие целостность, структуру данной профессиональной общности в пространстве социума (взаимодействие и взаимосвязь с другими профессиональными группами и институтами; легитимизация и конструирование реальности профессии в социальном пространстве и т. д.); б) аппроксимирующие и развивающие профессиональное сообщество «изну-

три» (профессиональная социализация; ритуализация; создание новых ценностей и образцов).

В структуре профессиональной культуры существуют признанные группой роли, обусловленные разделением труда в профессии. Кроме того, имеются профессионально-культурные роли, представляющие функции метауровня («адепт», «критик», «новатор», «мастер», «наставник»).

Профессиональные роли вместе с важнейшими ценностями, нормами и образцами профессиональной деятельности формируют «ядро» профессиональной культуры, по отношению к которому возникает «периферия» с обозначением ролей, ценностей, норм и образцов, признаваемых в качестве антипрофессиональных. Такого типа профессиональные культуры являются бинарными, или моностилистическими. Существует и другой вариант структуры – с несколькими «ядрами». Подобные культуры представляют тернарный, или полистилистический, тип.

В эпоху постиндустриализма, информатизации и социальных сетей все в большей степени возрастает неопределенность профессиональных культур. Поэтому вектор развития тяготеет скорее к полистилистическим культурам как более адаптивным к переменам. Соответственно, меняется и логика циклов социодинамики профессиональной культуры (от традиционной, или «инверсионной», в сторону модернизирующей, или «медиационной»), а также ускоряется темпоритм чередования «взрывов» и «постепенностей».

Возрастание неопределенности в ценностно-нормативных и ролевых структурах профессиональной культуры на уровне индивидуального и группового сознания проявляет себя в виде роста амбивалентности ценностных ориентаций или феномена «кентавра» как особого случая парадоксальности. Рост амбивалентности предположительно может выступать в качестве признака точки «взрыва» культурного цикла (точки бифуркации).

Социальные технологии можно определить как организованные, воспроизводимые, обусловленные состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, которые поставлены индивидами, социальными группами и институтами [7, с. 99–101].

В социальной технологии можно обнаружить ту же общую структуру, которая присуща и производственной технологии. Однако гораздо важнее различия. Социальная технология имеет сложный, нелинейный характер. В отличие от обычных технологий она лишь очерчивает поле возможных результатов. Основным инструментом социальной технологии являются сами субъекты. В силу этого подготовка средств для социальной технологии – это прежде всего изменение и самоизменение субъекта, а управление данным процессом явля-

ется преимущественно рефлексивным. Согласно В. Лефевру, рефлексивным управлением называется процесс передачи оснований для принятия решений одним из персонажей другому. В этой схеме предполагается наличие общего «плацдарма» (реального или воображаемого поля деятельности). На этом «плацдарме» управляющий подводит управляемого (следует подчеркнуть возможную взаимозаменяемость) к принятию определенной цели как собственной, к выбору средств из имеющихся, к осмыслению всей ситуации на «плацдарме» или такому решению задачи, которое может быть неизвестно и самому управляющему. Рефлексивное управление – это управление «изнутри», а не «извне». Оно хорошо моделирует режим сотрудничества, хотя первоначально рассматривалось для анализа конфликтующих структур. Самоизменение субъекта социальной технологии в контексте рефлексивного управления предполагает переход от уровня «квазиочевидности» к уровню самостоятельного выбора (из предложенного набора альтернатив) цели и средств решения. Самый высокий уровень означает переход от предварительного базиса принятия решений к построению и введению собственных правил на «плацдарме». Таким образом, социальная технология изнутри меняет уровень алгоритмизации, переходя с уровня, предписанного прежней программой, на уровень, фактически «разрушающий» эту технологию, когда последняя перестает быть технологией в прежнем смысле.

Поскольку внутренняя организация социальной технологии выстраивается как динамичная структура отношений между субъектами, реализующими эту технологию, то она может быть описана и как «ролевой ансамбль». В силу этого следует констатировать существование баланса ролевых функций, включающих как стабилизирующие (например, роли «адептов»), так и развивающие. Последние создают избыточность вариантов реализации, осуществляют постоянную проверку технологий с точки зрения эффективности, жизнеспособности. Носителями этих функций являются «генераторы идей» («новаторы») и «критики». Усиление генерирующей и критической функций приводит к смещению или разделению цели, отщеплению реализующих новые цели функций и превращению их в самостоятельные технологии. Проявления стагнации возникают при необоснованно длительном существовании социальной технологии, а также ослаблении социального контроля. Предпосылкой может служить и специализация, в силу которой технология имеет тенденцию герметизироваться.

В зависимости от того, на каком уровне общественных отношений разрабатываются и внедряются социальные технологии, их можно разделить на три группы:

- макротехнологии, или технологии макросистем;
- мезотехнологии, т. е. технологии, используемые на «среднем» уровне;
- микротехнологии [8, с. 406].

По направленности деятельности выделяют четыре типа социальных технологий:

- 1) технологии формирования социальных систем;
- 2) функциональные технологии, направленные на поддержание стабильности социальных систем и процессов;
- 3) технологии, направленные на преобразование и развитие социальных систем;
- 4) технологии социальной борьбы как средство защиты социальных систем, подавления нежелательных явлений.

Социальные технологии могут также классифицироваться по степени алгоритмизации: сильно- и слабоалгоритмизированные. К последним обычно относят авторские технологии, которые несут на себе отпечаток личности создателя. С точки зрения новизны решаемых задач социальные технологии могут подразделяться на инновационные и рутинные. По сфере применения они обычно классифицируются на организационно-управленческие, экономические, политические, образовательные, коммуникативные и т. п. [9; 10].

Отношения между социальными технологиями и профессиональной культурой определяются генезисом их взаимодействия, структурными и функциональными особенностями, а также влиянием других социальных групп, институтов и процессов. В частности, профессиональная культура содержит в себе следы циклов порождающей ее технологии.

Если рассматривать социальные технологии как своеобразные аттракторы, в которые выливается «стихия» социальных действий, то, очевидно, следует ожидать и обратное влияние на профессиональную культуру как индивида, так и группы в виде изменения конфигурации ценностей по отношению к основным профессиональным ролям. Например, основная роль, интегрированная личностью как субъектом социальных технологий и одновременно представителем профессиональной культуры («адепт», «критик», «генератор идей», «лидер» и т. д.), избирательно кумулирует ценности, образующие смысловое и мотивирующее «ядро». Основным фактором в данном случае можно считать цель, которая ставится перед технологиями и интерпретируется и реализуется исполнителями ролей. К этому следует добавить и формируемые целью представления о значимости, а соответственно, и об иерархии ролей. Момент перехода технологий от неопределенности на новый уровень цикла можно рассматривать с позиции синергетики в качестве точки би-

фуркации. В профессиональной культуре данный переход отображается ростом амбивалентности ценностей и соответствующих им ценностных ориентаций в сознании личности.

Взаимосвязь социальной технологии и профессиональной культуры прослеживается и на уровне функционально различных структурных элементов. Так, если социальная технология может быть структурирована как «ролевой ансамбль», то в этом отношении ему должна соответствовать группа норм и ценностей, выполняющих в профессиональной культуре функцию регулятора отношений между членами профессиональной группы. В то же время инструментальной составляющей социальной технологии может соответствовать часть норм и образцов, выполняющих в профессиональной культуре функцию регулятора процесса реализации технологии. Здесь лежит область «инструментальной рациональности». Вероятно, между технической и гуманитарной составляющими социальной технологии и профессиональной культуры обнаруживается не только соответствие, но и противоречие.

Взаимодействующими характеристиками профессиональной культуры и социальной технологии являются компетентность и стратагемность (замысел, сценарий) соответственно. Если анализировать взаимосвязь стратагемности и компетентности, то последняя, несомненно, предполагает формирование у «творцов» («новаторов»), «мастеров», «лидеров» стратагемного мышления. Напомним также, что компетентность может выходить за пределы узкого профессионализма и данной профессиональной культуры. Выход компетентности в поле более широких (по сравнению с одной профессиональной культурой) целей, норм и ценностей обуславливает выход в это же социокультурное поле соответствующей стратагемности. Здесь же рождаются и предпосылки того, что характеризует связанную со стратагемностью технологию как «манипулятивную» либо «антиманипулятивную».

Следовательно, можно выделить четыре типа взаимодействий по реализации этих технологий (типы А–Г). К типу А относится взаимодействие, при котором индивидуально-личностная predisposition к манипуляции актора совпадает с его статусом и ролью в социальной технологии, целью которой является манипулирование. Тип Б включает ситуации, когда индивидуально-личностные характеристики актора, не склонного к манипуляции, совпадают с его статусом и ролью в социальной технологии, не имеющей целью манипулирование. Примером типа А могут служить

рекламно-пропагандистская кампания или сетевой маркетинг, единственная цель которых – получить прибыль любой ценой. Примером типа Б являются бизнес-технологии, используемые фирмами, ориентированными на долговременные устойчивые и взаимовыгодные отношения с постоянными клиентами, а следовательно, на формирование позитивного имиджа и престижа своего бренда. Менее вероятным с точки зрения предсказуемости вектора реализации выступает тип В, когда личность-манипулятор, приобретая определенный статус, играет роль адепта в неманипулятивной по цели технологии. Например, в воспитательной или же в одном из видов социальной работы. Подобный актер опасен, так как не только деформирует технологию организации, но и прежде всего наносит ущерб лицам, вовлеченным в поле действия этой технологии. Еще одним вариантом является тип Г, когда личность, не склонная к манипуляции, в силу определенных обстоятельств (например, выгодное предложение рабочего места с высоким статусом и заработной платой) становится исполнителем заведомо манипуляторских ролей. Здесь уже сама технология опасна для личности ее актора, поскольку выступает в качестве фактора, деформирующего эту личность. Требуются величайшая психологическая устойчивость и мастерство в рефлексивном управлении, чтобы «переиграть» своих партнеров по корпоративной социальной технологии, изменив ее манипулятивный характер, и остаться собой.

Стратагемный смысловой код «оживляет» технологическую «машину», соединяя общую, профессиональную групповую и индивидуальную культуры акторов.

Влияние социальных технологий на формирование профессиональной культуры осуществляется преимущественно в процессе профессиональной социализации, а также под воздействием характера профессиональной деятельности. Обратное влияние происходит через социальное проектирование и управление.

Таким образом, на основе проведенного анализа можно констатировать, что оба феномена: 1) неразрывно связаны на самых различных уровнях (в частности, на макроуровне взаимодействие осуществляется через социальную политику в качестве важнейшего компонента государственного управления [11, с. 164–179]); 2) требуют синхронизации темпоритмов в процессе развития; 3) не исключают структурных противоречий, если нарушается эквивалентность ценностно-нормативных и стратагемных регуляторов.

Библиографические ссылки

1. Степин ВС. *Человек. Деятельность. Культура*. Санкт-Петербург: СПбГУП; 2018. 800 с.
2. Максимова ЛН. *Профессиональная культура в российском контексте социальных трансформаций* [автореферат диссертации]. Саратов: Саратовский государственный технический университет имени Гагарина Ю. А.; 2013. 35 с.

3. Osigweh C. Management and professionalism. *Mid-Atlantic Journal of Business*. 1986;24(2):1–20.
4. Day RE. Tropes, history, and ethics in professional discourse and information science. *Journal of the American Society for Information Science*. 2000;51(5):469–475.
5. Kardos SM, Johnson SM, Peske HG, Kauffman D, Liu E. Counting on colleagues: new teachers encounter the professional cultures of their schools. *Educational Administration Quarterly*. 2001;37(2):250–290. DOI: 10.1177/00131610121969316.
6. Гримашевич ОН, Жданов СА. Формирование корпоративной культуры предприятий в современных российских условиях. *Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета*. 2018;3:55–58.
7. Кочергин ВЯ. Социальные технологии: ролевая структура и рефлексивное управление. В: Данилов АН, Безнюк ДК, Кобяк ОВ, Легчилин АА, редакторы. *Социальные технологии в глобализирующемся мире: теория и практика: материалы Международной научно-практической конференции; 21–22 ноября 2018 г.; Минск, Беларусь*. Минск: РИВШ; 2018. с. 99–101.
8. Волков ЮГ, Нечипуренко ВН, Попов АВ, Самыгин СИ. *Социология*. Волков ЮГ, редактор. Ростов-на-Дону: Феникс; 1999. 511 с.
9. Scott TJ, O’Sullivan M. The Internet and information literacy: taking the first step toward technology education in the social studies. *Social Studies*. 2000;91(3):121–126. DOI: 10.1080/00377990009602454.
10. Martorella PH. Technology and the social studies – or: Which way to the sleeping giant? *Theory and Research in Social Education*. 1997;25(4):511–514.
11. Ржаницына ЛС. Социальная политика как системная социальная технология. В: Волгин НА, редактор. *Социальная политика*. Москва: Экзамен; 2006. с. 164–179.

References

1. Stepin VS. *Chelovek. Deyatel’nost’. Kul’tura* [Person. Activity. Culture]. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of the Humanities and Social Sciences; 2018. 800 p. Russian.
2. Maksimova LN. *Professional’naya kul’tura v rossiiskom kontekste sotsial’nykh transformatsii* [Professional culture in the Russian context of social transformations] [dissertation abstract]. Saratov: Yuri Gagarin State Technical University of Saratov; 2013. 35 p. Russian.
3. Osigweh C. Management and professionalism. *Mid-Atlantic Journal of Business*. 1986;24(2):1–20.
4. Day RE. Tropes, history, and ethics in professional discourse and information science. *Journal of the American Society for Information Science*. 2000;51(5):469–475.
5. Kardos SM, Johnson SM, Peske HG, Kauffman D, Liu E. Counting on colleagues: new teachers encounter the professional cultures of their schools. *Educational Administration Quarterly*. 2001;37(2):250–290. DOI: 10.1177/00131610121969316.
6. Grimashevich ON, Zhdanov SA. Development of corporate culture in current Russian economy. *Vestnik Saratov State Socio-Economic University*. 2018;3:55–58. Russian.
7. Kochergin VYa. [Social technologies: role structure and reflexive control]. In: Danilov AN, Beznyuk DK, Kobayak OV, Legchilin AA, editors. *Sotsial’nye tekhnologii v globaliziruyushchemsya mire: teoriya i praktika: materialy mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 21–22 noyabrya 2018 g.; Minsk, Belarus’* [Social technologies in a globalizing world: theory and practice: proceedings of the International scientific and practical conference; 2018 November 21–22; Minsk, Belarus]. Minsk: National Institute for Higher Education; 2018. p. 99–101. Russian.
8. Volkov YuG, Nechipurenko VN, Popov AV, Samygin SI. *Sotsiologiya* [Sociology]. Volkov YuG, editor. Rostov-on-Don: Feniks; 1999. 511 p. Russian.
9. Scott TJ, O’Sullivan M. The Internet and information literacy: taking the first step toward technology education in the social studies. *Social Studies*. 2000;91(3):121–126. DOI: 10.1080/00377990009602454.
10. Martorella PH. Technology and the social studies – or: Which way to the sleeping giant? *Theory and Research in Social Education*. 1997;25(4):511–514.
11. Rzhantsyna LS. [Social policy as a system social technology]. In: Volgin NA, editor. *Sotsial’naya politika* [Social politics]. Moscow: Ekzamen; 2006. p. 164–179. Russian.

Статья поступила в редколлегию 01.07.2019.
Received by editorial board 01.07.2019.

УДК 316.334.3(44)

ПОЛИТЭКОНОМИЯ «БАРХАТНОЙ РЕВОЛЮЦИИ»: ОСОБЕННОСТИ И УРОКИ

Т. Н. МАНАСЕРЯН¹⁾

¹⁾Ереванский государственный университет, ул. Алека Манукяна, 1, 0025, г. Ереван, Армения

Рассматриваются экономические аспекты «бархатной революции» в Армении. На основе анализа главных тенденций в экономике, обществе и политике выявляются основные особенности революции, подчеркивается ее локальное, региональное и возможное международное значение. Обращается внимание на социальные и экономические причины революции, а также на национальные особенности осуществления идеи смены власти исключительно мирным путем. Исходя из утверждений нового правительства, приводятся основные достижения в области экономики и социального обеспечения после политических событий в апреле – мае 2018 г. Указываются главные упущения, которые имеют место в стране (в частности, в сфере кадровой политики), факторы, негативно воздействующие на формирование благоприятной инвестиционной среды, и иные препятствия развитию. С учетом особенностей, достижений и упущений представлены уроки «бархатной революции» как для Армении, так и для других стран.

Ключевые слова: «бархатная революция»; экономические преобразования; кадровая политика; налоговая система; накопительная пенсионная система; уроки революции.

POLITICAL ECONOMY OF «VELVET REVOLUTION»: FEATURES AND LESSONS

T. N. MANASERYAN^a

^aYerevan State University, 1 Alex Manukyan Street, Yerevan 0025, Armenia

The article discusses the economic aspects of the «velvet revolution» in Armenia. Based on an analysis of the main trends in the economy, society and politics, an attempt is made to identify the main features of the revolution, emphasizing its local, regional and possible international importance. Attention is paid to the social and economic causes of the revolution, as well as national peculiarities of the implementation of the idea of changing power exclusively by peaceful means. Based on the way the new authorities declare, the main achievements in the field of economics and social security after the political events in April – May 2018 are presented. Also, the main omissions that take place in the country, in particular, in the area of personnel policy, factors negatively influencing the formation of a favorable investment environment and other obstacles to development are emphasized. Taking into account the peculiarities, achievements and omissions, the lessons of the «velvet revolution» are presented for both Armenia and other countries.

Keywords: «velvet revolution»; economic transformations; personnel policy; tax system; accumulative pension system; revolution lessons.

«Бархатная революция» в Армении в апреле – мае 2018 г. стала поводом для анализа и обсуждения, предположений, возникновения разных взглядов экспертов и политиков. Наша задача – изучить

ее экономические аспекты и особенности и понять возможные основы армянского феномена. В то же время мы придаем большое значение беспристрастной оценке достижений и упущений «бар-

Образец цитирования:

Манасерян ТН. Политэкономия «бархатной революции»: особенности и уроки. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;3:10–16.

For citation:

Manaseryan TN. Political economy of «velvet revolution»: features and lessons. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2019;3:10–16. Russian.

Автор:

Татул Норайрович Манасерян – доктор экономических наук, профессор; профессор кафедры экономической теории и международной экономики факультета экономики и управления.

Author:

Tatul N. Manaseryan, doctor of science (economics), full professor; professor at the department of economics and international economic relations, faculty of economics and management.
tatoulm@gmail.com

хатной революции», которые могут быть полезными при разработке будущих планов или прогнозов.

Согласно нашему наблюдению, существуют следующие основные проблемы, которые волнуют армянское общество с начала обретения независимости и которые лежат в основе многих тенденций в области политики и экономического развития:

- обеспечение внешней и внутренней безопасности;
- политическая и экономическая независимость как основа государственности;
- обеспечение справедливости, прежде всего социальной;
- формирование благоприятных условий для занятости и создания рабочих мест;
- снижение уровня бедности.

Анализируя внутриполитические события в Армении с момента обретения независимости, различные проявления массовых протестов против власти и в конечном итоге смену власти, в каждом из случаев сталкиваемся с разными комбинациями вышеуказанных проблем. Что касается ключевых причин «бархатной революции», то, насколько бы наше мнение не отличалось от мнения профессиональных политологов¹, таковыми были фальсификация, обман и мошенничество, которые стали неприемлемыми и невыносимыми для большинства людей, в том числе для многих представителей правящей партии и государственного аппарата.

Достаточно вспомнить обещания предыдущих властей относительно инвестиций и – как их результат – создания новых рабочих мест². Отметим, что под инвестициями предыдущее правительство подразумевало статьи расходов государственного бюджета, большинство из которых вообще не имеют отношения к развитию экономики. Например, к бизнес-инвестициям были отнесены расходы:

- на восстановление и реконструкцию детских домов и центров по уходу за детьми;
- реализацию мер по энергосбережению в пенитенциарных учреждениях;
- создание Центра совершенствования законодательства и правовых исследований;
- поддержку правительства Армении в реализации антикоррупционной стратегии;

- реализацию проекта по уничтожению запасов пестицидов с истекшим сроком годности, а также стратегии устойчивого управления свалками;

- строительство спортивных залов и комплексов;

- проекты отчуждения имущества и другие нелепости³.

Следовательно, революция может также восприниматься как выражение нетерпимости ко лжи и мошенничеству.

В Армении были использованы элементы моделей разных революций, о чем говорят многие политологи. Некоторые находят определенные сходства с Французской революцией⁴, Великой Октябрьской социалистической революцией и даже восстанием Спартака. Тем не менее нас больше интересует, чем революция в Армении отличается от других.

Итак, каковы особенности «бархатной революции»?

1. Прежде всего она была исключительно мирной и ненасильственной. В этом смысле ее даже можно назвать бескровной революцией.

2. Следует отметить, что во многом мирный характер был обусловлен добровольным уходом предыдущего правительства, без конфронтации и конфликта, что позволило новому правительству прийти к власти без традиционных потрясений.

3. Одной из наиболее важных особенностей является отсутствие экономического спада. При этом удивила не только непрерывность экономического развития, но и прогресс в некоторых областях, особенно в строительном секторе⁵.

4. Еще одна особенность была зафиксирована в финансовом секторе. Она обусловлена фактором доверия, т. е. ростом вкладов населения в банках: только в летние месяцы сразу после революции они увеличились на 125 млрд драмов, а на конец 2018 г. составили 2957,3 млрд драмов⁶. Этот показатель продолжает расти и сегодня.

5. Национальная валюта стабильна и сохраняет стабильную траекторию. Государственные резервы составляют более 2 млрд долл. США, что является высоким уровнем безопасности. В мае прошлого года Центральный банк Армении не продал, а закупил 44 млн долл. США, что также свидетельствует

¹Армянская «бархатная» революция год спустя: ретроспективный взгляд экспертов [Электронный ресурс]. URL: <https://newsarmenia.am/news/analytics/armyanskaya-barkhatnaya-revolutsiya-god-spustya-retrospektivnyy-vzglyad-ekspertov/> (дата обращения: 28.03.2019).

²Правительство утвердило несуществующую инвестиционную программу [Электронный ресурс]. URL: <https://fip.am/gu/2824> (дата обращения: 23.03.2019).

³«Ֆոնդու են արել՝ պետական բյուջեի ծախսային մասը ներկայացրել են որպես ներդրումներ». Թարմու Մանասերյան [Фонд с расходами государственного бюджета] [Видеозапись]. URL: <https://mamul.am/am/video/26695946> (дата обращения: 07.05.2019).

⁴Цивилизационная связь Армянской бархатной революции с Великой Французской революцией [Электронный ресурс]. URL: <http://armenianreport.com/pubs/192338/> (дата обращения: 07.05.2019).

⁵Никол Пашинян: Динамика роста экономической активности в Армении свидетельствует об успехе экономической политики правительства РА [Электронный ресурс]. URL: https://finport.am/full_news.php?id=37842&lang=2 (дата обращения: 27.03.2019).

⁶Вклады в банках Армении на конец 2018 года составили 2957,3 млрд драмов [Электронный ресурс]. URL: <http://www.armbanks.am/2019/02/11/119319/> (дата обращения: 11.02.2019).

о благоприятной обстановке. В этом году эта сумма удвоена⁷.

6. С 1 июля 2018 г. наконец был введен обязательный компонент накопительной пенсионной системы [1]. В долгосрочной перспективе это те суммы, которые можно и нужно использовать в экономике Армении, особенно для промышленных проектов.

7. По некоторым признакам, однако, революция походит на постепенное эволюционное развитие, которое в какой-то момент должно было отразиться на формировании новых качественных изменений, собственно, и приведших к «бархатной революции». Другими словами, в армянской реальности появилось новое явление – политическая грамотность в результате эволюционного развития, которую также можно отнести к категории особенностей.

8. Другая особенность заключается в том, что призыв к народу выйти на улицы и площади со стороны руководителей революции был более успешным, чем долгая пропаганда того, насколько важен каждый голос избирателя и его неподкупность во время выборов, а также пропаганда того, как именно надо бороться против коррупции.

9. Одной из важных особенностей является быстрая консолидация гражданского общества против коррупции, мошенничества, разграбления государственной собственности и кланов.

10. На самом деле особенности «бархатной революции» и корни успеха находятся глубже. Недовольство народа накапливалось постепенно. Сначала в советское время по требованию населения в дни полувековой годовщины геноцида армян был создан мемориальный комплекс «Цицернакаберд»⁸. Позже национально-освободительная борьба сплотила народ и принесла желанную победу Арцаху. А гражданские восстания в целях достижения реального политического прогресса, демократизации общества и организации честных выборов в 1996, 2003, 2008, 2013 и 2015 гг. повысили доверие граждан друг к другу и веру в собственные силы в коллективной борьбе.

11. В свою очередь, социальные сети и онлайн-СМИ сыграли жизненно важную роль в качестве фактора консолидации, информирования⁹, организации адекватных шагов по эффективному управлению динамическими процессами, транслируя в прямом эфире революционные события. В не-

далеком прошлом политические силы, которые инициировали и возглавляли оппозиционное движение, могли только мечтать о такой прозрачности и беспристрастном освещении событий.

12. Хотя многие считают, что главные причины, проблемы и движущие силы «бархатной революции» в основном носят локальный характер, немало аналитиков за рубежом стали говорить о ее региональном и международном значении¹⁰.

Помимо особенностей важно также учитывать основные успехи и неудачи «бархатной революции».

Чтобы сохранить беспристрастность анализа, достижения революции нами будут процитированы из заявлений властей, а упущения – с точки зрения оппонентов. Какие самые важные достижения «бархатной революции»? По словам Главы Правительства Армении Никола Пашиняна, это следующие результаты¹¹:

- только за год после революции были созданы или выведены из тени более 50 000 рабочих мест;
- количество автомобилей, обслуживающих аппарат Премьер-министра Республики Армения, резко уменьшилось: из 50 осталось только 7, а в структуре Комитета государственных доходов было сокращено 45 служебных машин;
- заработная плата учителей и военнослужащих будет увеличена на 10 %;
- операции при злокачественных заболеваниях будут бесплатными, для 200 жителей страны государство оплачивает расходы на лучевую терапию ускорителями (стоимость одного курса составляет 1 млн драмов);
- Армения стала одной из первых стран в регионе, где в настоящее время эксплуатируется медицинский вертолет, который оказывает медицинские услуги в рамках государственного заказа;
- с января 2018 г. по сравнению с предыдущим годом на 9,9 % увеличилось число работников, зарегистрированных в Армении, в частности в негосударственном секторе – на 15,8 %, в госсекторе – на 0,7 %;
- микропредприятия с оборотом, не превышающим 24 млн драмов, будут освобождены от подоходного налога и налога с оборота начиная с 2020 г.;
- в результате изменений Налогового кодекса ставка налога на прибыль будет снижена с 20 % до 18 %;

⁷ ЦБ Армении купил на рынке в этом году около 88 млн долларов [Электронный ресурс]. URL: <https://armenpress.am/rus/news/977132.html> (дата обращения: 03.06.2019).

⁸ Мемориальный комплекс Цицернакаберд [Электронный ресурс]. URL: http://www.genocide-museum.am/rus/Description_and_history.php (дата обращения: 10.05.2019).

⁹ Анализ революции в Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://rusorel.info/analiz-revoljucii-v-armenii/> (дата обращения: 24.04.2019).

¹⁰ Перспективы влияния «Бархатной революции» на внешнюю политику Армении (часть первая) [Электронный ресурс]. URL: https://arminfo.info/full_news.php?id=40854&lang=2 (дата обращения: 03.04.2019).

¹¹ Никол Пашинян представляет 100 фактов о Новой Армении: 5,7 млрд драмов выделено на обеспечение жилищных нужд военных пенсионеров [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aysor.am/ru/news/2019/05/08/%D0%9D%D0%B8%D0%BA%D0%BE%D0%BB-%D0%9F%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%BD/1560720> (дата обращения: 08.05.2019).

- согласно новому Налоговому кодексу, частные водители такси будут освобождены от уплаты налогов;

- разработана государственная программа поддержки строительства и реконструкции малых и средних «умных» животноводческих ферм в сельских населенных пунктах. Если, например, фермер построит сарай для 10 единиц крупного рогатого скота на сумму в 11 млн драмов, правительство компенсирует ему 50 % денежных средств, потраченных в наличной форме (70 % – в приграничных деревнях);

- только в январе – феврале 2019 г. в строительной отрасли зафиксирован рост более чем на 20 %;

- подписано соглашение о строительстве новой теплоэлектростанции в Ереване (этот инвестиционный проект стоимостью 250 млн долл. США будет реализован в течение 26 месяцев), при этом в строительстве новой теплоэлектростанции будет задействовано 1000–1200 человек, а во время эксплуатации будет создано 230 новых рабочих мест.

Что касается неудач, оппоненты нынешней власти утверждают, что это следующие проблемы:

- диаспора пока не принимает активного участия в экономических реформах страны, упразднено Министерство диаспоры Армении¹²;

- в программе правительства нет конкретики, при этом не было учтено ни одно предложение по ее улучшению¹³;

- имеют место проблемы с инвесторами по эксплуатации Амулсарского рудника, унаследованные от прежних властей¹⁴;

- экономический рост в стране постепенно снижается, о чем свидетельствуют прогнозы международных организаций, и нет четких направлений для прогресса¹⁵ (в 2018 г. рост экономики составил 5,8 %) ¹⁶;

- система науки в стране находится в тяжелом состоянии, и при этом отсутствуют проекты ее реформирования¹⁷;

- в системе государственного управления широко распространилась практика премирования чиновников в крупных размерах за счет государственного бюджета, что вызвало у населения разочарование во многих лидерах революции¹⁸;

- несовершенство Налогового кодекса отрицательно влияет на бизнес и социальное положение граждан¹⁹;

- с точки зрения социальной справедливости считается недопустимым тот факт, что минимальная заработная плата, которая и так ниже суммы прожиточного минимума, тоже облагается налогом;

- 150 000 штрафов за превышение скорости и неправильную парковку автомобилей были отменены за счет государственного бюджета, а теперь, когда ощущается нехватка в доходной части госбюджета, власти снова возвращаются к старой системе штрафов²⁰;

- широкое недовольство среди населения вызывает насильственное объединение общин и деревень, которое началось при предыдущих властях и продолжается сегодня²¹.

Таким образом, как и при любой резкой политической перемене, в Армении наблюдаются позитивные и негативные тенденции. Однако более важным представляется вопрос о том, какие уроки можно извлечь из «бархатной революции» в Армении.

По нашему убеждению, следует учитывать не только то, что вдохновляет людей, но и то, что может разочаровать их или вызвать общественное недовольство и негодование. Поэтому важно

¹² Структура Правительства Республики Армения [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gov.am/ru/structure> (дата обращения: 10.05.2019).

¹³ Абстрактная программа развития и беспомощная оппозиция. Какое будущее выбрала себе Армения [Электронный ресурс]. URL: https://newsarmenia.am/news/analytics/abstraktnaya-programma-razvitiya-i-bespomoshchnaya-oppozitsiya-kakoe-budushchee-vybrala-sebe-armeniya/?sphrase_id=109485 (дата обращения: 15.02.2019).

¹⁴ Эксплуатация Амулсарского месторождения в Армении может стать противозаконной [Электронный ресурс]. URL: <https://newsarmenia.am/news/armenia/ekspluatatsiya-amulsarskogo-mestorozhdeniya-v-armenii-mozhet-stat-protivozakonnoy-gazeta/> (дата обращения: 29.03.2019).

¹⁵ WB: 4.3 % economic growth expected in Armenia in 2019 [Электронный ресурс]. URL: https://arka.am/en/news/economy/wb_4_3_economic_growth_expected_in_armenia_in_2019/ (дата обращения: 09.01.2019).

¹⁶ Рост экономики в Армении составил 5,8 % [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aysor.am/ru/news/2019/02/01/%D0%B2%D0%B2%D0%BF-%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8F/1520670> (дата обращения: 01.02.2019).

¹⁷ Председатель ВАК: «Наука в очень тяжелом, больном состоянии» [Электронный ресурс]. URL: <http://golosarmenii.am/article/70321/predsdatel-vak-nauka-v-ochen-tyazhelom-bolnom-sostoyanii> (дата обращения: 10.04.2019).

¹⁸ Как превратить госдоходы в личные: в Армении нашли рецепт [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/columnists/20190124/16934347/krutye-teshchi-ili-legkim-dvizheniem-ruki-premii-v-armenii-zakonnye-ne-kiptyatites.html> (дата обращения: 24.01.2019).

¹⁹ Акция против изменений в Налоговом кодексе [Электронный ресурс]. URL: <https://www.golosarmenii.am/article/83020/aksiya-protiv-izmenenij-v-nalogovom-kodekse> (дата обращения: 25.06.2019).

²⁰ Налоговая доброта – все, больше послаблений не будет [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/society/20180621/12802357/nalogovaya-armenii-bolshe-ne-hochet-razdavay-konfet-chtoby-ne-razbalovat.html> (дата обращения: 21.03.2019).

²¹ Принудительное укрупнение сел – угроза безопасности Армении [Электронный ресурс]. URL: <https://www.aravot.ru.am/2017/06/26/244761/> (дата обращения: 26.03.2019).

усвоить уроки, а также понять, что делать дальше и как решать указанные и другие вопросы. Мы считаем, необходимо обратить внимание на те реалии, которые наиболее существенны с точки зрения уроков армянского опыта «бархатной революции»:

- момент для революции не должен быть упущен, если он созрел и если общество, ожидая перемен, готово сделать шаг при четко выраженном и настойчивом лидере;

- главное – бескомпромиссная борьба, даже если она исключительно мирная: люди в Армении боролись с песнями, танцами, любовью и терпением²²;

- нет сил, представляющих власть, которые могут править вечно и которые унаследуют их посты. Вместо этого есть люди, которые не хотят объединяться и формировать гражданское общество;

- для революции не обязательно, чтобы все общество поднялось на борьбу: в Армении достаточно было поработать с его самой прогрессивной, здоровой и инициативной группой, которая, кстати, постепенно уменьшалась;

- для оппозиции важно не переоценивать возможности правительства, так же как и правящие силы никогда не должны недооценивать оппозицию: в Армении политическая сила, получившая всего 7 % голосов в Национальном Собрании, сумела изменить все в свою пользу и в результате набрала более 70 % голосов избирателей²³;

- высокопоставленные государственные чиновники часто и напрямую общаются с разными группами людей, с неожиданными визитами бывают в различных общинах и на предприятиях страны, заходят в государственные учреждения, чтобы ознакомиться с реальной ситуацией и проблемами²⁴;

- появилась уверенность в том, что армяне могут реализовать свои интеллектуальные и иные способности не только за пределами страны, но и на родине;

- изменения в обществе, демографические перемены, в частности изменение возрастной структуры, были неизбежны;

- наряду с демографическими произошли качественные изменения: сформировались новые подходы и ценности для решения старых проблем;

- движущей силой революции стала сознательная и политически зрелая молодежь, родившаяся после распада советской диктатуры;

- молодые люди больше других чувствуют себя полноправными гражданами государства: они бескомпромиссны по отношению к фальсификациям на выборах и к коррупции;

- общественное согласие и единство, солидарность и уважение друг к другу могут быть решающими факторами для определения приоритетов и согласованности действий;

- в отличие от предыдущих властей, революционеры не стали искать поддержки за границей, ни на Востоке, ни на Западе²⁵. Вместо этого сотрудничество началось на горизонтальном уровне. Люди стали больше верить друг в друга, а также в то, что им необходимо решать судьбу своей страны и народа исходя из национальных и государственных интересов;

- отказавшись от прошлых порочных традиций, не следует игнорировать прежние достижения, а также тех, кто способен и может творить и совершать прорыв;

- чтобы обеспечить прогресс страны, революционеры отрицают маргинальный статус людей (за исключением представителей предыдущих властей, которые поневоле стали оппозиционерами): некоторые из специалистов, работавших при бывшей власти, теперь являются важной частью правительства.

С другой стороны, для того чтобы извлечь урок, одинаково важно ответить на вопрос: что и как делать, а также что и как не делать? В связи с этим мы считаем необходимым принять во внимание замечания оппонентов:

- любое правительство должно помнить, что карательный механизм, используемый для подавления оппозиционных политических взглядов и инакомыслия, может обернуться против него и что никто в стране не является безнаказанным;

- необходимо изменить не только руководство, но и среду, систему ценностей, правила игры и сформировать соответствующую команду²⁶;

- революционный энтузиазм постепенно утихает, уступая место неудовлетворенности, социальным и другим требованиям. Следовательно, чем

²²Серж Танкян выступил в Ереване вместе с Николом Пашиняном [Электронный ресурс]. URL: <https://www.svoboda.org/a/29213776.html> (дата обращения: 07.05.2019).

²³Выборы в Армении: блок Пашиняна набрал более 70 % голосов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.bbc.com/russian/news-46501056> (дата обращения: 10.12.2018).

²⁴Никол Пашинян отбыл с неожиданным визитом в одно из сел Армении: «Это очень хорошая практика» [Электронный ресурс]. URL: <https://news.am/rus/news/501632.html> (дата обращения: 16.03.2019).

²⁵Точка перелома в Армении: революция Пашиняна и рецепты Минасяна [Электронный ресурс]. URL: <https://easaily.com/ru/news/2019/05/28/tochka-pereloma-v-armenii-revoljuciya-pashinyana-i-recepty-minasyana> (дата обращения: 28.05.2019).

²⁶Игра с нулевой суммой: что будет с Арменией. Как делается революция по-армянски [Электронный ресурс]. URL: <http://antiterrortoday.com/publikatsii/analitika/16062-igra-s-nulevoj-summoj-cto-budet-s-armeniej-kak-delaetsya-revoljutsiya-po-armyanski> (дата обращения: 29.04.2019).

трезвее и адекватнее отношение к реальности, тем больше шансов ее реформировать;

- в ходе революции ее инициаторы заявили, что хозяевами ситуации станут не представители нового правительства, а весь народ, который также должен участвовать в процессе принятия решений. В то же время механизм обратной связи с народом и гражданским обществом еще не сформирован. Более того, в некоторых случаях власти обращаются к профессиональному сектору гражданского общества с такой просьбой, но, по сути, те, кто предлагает требуемые решения существующих проблем, неизбежно сталкиваются со многими барьерами бюрократического аппарата. Следовательно, формирование новой культуры управления остается в списке неизвлеченных уроков;

- как и в случае революций в других странах мира, в Армении ощущается дефицит людей с соответствующим жизненным опытом. Другими словами, кадровая политика не всегда проводится на конкурсной основе. В результате отсутствие опыта и знаний у лиц, принимающих решения, является серьезным препятствием для разработки и реализации эффективной экономической политики;

- у многих людей, в частности неполитизированных, беспартийных граждан, складывается впечатление, что новые власти еще не проявили национальную повестку во всех ее аспектах, и в некоторых случаях принятые правительством решения вынужденно пересматриваются из-за отсутствия научно обоснованных и четких расчетов;

- поиск виновных в неудачах и порочных явлениях в своей стране²⁷ – пустая трата времени, энергии и ресурсов. Борьба с внутренним врагом иногда бывает безадресной, что оказывает психологически негативное влияние на общественность. Клеймо «контрреволюционера» и различные скептические настроения, которые несут опасность раскола общества, стали обычным явлением;

- хотя прогресс предполагает извлечение уроков из неудач, во многих случаях здоровая критика неприемлема, а иногда лучшим ответом на нее являются бесконечные оправдания;

- одним из ярких примеров не только игнорирования критики со стороны гражданского общества,

но и полного отказа от конструктивных предложений является процесс принятия программы действий правительства²⁸, при котором все предложения по ее улучшению были отклонены;

- раскрытие экономических преступлений и привлечение к ответственности совершивших их лиц породили у общественности надежды на настоящее и будущее. Это долгожданные раскрытия, которые укрепляют доверие к власти. Вместе с тем они не могут заменить создание добавочной стоимости в различных секторах экономики²⁹;

- экономическая революция, провозглашенная правительством и нацеленная на экономический рост, требует квалифицированных строителей в различных областях, в то время как в отсутствие новой культуры экономического развития и государственного управления препятствий гораздо больше, чем способствующих факторов. За исключением нескольких проектов, после революции потоки инвестиций очень скромные;

- власти стараются всемерно привлекать прямые иностранные инвестиции, хотя, по нашему мнению, первым шагом должно стать стимулирование местных инвестиций³⁰.

В целом ресурс оптимизма в стране после «бархатной революции» все еще велик. Уроки революции, какими бы поучительными они ни были для других стран, важны прежде всего для Армении. Учет ошибок и упущений – лучший способ обеспечить прогресс и безопасность.

Мы не будем комментировать вышеприведенные факты и тенденции. Оставим размышления читателю.

...Недавно один из армянских журналистов провел идеальное сравнение, отметив, что люди пытаются делать выбор между опытным преступником, который добился определенных экономических показателей, и неопытным лидером, который допускает разные ошибки, но готов бескомпромиссно бороться за светлое будущее своего народа. Поневоле хочется спросить у автора этих слов: а нельзя ли наконец объединить позитивный образ и опыт, профессионализм воедино? Или постоянно придется смотреть на лучшие примеры стран Запада и Востока и пытаться безуспешно их локализовать?

²⁷Национальное собрание Армении утвердило программу правительства [Электронный ресурс]. URL: <https://rus.azatutyun.am/a/29278584.html> (дата обращения: 07.07.2018).

²⁸Оппозиция громит программу правительства Армении и предлагает 9-й пункт [Электронный ресурс]. URL: <https://ru.armeniasputnik.am/politics/20190214/17278789/carukyanovcy-predlagayut-9-yu-glavu-a-tandilyan-nazyvaet-programmu-pravitelstva-poslaniem.html> (дата обращения: 14.02.2019).

²⁹Как премьер Пашинян строит Армению, свободную от коррупции [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dw.com/ru/%D0%BA%D0%B0%D0%BA-%D0%BF%D1%80%D0%B5%D0%BC%D1%8C%D0%B5%D1%80-%D0%BF%D0%B0%D1%88%D0%B8%D0%BD%D1%8F%D0%BD-%D1%81%D1%82%D1%80%D0%BE%D0%B8%D1%82-%D0%B0%D1%80%D0%BC%D0%B5%D0%BD%D0%B8%D1%8E-%D1%81%D0%B2%D0%BE%D0%B1%D0%BE%D0%B4%D0%BD%D1%83%D1%8E-%D0%BE%D1%82-%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%B8/a-45311107> (дата обращения: 31.08.2018).

³⁰Татул Манасерян: «До ожидания иностранных инвестиций надо в первую очередь стимулировать местные инвестиции» [Электронный ресурс]. URL: <http://armenianreport.com/pubs/206677/> (дата обращения: 05.01.2019).

Библиографические ссылки

1. Тамазян КР, Джангирян АЕ. Накопительная пенсионная система Армении: история становления. *Финансовый журнал* [Интернет]. 2018 [процитировано 10 мая 2019 г.];4:53–61. Доступно по: https://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2018/4/statii_4/05_fm_2018_4.pdf. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-4-53-61.

References

1. Tamazyan KR, Dzhangiryan AE. Funded pension system of Armenia: history of formation. *Financial Journal* [Internet]. 2018 [cited 2019 May 10];4:53–61. Available from: https://www.nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2018/4/statii_4/05_fm_2018_4.pdf. DOI: 10.31107/2075-1990-2018-4-53-61. Russian.

*Статья поступила в редколлегию 04.06.2019.
Received by editorial board 04.06.2019.*

РЕКЛАМА НОВЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ДВИЖЕНИЙ В ПЕЧАТНЫХ СМИ

В. А. МАРТИНОВИЧ¹⁾

¹⁾Минская духовная академия, ул. Зыбицкая, 27, 220030, г. Минск, Беларусь

Анализируется реклама новых религиозных движений в печатных средствах массовой информации Республики Беларусь. Определяются основные стратегии работы новых религий со СМИ. Приводятся результаты исследования рекламы новых религиозных движений в 76 республиканских и региональных белорусских газетах. Показывается соотношение рекламных и критических материалов в СМИ, в том числе с учетом их типов по структуре. Выявляется группа одновременно рекламируемых и критикуемых новых религиозных движений. Опровергается распространенное допущение о доминировании в прессе критических материалов о нетрадиционной религиозности. Устанавливаются границы печатных СМИ как источника первичной социологической информации о нетрадиционной религиозности в Беларуси, а также общее количество упоминаемых в них новых религиозных движений. Утверждается, что реклама в прессе, равно как и ее отсутствие, не являются значимым индикатором для определения отношения новых религиозных движений к обществу.

Ключевые слова: новые религиозные движения; печатные средства массовой информации; реклама; нетрадиционная религиозность.

ADVERTISING NEW RELIGIOUS MOVEMENTS IN PRINT MEDIA

V. A. MARTINOVICH^a

^aMinsk Spiritual Academy, 27 Zybickaja Street, Minsk 220030, Belarus

This article is devoted to the analysis of advertising of new religious movements in the print media of the Republic of Belarus. The main communication strategies of new religions with the media are revealed. The main results of the study of advertising of new religious movements in 76 republican and regional Belarusian newspapers are presented. The ratio of advertising and critical materials in the media is presented with taking into account their types in structure. A special group of simultaneously promoted and criticized new religious movements is revealed. The widespread assumption about the dominance in the press of critical materials on non-traditional religiosity is refuted. The boundaries of print media as a source of primary sociological information about unconventional religiosity in Belarus are shown, as well as the total number of new religious movements mentioned in print media. It is argued that the new religious movements advertising in print media, as well as its absence, is not a significant indicator for determining their attitude to society.

Keywords: new religious movements; print media; advertising; unconventional religiosity.

Большинство исследований по теме «Нетрадиционная религиозность и печатные СМИ» посвящено анализу специфики конструирования прессой представлений о феномене сектантства в целом и конкретных новых религиозных движениях (далее – НРД) в частности [1–4]. В качестве

источника первичной социологической информации в подобных исследованиях выступают критические материалы СМИ о НРД. Их анализ сводится к кропотливому воссозданию негативного образа НРД, транслируемого СМИ, прояснению его влияния на формирование общественных представ-

Образец цитирования:

Мартинович ВА. Реклама новых религиозных движений в печатных СМИ. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:17–24.

For citation:

Martinovich VA. Advertising new religious movements in print media. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:17–24. Russian.

Автор:

Владимир Александрович Мартинович – доктор теологии, кандидат социологических наук; заведующий кафедрой апологетики.

Author:

Vladimir A. Martinovich, doctor of science (theology), PhD (sociology); head of the department of apologetics. nrmsect@yandex.ru

лений о сектантстве, выявлению особенностей лингвистического, стилистического и риторического инструментария, используемого в процессе такого конструирования. В некоторых случаях проверяется степень соответствия формируемого СМИ конструкта научным представлениям о феномене нетрадиционной религиозности. При этом ученые исходят из допущения о том, что именно критические статьи о НРД доминируют в печатных СМИ над материалами, в той или иной форме рекламирующими их деятельность. В пользу обоснованности этого допущения для канадских СМИ высказывался Д. Хилл [5, с. 119], для австралийской прессы – Д. Сэлвей [5, с. 119], для датской печати – М. Хассенфельд [6, с. 22] и др. Однако стоит отметить, что никем из ученых данное допуще-

ние не проверялось, хотя на его основании до сих пор делается ряд выводов о прессе и об отношении общества к НРД. СМИ представляются институтом, занимающим ярко выраженную антисектантскую позицию и формирующим соответствующее негативное мнение о феномене нетрадиционной религиозности у населения. В свою очередь НРД полагаются организациями, противопоставляющими себя обществу, неизменно пребывающими с ним в состоянии конфронтации. Настоящая статья посвящена анализу рекламы НРД в печатных СМИ. Раскрытие этой темы позволит проверить степень обоснованности допущения о доминировании критики НРД в печатных СМИ, а также выяснить соотношение критических и рекламных материалов о НРД в прессе.

Отношение НРД к СМИ

До настоящего времени ученые исходили из допущения о том, что отношение НРД к СМИ по своим ключевым характеристикам отражает генеральную линию отношения НРД к обществу в целом. Данное допущение вполне разумно, но не совсем корректно. В социологии религии хорошо изучен диапазон вариативности отношения НРД к обществу в целом [7], но с разной степенью глубины исследована вариативность отношения НРД к конкретным основным институтам общества. Комплекс проводимых автором исследований темы «Нетрадиционная религиозность и печатные СМИ» показывает, что НРД могут развивать особые стратегии взаимодействия с отдельными институтами общества, противоречащие принципам их отношения к обществу в целом. В случае со СМИ данные противоречия вскрываются в рамках темы рекламы НРД и сопоставления специфики работы конкретных НРД со СМИ с их же отношением к обществу.

Среди НРД нет единого отношения к прессе и унифицированного подхода к работе с ней. Вариативность их отношения к светским печатным СМИ находится под влиянием целого ряда факторов, анализ которых выходит за рамки настоящего исследования. Можно выделить несколько основных стратегий в работе НРД со СМИ.

1. Табуирование СМИ – введение НРД целенаправленного запрета для своих членов на чтение светских СМИ, публичную реакцию на их материалы, размещение на их страницах рекламы и иной информации, а также общение с журналистами (например, орден «Фиат Люкс»).

2. Игнорирование СМИ – использование альтернативных площадок для собственной рекламы без оторефлексируемой позиции в отношении прессы. НРД не считает необходимым рекламировать себя в СМИ, давать интервью журналистам, но и не запрещает своим последователям знакомиться с прессой (например, группа Рогаткина).

3. Критика СМИ – отслеживание материалов прессы, комментирование некоторых статей на страницах собственных изданий, попытки оказать давление на СМИ в целях минимизации количества критических материалов о группе. Реклама организации на страницах СМИ в целом не запрещается, но и не является значимым направлением работы (например, «Универсальная жизнь»).

4. Сотрудничество со СМИ – периодическое размещение рекламы собственной деятельности в СМИ, взаимовыгодная работа с журналистами, ведение переговоров при наступлении конфликтных ситуаций, критика одних СМИ посредством других при невозможности мирного разрешения споров (основная масса НРД).

5. Инструментализация СМИ – разработка и воплощение в жизнь долгосрочной стратегии работы с разными типами прессы на национальном и (или) международном уровне, направленной на достижение целей и задач НРД, выходящих за границы повседневной рекламы. Организация и проведение масштабных рекламных кампаний в СМИ. Разработка особых инструкций по работе с журналистами, призванных повысить эффективность продвижения в прессе интересов НРД. Наличие стратегий реакции на критические материалы в СМИ («Международная взаимопомощь» и др.).

6. Контроль над СМИ – стратегия работы, направленная на полное подчинение НРД максимально большого количества светских СМИ. В арсенал методов реализации этой стратегии входят: покупка контрольного пакета акций газет и журналов, основание новых независимых светских СМИ, создание профессиональных союзов журналистов, организация для представителей прессы конференций и симпозиумов, создание общедоступных и специализированных пресс-центров, финансирование зарубежных поездок журналистов в раз-

ные регионы мира, а также многие другие приемы (например, «Движение объединения»).

Избираемая НРД стратегия работы со СМИ может совпадать с отношением НРД к обществу и различным его институтам, а может полностью расходиться с ним. Стратегии табуирования, игнорирования, инструментализации и контроля менее распространены, чем критика и сотрудничество. Контроль над СМИ – самая редкая и доступная лишь наиболее крупным НРД стратегия, на реализацию которой некоторые из них тратили сотни миллионов долларов.

НРД могут размещать свою рекламу в СМИ при использовании последних четырех стратегий. Од-

нако основная масса рекламных объявлений размещается в рамках четвертой стратегии – сотрудничества со СМИ. Важно также понимать, что НРД может кардинально менять свое отношение к работе с печатными СМИ. Полное игнорирование прессы может замещаться масштабными рекламными кампаниями длиной в десятилетия, а затем переходить к редкой и не системно публикуемой рекламе. Серьезные изменения в отношении к печатным СМИ имели место у «Свидетелей Иеговы», в «Христианской науке», «Движении объединения» и других группах. Детальное рассмотрение этой темы выходит за рамки настоящего исследования.

Исследование рекламы НРД в печатных СМИ Беларуси

Под рекламой НРД в печатных СМИ будет пониматься распространение информации для привлечения внимания к НРД в целях формирования или поддержания интереса к нему самому, проводимым им мероприятиям либо набору разделяемых им религиозных идей и практик. Реклама НРД в печатных СМИ может быть разделена на прямую и косвенную. *Прямая реклама* инициируется самим НРД. *Косвенная реклама* появляется в силу не зависящих от НРД обстоятельств (например, восторженный поклонник, но не член НРД, чиновник либо ученый решают высказаться на страницах СМИ в позитивном ключе об организации, не ставя ее об этом в известность). Косвенная реклама выступает одним из множества последствий работы НРД в обществе, дает им определенные имиджевые бонусы, но не свидетельствует о каком-то типе отношения НРД к СМИ. Она может появляться даже при полном отсутствии прямой рекламы НРД, вопреки общему негативному отношению организации к работе со СМИ. Исключения составляют те случаи, когда косвенная реклама опосредованно инициируется самой группой, но в каждом из них требуется доказательство именно такой истории происхождения материала. Эти случаи, как и косвенная реклама НРД в целом, выходят за рамки проблемного поля данного исследования. Поэтому далее при упоминании рекламы НРД по умолчанию будет подразумеваться прямая реклама НРД.

В настоящее время неизвестно количество НРД, занимающихся рекламой своей деятельности посредством печатных СМИ. Между тем данный показатель чрезвычайно важен при анализе проблематики взаимоотношений и взаимных влияний НРД и СМИ. Основная цель настоящего исследования состояла в определении количества НРД, рекламирующих свою деятельность на страницах печатных СМИ Беларуси. Работа выполнялась с опорой на методологию и хронологические рамки проведенного ранее анализа масштабов и особенностей процесса идентификации НРД в печатных СМИ Беларуси [8].

Генеральная совокупность статей и объявлений, рекламирующих НРД в печатных СМИ, неизвестна. Также отсутствует информация о влиянии типа СМИ на наличие в нем искомым материалов. Предшествующее исследование идентификации НРД подтвердило предположение автора о влиянии специфики конфессионального пространства конкретного региона на материалы печатных СМИ, издаваемые на его территории [8]: неравномерность распределения НРД по разным регионам Беларуси обуславливает неравномерность распределения критических материалов о них в СМИ. В случае с рекламными материалами НРД базовое предположение не меняется: необходимая для исследования информация о рекламе НРД также может быть неравномерно распределена среди разных типов СМИ. Соответственно, городская, районная и областная пресса представляет не меньший интерес, чем республиканские издания. В этом контексте методологически некорректно было бы искусственно ограничить число анализируемых изданий как определенным типом СМИ, так и какими-то узкими хронологическими рамками, в выборку должны войти газеты разных типов, тиража, формата, объема, периодичности издания, формы собственности и регистрации, политической направленности и т. д. Однако проработка всех издававшихся в Беларуси СМИ потребовала бы огромных затрат времени. В силу этого *отбор статей для анализа производился методом доступной выборки*. Процесс сбора рекламных материалов НРД в печатных СМИ Беларуси осуществлялся автором с 1997 г.

При анализе рекламы НРД отличался базовый критерий отбора статей. Если в предыдущем исследовании основным критерием являлось наличие в материале статьи идентификации какой-либо религиозной организации с НРД, то в настоящем – наличие рекламы той или иной религиозной группы, идентифицируемой в качестве НРД учеными вне материалов СМИ. Соответственно, в первом исследовании одна анализируемая статья могла со-

держат до нескольких десятков примеров идентификации, а одни и те же НРД могли идентифицироваться в разных статьях. В настоящем исследовании одна статья из выборки во всех случаях означала рекламу только одного НРД, а число статей равнялось количеству разных рекламируемых НРД. Автором был найден пример, когда одно НРД в рамках одного и того же материала рекламировало другое НРД. Однако данный случай не вошел в выборку, поскольку: а) являлся единичным исключением из общего правила; б) обе группы рекламировали себя также по отдельности, что и позволяло учитывать их в формате «одна статья – одно НРД».

Ввиду строгого ограничения целей и задач исследования не учитывались два и более примера рекламы одного и того же НРД в одном и (или) нескольких печатных СМИ. Включение в исследование до нескольких сотен известных автору случаев рекламы одного и того же НРД не способствовало бы разрешению поставленной основной цели. За рамки исследования вышел также целый ряд достаточно важных тем и вопросов, без которых невозможно говорить о целостном анализе рекламы НРД в печатных СМИ. Так, не проводился анализ:

- а) характера и степени активности рекламной деятельности НРД;
- б) влияния журналистов, специфики редакционной политики и целого ряда внешних факторов на рекламу НРД;
- в) воздействия рекламы НРД на читательскую аудиторию;
- г) влияния типа СМИ на наличие в нем рекламных материалов НРД;
- д) содержания, жанровой специфики и авторства материалов, рекламирующих НРД;
- е) дифференциации НРД по избираемым ими жанрам рекламных материалов и типам печатных СМИ;
- ж) методов работы НРД с редакциями СМИ при публикации рекламных материалов разных типов.

В исследование вошли материалы тех же 76 белорусских газет, что и в предшествующем анализе: 28 республиканских и 48 региональных (14 областных, 11 районных и 23 городских)¹. Специфика распределения получившейся выборки рекламных статей по типам газет отличалась от распре-

деления материалов, идентифицирующих НРД, но в настоящем исследовании она уже значения не имела. Хронологические рамки исследования охватывали период с 1988 по 2015 г. При этом в выборку не включались следующие рекламные материалы, которые могли оказать на нее негативное влияние.

1. *Реклама НРД в собственных печатных СМИ.* Определенное количество действующих в Беларуси НРД достаточно активно рекламируют себя в собственных печатных СМИ либо в выпускаемых иными НРД газетах и журналах. Такие издания отличаются нетрадиционной религиозной направленностью содержания материалов и особой аудиторией. К числу их основных читателей относятся члены НРД и более широкая общность людей, находящихся в религиозном поиске и (или) уже разделяющих отдельные религиозные идеи без глубокой интеграции в деятельность конкретных религиозных групп. Как показало исследование, некоторые НРД рекламируют свою деятельность исключительно в таких специализированных СМИ и не работают со светской прессой (например, «Центр пробуждения мира» достаточно активно рекламировал себя в профильной для движения «Нью Эйдж» газете «Чистый мир», но не обращался к обычным СМИ).

2. *Реклама НРД в электронных СМИ.* Количество НРД, рекламирующих себя в электронных СМИ, особенно в интернете, неуклонно растет. В большинстве случаев НРД работают с обоими типами СМИ, постепенно смещая акцент с печатных на электронные. Однако было обнаружено, что некоторые НРД рекламируют свою деятельность только в электронных СМИ, не имея опыта обращения к печатным.

3. *Реклама НРД в иностранных газетах,* в том числе распространяющихся на территории Беларуси и (или) имеющих официальные представительства в стране (например, «Комсомольская правда в Белоруссии», «Аргументы и факты в Белоруссии» и др.), учитывалась только в том случае, если осуществлялась в адаптированной для распространения в Беларуси версии издания. Реклама из общих разделов либо начала 1990-х гг., когда НРД распространяли информацию о себе без поправки на

¹«7 дней», «Intex-press», «АлВит», «Беларускі час», «Беларусь сегодня», «Белоруссия», «БелГазета», «Белорусская военная газета», «Белорусская деловая газета», «Белорусский рынок», «Брестский курьер», «Ва-банкъ», «Вестник Могилёва», «Вечерний Брест», «Вечерний Гомель», «Вечерний Гродно», «Вечерний Минск», «Вечерний Могилёв», «Віцебскі рабочы», «Голос Фандока», «Гомельская правда», «Гродзенская праўда», «Де-факто», «Днепровская неделя», «Добры вечар», «Жодзінскія навіны», «Заря», «Звезда», «Згода», «Знамя Юности», «Зніч», «Имя», «Кобрин-информ», «Компьютерные вести», «Краязнаўчая газета», «Культура», «Курьер из Борисова», «Лідская газета», «Літаратура і мастацтва», «Маладзечанская газета», «Мінская праўда», «Минский курьер», «Минский меридиан», «Могилёвская правда», «Магілёўскія ведамасці», «Мы и время», «На страже», «Народная Воля», «Народная газета», «Народная трибуна», «Народное слова», «Настаўніцкая газета», «Наш край», «Наш час», «Наша Ніва», «Наша Свабода», «Новая газета Сморгони», «Новы дзень», «Обозреватель», «Перамога», «Переходный возраст», «Раённыя будні», «Рэспубліка», «Свабода», «Светлае жыццё», «Свободные новости», «Славянский набат», «Служба спасения 01», «Столица», «Столичная», «Товарищ», «Фемида», «Центральная газета», «Частная собственность», «Чырвоная змена», «Экспресс-новости».

Беларусь, не учитывалась. Она попадала в страну и оказывала какое-то влияние, но не являлась показателем рекламы группы именно на территории Беларуси. Это важно ввиду того, что одно и то же НРД может избирать принципиально разные стратегии продвижения своих интересов в разных странах мира. В результате оно может активно работать с печатной прессой в одном государстве и игнорировать СМИ в другом. В настоящем исследовании нас интересовала не принципиальная позиция НРД по работе со СМИ, а их отношение к работе с печатными СМИ на территории Беларуси.

Следует отметить, что в печатных изданиях религиозных организаций Беларуси («Церковное слово», «Каталіцкі Веснік» и др.), а также в антисек-

тантских изданиях (например, газета «Личность») НРД рекламных материалов не размещали.

Анализ статей производился методом стандартизированного опроса текста, технология которого была разработана Центром социологических и политических исследований БГУ под руководством Д. Г. Ротмана [9]. Соответствующий бланк опроса текста включал в себя несколько релевантных для данной статьи вопросов: 1) присутствует ли в тексте реклама НРД? 2) на территории какой страны мира рекламируется деятельность НРД?

В выборку вошло 600 статей. Полученные результаты анализировались в контексте данных предшествующих исследований автором специфики конфессионального пространства Беларуси.

Общие данные по рекламе НРД

Результаты показали, что с 1988 по 2015 г. в печатных СМИ Беларуси размещалась реклама не менее 600 разных религиозных организаций, которые могут быть отнесены к числу НРД. Для 564 из них указывались контактные данные в одном из населенных пунктов Беларуси, позволяющие жителям страны связаться с организацией. Оставшиеся 36 НРД на страницах белорусских газет рекламировали свою деятельность с контактными данными в России, Молдавии, Латвии и на Украине. Сама по себе реклама работы НРД за рубежом еще не означает, что группа одновременно не действует в Беларуси. НРД может просто не рекламировать себя в СМИ с указанием белорусских адресов, либо такая реклама могла не попасть в выборку (среди 564 НРД были организации, рекламировавшие в отечественной прессе свою работу в том числе и в других странах мира). Для уточнения статуса означенных 36 НРД автор обратился к собранному в рамках предыдущих исследований нетрадиционной религиозности в Беларуси архиву материалов о НРД, включающему также документы по работе в Беларуси и (или) иных государствах всех 600 НРД, попавших в выборку. Дополнительное исследование показало, что для 564 НРД существуют документы, подтверждающие их деятельность в Беларуси, в то время как для группы из 36 НРД такие данные отсутствуют. Таким образом, вплоть до появления другой информации рекламу 36 НРД нельзя признать свидетельством их деятельности в Беларуси, ее можно считать лишь стремлением расширить

ареал своего влияния за счет объявлений в прессе иностранного государства.

Было бы некорректно сравнивать 36 рекламируемых, но не существующих в Беларуси НРД, с группой из 46 также отсутствующих в стране, но при этом активно критикуемых в белорусской прессе НРД [8]. Они составляют 6 % от общего числа рекламируемых и 26 % от всех критикуемых НРД соответственно, но никак взаимно не обуславливают друг друга и отражают совершенно разные процессы. Тем не менее вместе с целым рядом иных показателей (например, количество мигрирующих в Беларусь иностранных НРД и др.) они свидетельствуют о достаточно высоком уровне открытости к внешним влияниям как самой нетрадиционной религиозности Беларуси, так и конструируемых общественных представлений о ней. В эпоху глобализации сложно говорить в данном случае о каком-то открытии, но эти сведения дополняют собой число измеряемых параметров, позволяющих определить и изучить характер и масштабы влияния других стран на конфессиональное пространство Беларуси.

Отметим, что вошедшие в выборку 564 НРД составляют 52,1 % от предполагаемой генеральной совокупности НРД Беларуси, включающей на 1 января 2019 г. 1083 организации. Оставшиеся 519 НРД можно разделить на две группы: 1) рекламирующие себя в СМИ, но не попавшие в выборку; 2) не работающие с печатными СМИ. Соотношение этих двух групп между собой неизвестно.

Реклама и критика НРД в печатных СМИ

Получившаяся выборка в 52,1 % от предполагаемой генеральной совокупности НРД страны представляется репрезентативной. Предшествующее исследование показало, что печатными СМИ идентифицируется и критикуется 174 НРД, для 128 из которых документально зафиксирована деятель-

ность в Беларуси [8]. Таким образом, можно сделать вывод о том, что на страницах белорусских печатных СМИ рекламируется в 4,4 раза больше действующих в республике НРД, чем критикуется. Означенное соотношение рекламы и критики НРД будет варьироваться в прессе разных стран мира,

но общая тенденция к доминированию рекламы НРД будет сохраняться. Печатные СМИ по-разному заинтересованы в обоих типах материалов о НРД. Рекламные объявления дают немедленный эффект в виде оплаты печатных площадей, не требуют затрат времени и сил редакции на подготовку авторского материала. Оригинальные критические статьи отнимают ресурсы на их подготовку, но имеют долгосрочный позитивный эффект в виде повышения рейтингов издания, что в свою очередь вызывает удорожание рекламного пространства. В результате печатные СМИ заинтересованы как в критике, так и в рекламе разных, а порой и одних и тех же НРД. При этом борьба за рейтинг издания может проходить и с опорой на материалы другой тематики, в то время как количество НРД, желающих дать свою рекламу, не уменьшается.

Качественное сравнение рекламируемых и критикуемых в белорусской прессе НРД позволило разделить их на три группы:

1) только рекламируемые (522 наименования). Из них 36 не имеют филиалов и представительств в Беларуси;

2) только критикуемые (96 наименований). Из них 46 никогда не действовали в Беларуси;

3) критикуемые и рекламируемые НРД (78 наименований). Все организации этой группы действуют в Беларуси.

За рамки настоящего исследования выходит сравнительный анализ объемов рекламы и критики для каждого из 78 НРД третьей группы. Тем не менее ее выделение позволяет сделать некоторые интересные выводы.

Во-первых, разделение на три группы дает возможность выявить общее количество оригинальных НРД, упоминаемых в печатных СМИ Республики Беларусь вне зависимости от контекста. В их число входит не менее 696 НРД всех уровней развития структуры. Если учитывать только НРД, деятельность которых задокументирована в Беларуси, то их количество уменьшится до 614, т. е. до 56,7 % от предполагаемой генеральной совокупности НРД Беларуси. Тем не менее показатель в 614 НРД, доступный для независимой проверки на страницах белорусской прессы, представляется достаточно внушительным на фоне широко распространенного мнения о гомогенности конфессионального пространства Беларуси. Несмотря на столь серьезное количество упоминаемых в прессе НРД, масштабы проблематики нетрадиционной религиозности не осознаются и не рефлексированы в общественном дискурсе. Белорусское общество де-факто проживает и переживает религиозное многообразие, но не обсуждает его, не полагает значимым предметом рефлексии и дискуссии, не делает из него для себя никаких выводов. Не меньший интерес представляет информация о 469 НРД (43,3 % от всех действующих в Беларуси), которые не упоминаются на страницах прессы. Тем самым в исследовании были

показаны границы печатных СМИ как источника первичной социологической информации о нетрадиционной религиозности в Республике Беларусь.

Во-вторых, вышеупомянутое деление позволяет квантифицировать степень односторонности печатных СМИ в подаче информации о НРД: 88,8 % от общего числа упоминаемых НРД представляются безальтернативно – либо в виде позитивной рекламы, либо только в рамках критики. Лишь по 11,2 % от упоминаемых в прессе НРД (7,2 % от предполагаемой генеральной совокупности НРД Беларуси) транслируется разнородная информация как критического, так и рекламного содержания. При этом достаточно редко встречаются классические дискуссии, когда одно или несколько СМИ публикуют череду материалов, представляющих НРД с разных точек зрения в рамках какой-то одной темы, вопроса или проблемной ситуации. Как правило, критика и реклама одной и той же группы происходят в разное время и на страницах разных изданий. В результате перед конкретным читателем они также предстают в одностороннем ключе, так как человек, видящий рекламу НРД, не знает, что в другой белорусской газете когда-то была опубликована критика этой группы, равно как и наоборот. Даже если спустя несколько лет он встретит критический материал о НРД, то вряд ли вспомнит о виденной им когда-то рекламе этой же группы. Иначе говоря, хорошо заметная при ретроспективном анализе разносторонность СМИ в подаче материалов по означенным 78 НРД вовсе не очевидна при непосредственном ознакомлении с прессой в повседневном режиме. Количество НРД, активно и разносторонне обсуждаемых печатными СМИ, также будет варьироваться в разных странах мира. При этом общий уровень дискуссий по данной проблематике будет являться индикатором не только наличия конфликтов вокруг НРД, но и общего уровня правовой культуры и готовности граждан к спокойному общественному обсуждению самых актуальных и сложных проблем. К сожалению, надлежащий горизонт для сравнения с аналогичным показателем по СМИ в других государствах отсутствует.

В-третьих, анализ 78 критикуемых и рекламируемых НРД выявил доминирование высокоструктурированных сект и культов (37 групп) над среднеструктурированными клиентурными культами (25 групп) и слабоструктурированными аудиторными культами (16 групп). При этом 36 из 37 сект и культов, 9 из 25 клиентурных и 8 из 16 аудиторных культов были созданы за рубежом. Иначе говоря, несмотря на то что иностранные и белорусские НРД в целом уравниваются друг друга, в белорусской прессе дискутируется деятельность преимущественно зарубежных высокоструктурированных НРД, в то время как отечественные секты и культы очень редко становятся предметом пристального внимания.

Структурные характеристики рекламируемых НРД

Установление перечня рекламируемых НРД позволило автору сопоставить его с полученными в предыдущих исследованиях материалами по этим организациям, содержащими данные о типе их структуры и содержания, стране происхождения, годе основания и нескольких десятках иных переменных. В настоящей работе остановимся только на сравнительном анализе количества критикуемых и рекламируемых НРД разных типов структуры, а также на их сопоставлении с распределением предполагаемой генеральной совокупности НРД Беларуси.

Исследование показало, что чем более развита структура НРД, тем реже оно рекламирует себя в печатных СМИ. Так, 43,5 % от общего числа сект и культов, 46,8 % клиентурных культов, 58,8 % аудиторных культов и 59,1 % сектоподобных групп прибегают к рекламе в печатных СМИ. Этот результат достаточно интересен, с учетом того что именно высокоструктурированные секты и культы имеют больше ресурсов для саморекламы, чем слабоструктурированные аудиторные культы. Объяснение этих данных требует проведения отдельного исследования. В качестве рабочей гипотезы можно предположить пока следующий вариант. В совре-

менном мире печатные СМИ уступили свои позиции стремительно развивающимся электронным СМИ. Вслед за этим изменились приоритетные площадки для рекламы наиболее состоятельных и высокоструктурированных НРД. Последние не оставляют полностью мир печатных СМИ, но все чаще предпочитают более наглядные и престижные формы рекламы в электронных медиа. По сравнению с ними дешевая реклама в печатных СМИ более доступна слабоструктурированным НРД. При этом еще 50–60 лет назад газеты и журналы имели большее значение в системе СМИ, становились основной ареной ожесточенной борьбы сторонников и противников НРД, а также приоритетным местом саморекламы наиболее крупных и влиятельных НРД. Соответственно, если данная гипотеза верна, то ретроспективный анализ должен будет показать постепенное уменьшение доли высокоструктурированных НРД, рекламирующих себя в печатных СМИ, по мере институализации и массового распространения электронных СМИ.

В таблице представлено распределение рекламируемых и критикуемых НРД по типам структуры в сопоставлении с распределением предполагаемой генеральной совокупности НРД.

Рекламируемые и критикуемые НРД по структуре, %

Advertising and critic of NRM and their structure, %

Тип НРД	Реклама	Критика	Предполагаемая генеральная совокупность
Секты и культы	13,1	50,8	15,7
Клиентурные культы	32,6	31,3	36,3
Аудиторные культы	49,7	17,9	43,9
Сектоподобные группы	4,6	–	4,1
Итого	100	100	100

Результаты показали, что соотношение количества рекламируемых НРД разных типов структуры достаточно точно отражает общее распределение типов НРД в стране: *чем менее структурирован тот или иной тип нетрадиционной религиозности, тем в большей степени он представлен в обществе и тем большее число составляющих его сообществ рекламируют свою деятельность в печатных СМИ*. Как отмечалось ранее, для критикуемых НРД существует обратная зависимость.

Качественный анализ результатов исследования подтверждает изначальное предположение о том, что реклама НРД в печатных СМИ, равно как и ее отсутствие, не являются значимым индикатором для определения отношения НРД к обществу.

Во-первых, в печатных СМИ давали рекламу НРД, негативно относившиеся к обществу (например, «Аум Синрикё», «Семья», «Великое Белое Братство», «Ошо» и др.), причем некоторые из них

даже были вовлечены в различные акции с нарушением общественного правопорядка вплоть до совершения террористических актов. Автору приходилось сталкиваться с рекламными объявлениями в прессе сатанистов (правда, в СМИ других стран мира). Основная сложность для таких групп состоит не в преодолении сопротивления редакции газеты, которого практически никогда и нет, а в совершении самого акта рекламы на площадях крайне негативно воспринимаемых ими СМИ.

Во-вторых, очень хорошо и позитивно относящиеся к обществу НРД могут не рекламировать себя в печатных СМИ, но при этом использовать электронные СМИ, иные площадки для рекламы. Они также могут не прибегать ни к каким опосредованным формам рекламы и заниматься только уличной проповедью (например, «Международная Церковь Христа» и др.).

Заключение

Данная статья является лишь кратким введением в проблематику рекламы НРД в печатных СМИ. Несмотря на это, некоторые результаты не только представляют интерес сами по себе, но и могут стать отправной точкой для углубления и развития означенной проблематики. Так, была выявлена некорректность допущения об односторонне критическом отношении печатных СМИ к сектантству в целом и к НРД в частности. Пресса в несколько раз чаще рекламирует деятельность НРД, чем критикует. Не менее половины всех НРД Беларуси работают с печатными СМИ, используя их в качестве одного из каналов для саморекламы. Белорусские

СМИ действительно склонны к уходу от дискуссий и к односторонности в представлении темы НРД. Однако по преимуществу это односторонность в рекламе и лишь затем в критике НРД. Несмотря на фактически данное и публично демонстрируемое на страницах белорусской прессы религиозное разнообразие конфессионального пространства Беларуси, обществом оно практически не замечается. Отсутствие официальной регистрации, а также нелегальный либо полунелегальный статус некоторых НРД не являются препятствием для их рекламы в печатных СМИ (равно как и легальный статус не приводит к уменьшению критики НРД).

Библиографические ссылки

1. Scheffler AC. «Jugendsekten» in Deutschland. *Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 1989. 229 S.
2. Beckford JA. The mass media and new religious movements. In: Wilson B, Cresswell J, editors. *New Religious Movements. Challenge and Response*. London: Routledge; 1999. p. 103–119.
3. McCloud S. From exotics to brainwashers: portraying new religions in mass media. *Religion Compass*. 2007;1(1): 214–228. DOI: 10.1111/j.1749-8171.2006.00001.x.
4. Wessinger C. The Branch Davidians and religion reporting: a ten-year retrospective. In: Newport KGC, Gribben C, editors. *Expecting the End: Millennialism in Social and Historical Context*. Waco: Baylor University Press; 2006. p. 147–172.
5. Richardson JT, van Driel B. Journalists' attitudes toward new religious movements. *Review of Religious Research*. 1997;39(2):116–136. DOI: 10.2307/3512177.
6. Hassenfeldt MB. New Age, NRM's and the press. *News from RENNER*. 1993;1:21–24.
7. Wilson BR. A typology of sects. In: Bockock R, Thompson K, editors. *Religion and ideology*. Manchester: Manchester University Press; 1985. p. 297–311.
8. Мартинович ВА. Идентификация новых религиозных движений в печатных СМИ Беларуси. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:56–65.
9. Ротман ДГ. Новые подходы к сбору и анализу информации (из опыта полевых исследований). *Социологические исследования*. 2015;5:145–149.

References

1. Scheffler AC. «Jugendsekten» in Deutschland. *Öffentliche Meinung und Wirklichkeit. Eine religionswissenschaftliche Untersuchung*. Frankfurt am Main: Peter Lang; 1989. 229 S.
2. Beckford JA. The mass media and new religious movements. In: Wilson B, Cresswell J, editors. *New Religious Movements. Challenge and Response*. London: Routledge; 1999. p. 103–119.
3. McCloud S. From exotics to brainwashers: portraying new religions in mass media. *Religion Compass*. 2007;1(1): 214–228. DOI: 10.1111/j.1749-8171.2006.00001.x.
4. Wessinger C. The Branch Davidians and religion reporting: a ten-year retrospective. In: Newport KGC, Gribben C, editors. *Expecting the End: Millennialism in Social and Historical Context*. Waco: Baylor University Press; 2006. p. 147–172.
5. Richardson JT, van Driel B. Journalists' attitudes toward new religious movements. *Review of Religious Research*. 1997;39(2):116–136. DOI: 10.2307/3512177.
6. Hassenfeldt MB. New Age, NRM's and the press. *News from RENNER*. 1993;1:21–24.
7. Wilson BR. A typology of sects. In: Bockock R, Thompson K, editors. *Religion and ideology*. Manchester: Manchester University Press; 1985. p. 297–311.
8. Martynovich VA. Identification of new religious movements in printed media in the Republic of Belarus. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:56–65. Russian.
9. Rotman DG. Modern sociological research: opportunities for improving data quality, new approaches to data collection and analysis of information. *Sociological Studies*. 2015;5:145–149. Russian.

Статья поступила в редколлегию 28.02.2019.
Received by editorial board 28.02.2019.

УДК 316(438)

НОВЫЙ АВТОРИТАРИЗМ: КРИЗИС ИЛИ КОНЕЦ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ДЕМОКРАТИИ?

ЕЖИ ВЯТР^{1), 2)}

¹⁾Европейская высшая школа права и управления, ул. Гродзенска, 21/29, 03-750, г. Варшава, Польша

²⁾Варшавский университет, пр. Краковское предместье, 26/28, 00-927, г. Варшава, Польша

Представлено мнение автора о кризисе либеральной демократии. Проводится различие между современным и предыдущими ее кризисами. Рассматривается становление авторитарных режимов нового типа, выделяются их характерные особенности. Утверждается, что, в отличие от авторитаризма прошлого века, прочность авторитарных режимов нынешнего столетия основывается не на применении насилия, а на сохранении поддержки избирателей. Отмечается, что социальные источники данной поддержки имеют не только экономический, но и культурный характер, обусловлены разрушением демократических институтов. Сформулирован вывод о необходимости проведения реформ институтов представительной демократии, а также изменения социально-экономической и образовательной политики, призванных снизить угрозу краха либеральной демократии.

Ключевые слова: либеральная демократия; новый авторитаризм; кризисы либеральной демократии; верховенство права; национализм.

THE NEW AUTHORITARIANISM: THE CRISIS OR THE END OF LIBERAL DEMOCRACY?

JERZY VYATR^{a, b}

^aEuropean Higher School of Law and Management, 21/29 Grodzieńska Street, Warsaw 03-750, Poland

^bUniversity of Warsaw, 26/28 Krakowskie Przedmieście Avenue, Warsaw 00-927, Poland

The article presents the author's opinion about the crisis of liberal democracy and highlights the distinction between the current crisis of liberal democracy and its previous appearances. Author considers the formation of new authoritarian regimes and defines their characteristic features. In contrast to authoritarian regimes of the last century, the strength of

Образец цитирования:

Вятр Ежи. Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии? Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;3:25–31.

For citation:

Vyatr Jerzy. The new authoritarianism: the crisis or the end of liberal democracy? *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:25–31. Russian.

Автор:

Ежи Вятр – доктор социологии, профессор; почетный ректор¹⁾, почетный профессор²⁾.

Author:

Jerzy Vyatr, doctor of sociology, full professor; honorary rector^a, honorary professor^b.
zhanna0607@mail.ru

authoritarian regimes of the new century is based not on the use of violence, but on maintaining the electoral support. The social sources of this support are not only economic, but also cultural, and are connected to the destruction of democratic institutions. Author concludes that reforms of the institutions of representative democracy and changes in social, economic and educational policies can reduce the threat of collapse of liberal democracy.

Keywords: liberal democracy; new authoritarianism; crises of liberal democracy; rule of law; nationalism.

В конце XX в. в размышлениях о политическом будущем мира доминировало оптимистическое убеждение о необратимом триумфе либеральной демократии. Холодная война завершилась победой демократического Запада и окончанием правления коммунистической партии в Европе, причем не только сменой системы, но и, что представлялось наиболее важным, распадом Советского Союза. Государства, возникшие в результате падения этой державы, в том числе Российская Федерация, находились в глубоком кризисе, и казалось, что ни одно из них не будет представлять угрозу глобальному доминированию блока демократических государств, сосредоточенных вокруг США. Несколько ранее демократические изменения произошли почти во всех латиноамериканских странах, включая такие оплоты авторитаризма, как Аргентина, Бразилия и Чили. Мировое господство Соединенных Штатов чаще всего рассматривалось как гарантия не только сохранения, но и постепенного расширения демократического порядка в мире.

Анализируя процесс преобразования государственного устройства в «посткоммунистической» Европе, я выражал убеждение, что в Центральной Европе, в отличие от стран, вошедших в СССР до 1939 г., демократические изменения носят постоянный, в сущности, необратимый характер [1], что, однако, не означало игнорирования мною возможности возникновения угроз и кризисов.

С прежним оптимизмом контрастирует сегодняшнее тревожное предчувствие, что мы стоим перед лицом краха либеральной демократии в глобальном масштабе. «Это, – говорит выдающийся эксперт в области политической теории Мартин Круль, – конец мира либеральной демократии, которая достигла феноменальных успехов в последние 70 лет на Западе и в последние 30 лет – у нас. Это было нечто невероятное в истории. Однако этому пришел конец» [2]. Более десяти лет назад о кризисе либеральной демократии и о перспективе ее замены гибридом под названием «нелиберальная демократия» писал американский публицист Фарид Закария [3].

Обоснованием для нынешней волны пессимизма служат три обстоятельства. Во-первых, это сдерживание того, что Сэмюэл Хантингтон назвал «третьей волной демократизации» в своей знаменитой книге, опубликованной в 1991 г. [4]. После выхода данной книги глубокие демократические перемены произошли только в Южно-Африканской Республике, где была отменена система апар-

теида и в 1994 г. были проведены демократические выборы, на которых одержали победу Африканский национальный конгресс и его лидер Нельсон Мандела. В государствах, возникших в результате распада СССР (за исключением Эстонии, Литвы, Латвии и Молдовы, вошедших в состав Союза в 1940 г.), изменение государственного устройства привело либо к установлению авторитарного правления, осуществляемого чаще всего бывшими руководителями республиканских коммунистических партий, либо к возникновению гибридных систем, в которых элементы представительной демократии переплетаются с остатками авторитарной власти, а также с мафиозными структурами. Демократические изменения не затронули коммунистические страны Азии. При этом Китайская Народная Республика демонстрирует бесспорные экономические и политические успехи, что подчеркивает или отодвигает в очень отдаленное будущее перспективу демократических перемен в самой населенной стране мира. Начавшаяся в 2011 г. «арабская весна» вопреки ожиданиям не привела к демократизации арабских государств (за исключением Туниса) и принесла хаос и даже гражданские войны (в Йемене, Ливии и Сирии).

Вторая причина растущего пессимизма – кризис американской гегемонии. В конце XX в. для многих аналитиков аксиомой являлось то, что глобальное господство этой демократической державы обеспечит расширение демократического пространства в мире. Однако этого не случилось. Соединенные Штаты были втянуты в войну с Ираком, что привело к подрыву авторитета США в мире и стало самой большой стратегической ошибкой этой страны за всю ее историю. Одним из последствий иракского фиаско стал рост антиамериканских настроений в исламских государствах, что наряду с другими обстоятельствами способствует сохранению авторитарных систем.

Третья и самая сложная причина нынешнего пессимизма – рост волны правого экстремизма и национализма не только во многих вышедших из диктатур в конце XX в. странах, но и в некоторых «старых демократиях». Победа Дональда Трампа на президентских выборах в США в 2016 г., сильная позиция Национального фронта во Франции и Лиги Севера в Италии, а также подобные явления в некоторых других государствах демократического Запада привели к ощущению того, что демократия находится в кризисе. Очень решительно – в пессимистическом тоне – об этом писал Зигмунт Бауман

в одном из своих последних социологических эссе, опубликованном уже после его смерти [5]. Клаус фон Байме видит основную угрозу демократии в нарастающей волне правого популизма и национализма [6; 7]. Адам Пшеворский в своей новой книге [8] выражает опасение, что демократия будет постепенно деградировать, однако он отказывается от крайне пессимистического видения упадка демократической системы в большинстве стран,

где она в настоящее время действует. Я разделяю его точку зрения и полагаю, что, хотя угроза серьезна, исход борьбы за политическое будущее нашего мира не предreshен. То, что демократия находится в кризисе, не обязательно означает ее конец: данный кризис может стать отправной точкой для глубоких реформ, результатом которых станет более сильная и устойчивая к испытаниям демократия.

Старый и новый авторитаризм: сходства и отличия

Существует важное различие между современным кризисом либеральной демократии и его «предшественниками», в частности волной антидемократических переворотов в межвоенной Европе. Тогда свержение демократических систем – от итальянского Марша на Рим (1922) до гражданской войны в Испании (1936–1939) – было насильственным и привело к установлению диктаторских режимов, основанных на насилии. Этому не противоречит тот факт, что в некоторых странах пришедшие к власти диктаторы пользовались поддержкой большинства граждан. Главным образом так происходило в Германии, где поддержка Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП) была особенно масштабной и продолжительной. Однако даже в этой стране диктаторская система основывалась не на демократически выраженной воле граждан, а на насилии. Когда лидер НСДАП Адольф Гитлер стал канцлером, он быстро провел серию антидемократических реформ, установив то, что Франтишек Рышка метко назвал «страной чрезвычайного положения» [9]. Франц Нейман, автор первой монографии о нацистском государстве, опубликованной в 1942 г., указывает, что Закон о чрезвычайных полномочиях, выступивший правовой основой для замены веймарской демократической системы партийной диктатурой, был принят в атмосфере террора, когда более 80 коммунистических и значительное число социалистических депутатов еще до этого оказались в тюрьме и поэтому не могли принять участие в голосовании [10, с. 60]. Насилие не перестает быть таковым по причине того, что оно используется при поддержке большинства. При многих антидемократических переворотах межвоенного периода открытое насилие, особенно в форме военного захвата власти, было источником авторитарного правления. Пример Майского переворота в Польше (1926) хорошо это иллюстрирует. Даже через два года после прихода к власти лагерь маршала Пилсудского не смог победить на демократических выборах 1928 г., поскольку оппозиционные партии пользовались поддержкой большинства избирателей.

Авторитарные изменения, происходящие во многих до этого демократических странах в XXI в., носят иной характер. Они не являются переворо-

тами, а выступают следствием того, что антидемократические группы получают поддержку избирателей на свободных и состязательных выборах. Это относится не только к завоеванию власти, но и к ее осуществлению. Характерная особенность нового авторитаризма заключается в том, что правители вновь получают мандат на правление на следующих выборах, при этом выборы по большому счету являются свободными, а у оппозиции есть реальная возможность участия в них. Прочность нового авторитаризма основывается не на применении насилия, а на сохранении политической поддержки. Между прошлыми авторитарными режимами и их современными аналогами существует также значительная разница в масштабах насилия. Первые широко применяли его не только в процессе завоевания власти, но и после того. В Аргентине во время последней военной диктатуры были убиты не менее 30 тыс. человек, а в Чили после государственного переворота – около 3 тыс. Даже относительно мягкий (по сравнению с другими) польский авторитарный режим 1926–1939 гг., хотя и не уничтожал массово своих противников, но тысячи из них заключил в тюрьму, в том числе в концентрационный лагерь в Березе-Картузской, основанный в 1934 г. Современные авторитарные системы обычно не используют массовые политические репрессии, не лишают свободы (по крайней мере, повально) своих противников и не применяют смертную казнь. Исключением (но все же без применения смертной казни) является волна репрессий в Турции после неудачного военного переворота в июле 2016 г., что, однако, в некоторой степени оправдано тем, что часть оппозиции прибегла к незаконным мерам по свержению власти, обладающей мандатом.

В социологии политики давно проводится различие между тоталитарными и авторитарными системами. Первые были определены Карлом Фридрихом и его учеником Збигневом Бжезинским в классической работе по автократии и тоталитаризму [11]. Согласно их определению, тоталитарные системы – это те и только те системы, которые характеризуются одновременно концентрацией всей политической власти в руках партии, идеологией, провозглашающей общее переустройство

мира, отсутствием политического плюрализма, монополией в экономике, политической и духовной жизни. Тоталитарная диктатура, понимаемая таким образом, была по своей природе партийным, а не военным режимом. Армия находилась под строгим контролем гражданских властей, который иногда (как в СССР в 1937–1938 гг.) осуществлялся с помощью массового террора.

Более полувека назад Хуан Линц – американский социолог политики испанского происхождения – провел важное теоретическое различие между тоталитаризмом и авторитаризмом [12; 13]. Данное различие было признано в науке, однако несмотря на это некоторые политики и публицисты упорно называют тоталитарными все диктатуры. Авторитарные системы в определении Линца характеризуются: 1) ограниченным политическим плюрализмом, который при этом не ведет к эффективной конкуренции за власть в государстве; 2) отсутствием господствующей идеологии, вместо которой существует определенный, не обязательно когерентный, ресурс мнений; 3) отсутствием интенсивной политической мобилизации; 4) осуществлением власти лидером или (в исключительных случаях) небольшой группой правителей в соответствии с плохо определенными институциональными нормами. Я бы добавил к этому ряду еще одну особенность, которая заключается в очень сильной, чаще всего доминирующей позиции армии и выходящих из нее политиков.

Такие (классические) авторитарные системы все еще можно найти в Азии и Африке, в то время как в Европе и Латинской Америке они исчезли в рамках «третьей волны демократизации». В Европе падение трех авторитарных режимов произошло в 1970-х гг. (в Португалии и Греции – в 1974 г., а в Испании – вскоре после смерти генералиссимуса Франко в 1975 г.). В Латинской Америке авторитарные системы были ликвидированы в 1980-х гг. Причем ни в Европе, ни в Америке не имел место возврат к авторитарным режимам, определенным выше.

Однако это не означает, что авторитаризм оказывается эхом прошлого. Его нынешнее воплощение, называемое новым авторитаризмом, имеет некоторые особенности, которые я обозначил в определении его в качестве системы концентрированной государственной власти, не считающей разделение властей, верховенство закона и конституционные нормы, ограничивающей гражданские права и свободы [14]. Именно отношение к закону и гражданским свободам является ключевым вопросом, без понимания которого невозможно уяснить суть нового авторитаризма. Он не лишен демократической легитимации. Наоборот, стабильные неавторитарные режимы характеризуются тем, что правители регулярно получают мандат на со-

стязательных выборах, в отношении которых даже противники нового авторитаризма не говорят о какой-либо фальсификации.

Это означает, что при анализе авторитаризма центральным вопросом является не способ завоевания и сохранения власти, а способ ее осуществления и в особенности отношение к закону, который выступает наиболее важной защитой свободы граждан.

Кризис либеральной демократии, о котором сейчас часто пишут и говорят, не является результатом лишения людей возможности решать, кто правит, а представляет собой кризис институтов, призванных гарантировать, что «народное правление» не превратится в «тиранию большинства» [15].

Однако это не новая проблема. Почти два столетия назад Алексис де Токвиль писал, что «во времена, когда правитель постоянно вмешивается во все сферы человеческой деятельности и когда частные лица слишком слабы, чтобы защитить себя, и слишком изолированы, чтобы рассчитывать на помощь себе подобных, судебная власть приобретает особое значение в деле защиты свободы» [16, с. 476]. Все новые авторитарные системы принимают – более или менее эффективно – действия, направленные на подчинение судебной власти политическому фактору: либо в виде всепаления исполнительной власти, либо в виде власти легислатуры, свободной от конституционных ограничений, либо, в конце концов, в виде комбинации этих вариантов. Независимая судебная власть, в том числе и конституционная, является для нового авторитаризма неприемлемым источником правового импоссибилизма, когда политики не могут свободно осуществлять свои намерения, поскольку им препятствуют правовые нормы и охраняющие их суды. Идея «единой государственной власти», на которую когда-то ссылались для оправдания диктатуры коммунистической партии, возродилась в концепции, согласно которой национальные интересы – в понимании правящей группы – должны стоять над законом. Это выражается либо в действии представителей нового авторитаризма в обход закона, либо в пересмотре конституции, либо, если такой пересмотр невозможен, в подчинении ее положений политическим потребностям правящего лагеря. В этом смысле новый авторитаризм, как и его классический «предшественник», является отрицанием демократического правового государства. Ни степень поддержки, ни умеренность в применении насилия в этом отношении ничего не меняют.

При таком взгляде на новый авторитаризм решающее значение имеет понимание корней его политической поддержки. Пока она сильна, система функционирует слаженно, не испытывая серьезных потрясений и не прибегая к открытой силе. Однако

когда поддержка ослабевает, перед новым авторитаризмом возникает дилемма: отдать власть или продолжить правление, но уже на основе насилия, соответственно, по образцу старых авторитарных режимов. Основным условием сохранения высо-

кого уровня политической поддержки является оправдание тех ожиданий общественности, которые и привели к власти авторитарную партию.

Это подводит нас к вопросу об источниках поддержки нового авторитаризма.

Социальные источники нового авторитаризма

Новый авторитаризм черпает свою силу в процессах, которые привели к кризису демократии в XXI в. Они не являются однородными и по-разному протекают в затронутых ими странах. Несмотря на значительные отличия между отдельными государствами, можно выделить несколько наиболее распространенных социальных процессов, дестабилизирующих либеральную демократию.

Одним из них является экономическая неудовлетворенность более бедных слоев населения и даже той части среднего класса, которая ощущает несправедливость в связи с экономической стагнацией (или в связи с ухудшением своего материального положения, что особенно проявляется в виде растущей диспропорции между ними и быстро богатеющим высшим классом). В первый период политических преобразований в бывших социалистических странах мы проводили совместные международные исследования угроз стабилизации для новых демократий. Среди таковых на первый план мы выдвигали социальные последствия экономической рецессии, безработицы и явно усиливающейся экономической поляризации [17]. Примерно в то же время, когда я писал об угрозе нового авторитаризма в Восточной Европе, я постулировал проведение социально-экономической политики, направленной на снижение социальной напряженности посредством «социального соглашения», основанного на компромиссах между правительством, группами капиталистических интересов, а также профсоюзами и сельскохозяйственными организациями [18, s. 212–213]. В те годы казалось, что острый конфликт на фоне экономической ситуации развивается единообразно только в тех странах, которые проходят системную трансформацию, так как хорошо функционирующее социальное государство на Западе, как мы думали, должно было предотвращать появление подобных проблем. Но все изменилось в текущем столетии, особенно под влиянием глобального финансового кризиса 2008 г. Адам Пшеворский среди причин нынешнего кризиса либеральной демократии выделяет экономическую стагнацию, рост неравенства и замедление процессов социальной мобильности [8, гл. 5]. Некоторым подтверждением социально-экономической интерпретации современного кризиса служит то, что кризисные явления сильнее проявляются в менее богатых странах. Однако и в более благополучных государствах есть признаки социального

недовольства, которое эксплуатируется авторитарными лидерами, что наиболее очевидно иллюстрирует пример президентства Дональда Трампа.

Нельзя недооценивать экономический фактор, но при этом нельзя сводить лишь к нему всю проблему. Исследования Мачея Гдули об авторитаризме в польских условиях привели его к выводу, что источники данного явления имеют не только экономический, но и культурный характер [19]. Это подтверждается, в частности, результатами выборов в местные органы власти в 2018 г., на которых партия «Право и справедливость» достигла лучших результатов в сельской местности, среди менее образованных избирателей, и в воеводствах, входящих в состав бывших российских и австрийских разделов, на основе чего можно сформулировать тезис, что правящую партию поддерживали более консервативные избиратели, которые привязаны к традициям и испытывают страх перед последствиями модернизации (не только экономической).

С этим взаимосвязаны рост и радикализация национализма. Я разделяю мнение Клауса фон Байме, который видит наибольшую угрозу для либеральной демократии именно в нарастающей волне национализма [7]. Исследования, проведенные Иренеушем Кшеминским в Польше, показывают, что антисемитизм в стране радикализировался в последние годы, однако это не означает, что он все шире распространяется среди населения, а указывает на то, что он принимает более открытую и жесткую форму [20]. Радикализация национализма является общей проблемой и требует более глубокого анализа. Похоже, что в ее основе лежит не одна причина, а совокупность ряда обстоятельств: неудовлетворенности, вызванной ухудшением условий жизни, что, согласно давно установленным закономерностям, ведет к агрессии и поиску козла отпущения; опасений, связанных с наплывом беженцев из Африки и Ближнего Востока; затянувшегося израильско-палестинского конфликта. Поскольку у данного явления нет единой причины, невозможно сформулировать простую программу борьбы с ним, которая будет эффективной в любых условиях. Однако можно надеяться, что рост национализма сопровождается более сильным, чем раньше, ростом сопротивления ему. Именно эта оппозиция является предпосылкой для умеренного оптимизма, выраженного в убеждении, что будущее не должно принадлежать гитлеризму и подобным движениям прошлого века.

Третьим источником кризиса демократии выступает разрушение демократических институтов в их нынешнем виде. Мы отмечаем повсеместный (хотя и протекающий в очень разном темпе) процесс ослабления традиционных политических партий, который используют новые, демонстративно антипартийные политические движения, появляющиеся как грибы после дождя. Войцех Садурский пишет: «Партийная система, в которой концепции управления сначала обсуждаются внутри и только потом подвергаются конкуренции с другими партиями, была в значительной мере заменена плебисцитной системой, в которой выборы являются в меньшей степени дебатами о партийных программах, а в большей – выражением мнения о лидерах партии» [21]. Последние

часто отказываются от своего реального лидерства в пользу подчинения «волеизъявлению народа», что наиболее ярко иллюстрирует решение бывшего премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона передать дело выхода Великобритании из Европейского союза в руки неподготовленных избирателей, голосовавших на референдуме, на котором условия «брексита» не были определены. Падение явки избирателей и рост политической апатии являются общей тенденцией, однако это не мешает возникновению случайной мобилизации вокруг какого-либо броского политического лозунга. Практически повсеместно отмечается и снижение доверия к политическим элитам, что дает импульс требованию массового «обмена элитами» [22].

Реформа или конец либеральной демократии?

Хотя есть много причин для беспокойства о будущем демократии, я не разделяю убеждение пессимистов о ее неизбежном поражении. В странах с многопоколенческой демократической традицией авторитарным популистам даже при условии победы на отдельных выборах не удастся разрушить демократическую систему, что наглядно демонстрирует беспомощность Дональда Трампа перед американской системой разделения властей. Новый авторитаризм наиболее успешен на периферии демократического мира, в странах, которые недавно вышли из диктаторских систем.

Однако существует опасность распространения кризисных явлений и в области старых, устоявшихся демократий. В этой связи нужно серьезно, но в то же время без фаталистического пессимизма смотреть на проблемы, стоящие перед демократией в текущем столетии.

Это означает, что существует необходимость в обдуманных институциональных реформах и прежде всего в пересмотре образовательной деятельности, направленной против обозначенных процессов в сфере политического сознания, которые представляют угрозу для демократии.

В области социально-экономической политики необходимо осуществление изменений, которые позволят остановить, а в будущем и обратить вспять процесс экономической поляризации. Однако в условиях экономической глобализации это очень сложная задача, так как принятие отдельными странами, например, реформы налоговой системы для более справедливой редистрибуции не приведет к успеху, поскольку капитал будет утекать в государства с более благоприятной налоговой политикой. Это требует действий на международном уровне, что сложно, но не является невозможным.

С другой стороны, в компетенции отдельных стран лежит образовательная политика, которая должна препятствовать распространению ксено-

фобских, расистских и националистических взглядов. Везде, где националисты (пока) не находятся у власти, необходимо повышать общественную чувствительность к данному явлению. Малейшее проявление терпимости в отношении этих взглядов во имя свободы слова представляет угрозу для сущности демократии, поборники которой должны умело взвешивать аргументы, защищать свободу от ее врагов, не поддаваться моральному террору тех, кто использует демократические принципы для прикрытия антидемократических действий.

Также существует необходимость в обдуманном реформировании институтов представительной демократии. Многие из этих институтов были основаны на допущении, что все будут руководствоваться доброй волей и действовать в соответствии не только с буквой закона, но и с духом демократического правового государства. Опыт, в том числе польский, демонстрирует, что так не всегда должно быть. Отсюда вытекает необходимость уточнения правовых норм и устранения в них лазеек, которые искусно используются авторитарными политиками. Помимо этого, крайне важно последовательно привлекать к ответственности тех, кто нарушает закон. Уже были случаи, когда после возвращения демократических групп к власти предыдущие конституционные или гражданско-правовые правонарушения были забыты, что лишь разнуздывало тех, кто подобные нарушения допускал.

Особенно важным является создание или восстановление аутентичной государственной службы – беспартийного государственного аппарата, который лояльно служит каждому правительству и свободен от политических связей, в частности от политически обусловленных карьерных путей.

Крайне важно укрепить (в том числе там, где их восстановление было подорвано) институты верховенства права – независимую судебную власть и свободную от политического давления прокура-

туру. Одной из гарантий их независимости должен стать отказ от обязательной отставки судей (как, например, в Верховном суде США) путем установления процедуры, согласно которой судья, чье состояние здоровья не позволяет осуществлять полномочия, может быть отстранен от должности.

Постулаты расширения прав и возможностей граждан, которые часто чувствуют себя отчужденными и лишенными реального влияния на государственную политику, могут и должны быть восстановлены путем возврата им собственной роли, например посредством хорошо структурированных правил представления важных решений на ре-

ферендуме или конституционно гарантированного права на подачу эффективной гражданской законодательной инициативы.

На мой взгляд, обозначенные меры являются наиболее важными средствами, которые необходимы для обеспечения эффективной защиты либеральной демократии от ее врагов. При этом защита демократии похожа на борьбу с болезнями: предпринимаемые меры не гарантируют полного устранения угроз, но позволяют их эффективно снижать. Нынешний кризис демократии не должен быть ее концом. Он может стать импульсом для ее углубления.

References

1. Wiatr JJ. *Europa pokomunistyczna: przemiany państw i społeczeństw po 1989 roku*. Warszawa: Naukowe Scholar; 2006. 419 s.
2. Król M. Obyśmy znów nie byli głupi. *Polityka*. 2019;1:17–19.
3. Zakaria F. *The Future of Freedom: Illiberal Democracy at Home and Abroad*. New York: W. W. Norton; 2007. 304 p.
4. Huntington SP. *Trzecia fala demokratyzacji*. Warszawa: PWN; 1995. 328 s.
5. Bauman Z. Some of the Foremost Challenges to the Status Quo. *Studia Socjologiczno-Polityczne. Seria Nowa*. 2017;2: 31–45. DOI: 10.26343/0585556X20702.
6. von Beyme K. *From Post-Democracy to Neo-Democracy*. Cham: Springer International Publishing AG; 2018. 127 p.
7. von Beyme K. Populism, right-wing extremism and neo-nationalism. In: Wiatr JJ, editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century*. Opladen: Verlag Barbara Budrich; 2019. p. 9–16.
8. Przeworski A. *Crises of Democracy*. New York: Cambridge University Press; 2019. 250 p.
9. Ryszka F. *Państwo stanu wyjątkowego. Rzecz o systemie państwa i prawa Trzeciej Rzeszy*. Wrocław: Zakład Narodowy imienia Ossolińskich; 1964. 504 s.
10. Neuman F. *Behemot. Narodowy socjalizm. Ustrój i funkcjonowanie 1933–1944*. Warszawa: Textura; 2016. 734 s.
11. Friedrich CJ, Brzezinski ZK. *Totalitarian Dictatorship and Autocracy*. Cambridge: Harvard University Press; 1956. 346 p.
12. Linz JJ. An authoritarian regime: Spain. In: Allardt E, Littunen Y, editors. *Cleavages, Ideologies and Party Systems: Contributions to Comparative Political Sociology*. Helsinki: The Academic Bookstore; 1964. p. 291–341.
13. Linz JJ. *Totalitarian and Authoritarian Regimes*. Boulder: Lynne Rienner Publishers; 2000. 343 p.
14. Wiatr JJ. New and old authoritarianism in a comparative perspective. In: Wiatr JJ, editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century*. Opladen: Verlag Barbara Budrich; 2019. p. 169–181.
15. Maravall JM. Rządy prawa jako broń polityczna. W: Maravall JM, Przeworski A, redaktorzy. *Demokracja i rządy prawa*. Warszawa: Scholar; 2010. s. 253–290.
16. de Tocqueville A. *O demokracji w Ameryce*. Warszawa: Państwowy Instytut Wydawniczy; 1976. 488 s.
17. Przeworski A, editor. *Sustainable Democracy*. Cambridge: Cambridge University Press; 1995. 156 p.
18. Wiatr JJ. Democracy versus a new authoritarianism in Eastern Europe. In: Kilminster R, Varcoe I, editors. *Culture, Modernity and Revolution: Essays in Honour of Zygmunt Bauman*. London: Routledge; 1996. p. 201–214.
19. Gdula M. *Nowy autorytaryzm*. Warszawa: Wydawnictwo Krytyki Politycznej; 2018. 112 s.
20. Krzemiński I. Antysemityzm narodowo-katolicki. *Gazeta Wyborcza*. 2013, 20 września.
21. Sadurski W. «Nieliberalna demokracja» to polityczny jednorożec. *Gazeta Wyborcza*. 2018, 11 maja.
22. Reykowski J. The Massive Exchange of Elites as a Mean of Formation of the Authoritarian Regime. In: Wiatr JJ, editor. *New Authoritarianism: Challenges to Democracy in the 21st Century*. Opladen: Verlag Barbara Budrich; 2019. p. 50–56.

Статья поступила в редакцию 17.04.2019.
Received by editorial board 17.04.2019.

Перевод с польского языка И. Г. Неделевской¹.

¹Илона Генриховна Неделевская – преподаватель кафедры образовательных технологий факультета профессиональной самореализации Гродненского областного института развития образования.

Ilona G. Nedelevskaya, lecturer at the department of educational technologies, faculty of professional self-realization, Grodno Regional Institute of Education Development.

УДК 101.9;113/119

КОСМИЧЕСКИЕ ВОЗЗРЕНИЯ Н. Н. МОИСЕЕВА И ИХ МЕСТО В РУССКОМ КОСМИЗМЕ

П. С. КАРАКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Раскрывается содержание космических идей Н. Н. Моисеева, их место в системе русского космизма. Устанавливаются особенности постижения им биосферы и ее эволюции в ноосферу, специфика выражения научных знаний в соответствующих теоретических положениях. Подчеркивается важность обоснования космистом идеи коэволюции человека и биосферы, роли экологического и нравственного императивов в реализации данной идеи. Выявляется актуальность обоснованных Н. Н. Моисеевым положений относительно экологического образования и экологического воспитания учащихся и студентов и необходимости их осуществления в настоящее время.

Ключевые слова: русский космизм; биосфера; ноосфера; математическое моделирование; коэволюция; экологический императив; нравственный императив; экологическое образование.

COSMIC VIEWS OF N. N. MOISEEV AND THEIR PLACE IN RUSSIAN COSMISM

P. S. KARAKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article reveals the content of cosmic views of N. N. Moiseev, their place in the system of Russian cosmism. The features of the comprehension of the biosphere, its evolution into the noosphere and the expression of scientific knowledge in the relevant theoretical positions are revealed. Emphasizes the importance of the cosmist substantiation of the idea of co-evolution of humankind and the biosphere, the role of environmental and moral imperatives in the implementation of this idea. Moreover the relevance of the provisions regarding the environmental education of pupils and students and the need for their implementation at the present time is proved.

Keywords: Russian cosmism; biosphere; noosphere; math modeling; co-evolution; environmental imperative; moral imperative; environmental education.

Современные экологические проблемы, их углубление и обострение вызывают все возрастающий интерес к научному наследию русского ученого и мыслителя В. И. Вернадского (1863–1945). Особенно активно осваиваются его учения о биосфере и ноосфере, а также космическая выраженность этих учений. Их постижение имеет принципиаль-

ное значение для разработки стратегий охраны природы и определения разумных форм отношения человека и общества к ней. В то же время стали появляться работы, в которых высказываются ошибочные суждения относительно восприятия отмеченных учений Вернадского его современниками и последующими представителями научного

Образец цитирования:

Карак ПС. Космические воззрения Н. Н. Моисеева и их место в русском космизме. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;3:32–39.

For citation:

Karako PS. Cosmic views of N. N. Moiseev and their place in Russian cosmism. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;3:32–39. Russian.

Автор:

Петр Семенович Карак – доктор философских наук, профессор; профессор кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук.

Author:

Petr S. Karako, doctor of science (philosophy), full professor; professor at the department of philosophy and methodology of science, faculty of philosophy and social sciences.
kafedra628@gmail.com

знания. Так, Р. К. Баландин утверждает, что «при жизни Владимира Ивановича (Вернадского. – П. К.) его идеи разрабатывали А. Е. Ферсман и Л. С. Берг и другие у нас и за рубежом. Позже его цитировали, повторяли, восхваляли – и только» [1, с. 273].

Как «при жизни» Вернадского, так и «позже» его биосферные идеи воспринимались представителями многих областей научного знания и прежде всего экологии. Особенности освоения и развития ими данных идей отражены в нашей специальной работе [2]. В последующих наших публикациях предметом исследования было влияние космических воззрений Вернадского на становление и развитие идей космизма в трудах П. А. Флоренского, Н. Г. Холодного, А. Л. Чижевского, Н. В. Тимофеева-Ресовского, В. Н. Сукачева.

Вызывает удивление и следующий вывод Р. К. Баландина: «Научные прозрения Вернадского не нашли должного отклика в среде ученых второй половины XX века» [1, с. 273]. Как раз в указанное цитированным автором время многие российские и зарубежные исследователи начали уделять самое пристальное внимание трудам и научным идеям Вернадского. Это касалось и его космических воззрений. Именно во второй половине XX в. биосферные и ноосферные идеи В. И. Вернадского, космизм его взглядов и представлений творчески воспринял и развивал биолог Н. В. Тимофеев-Ресовский. В образно-художественной форме данные воззрения Вернадского были выражены в художественных произведениях ученых-писателей И. А. Ефремова и С. П. Залыгина. Космизм последних раскрывался нами в работе [3, с. 34–49]. Но особенно ярким и по-

следовательным приверженцем космических идей Вернадского в конце XX в. был математик Н. Н. Моисеев (1917–2000), которого по праву следует считать и одним из представителей русского космизма.

Однако в современной специальной литературе причастность этого ученого к отмеченному течению русской мысли пока не находит освещения. Между тем в многочисленных трудах Н. Н. Моисеева 1980–90-х гг. имеет место оценка космических идей Н. Ф. Федорова, В. И. Вернадского, В. Н. Сукачева, Н. В. Тимофеева-Ресовского и других представителей русского космизма. Но наиболее обстоятельно содержание их космических воззрений раскрывается в работе [4, с. 283–293]. Сам же Моисеев считал себя приверженцем представлений Вернадского о космической выраженности жизни на Земле. Именно восприятие данной идеи и учения Вернадского о биосфере и ноосфере, а также собственные размышления о «ходе развития земной жизни», ее связи с Космосом и «привели» Моисеева к Вернадскому [5, с. 172].

Что же конкретно воспринял математик Моисеев у своего соотечественника Вернадского? Можно ли считать первого последователем второго? Какие идеи и положения, обоснованные Моисеевым, позволяют считать его труды вкладом в русский космизм, а его самого – представителем этого течения русской мысли? На решение поставленных вопросов и сориентирована настоящая работа. При этом первостепенное значение будет иметь выявление преемственной связи космизма Моисеева с космическими воззрениями Вернадского.

Биосфера – космоземная оболочка Земли

Наличие такого рода связи признавал и сам Моисеев. Так, в книге «Алгоритмы развития» (1987) он пишет, что взгляды, изложенные им в данной работе, опираются на воззрения Вернадского о характере развития планеты Земля, которые «вошли в историю научной мысли как учение о биосфере и ее постепенном переходе в ноосферу». По убеждению Моисеева, Вернадский «был первым из ученых-естественников, который понял космическое значение факта возникновения жизни на Земле и начал систематическое исследование ее влияния на планету, представляя жизнь “буфером” между космосом и “косным”, т. е. неживым, веществом Земли» [4, с. 13].

Далее им отмечается роль Вернадского в обосновании положения о космической обусловленности существования жизни на Земле. Именно «Земля, будучи космическим телом, непрерывно испытывает воздействие космических процессов. А жизнь, способная усваивать энергию Солнца непосредственно и трансформировать ее в земное вещество, многократно усиливает это воз-

действие» [4, с. 13–14]. Поскольку живое является основным компонентом особой оболочки Земли – биосферы, то последняя и выступает связующим звеном между Землей и Космосом. Для Вернадского биосфера есть космоземная оболочка Земли, а потому и все ее части, в том числе живое вещество и человек, имеют не только земную, но и космическую выраженность.

Отмеченные положения Вернадского были восприняты и Моисеевым. В его трудах «Человек и биосфера» (1985), «Человек и ноосфера» (1990) идеи о жизни как космическом явлении и о биосфере как космоземной оболочке Земли стали основополагающими при разработке собственных представлений о биосфере и ее процессах. Для Моисеева биосфера – это «своеобразный энергетический барьер между Землей и Космосом. Главный источник энергии, поступающий в биосферу, – солнечное излучение» [6, с. 160]. Оно поглощается зелеными растениями биосферы Земли и превращается в органическое вещество, которое потребляется другими формами живого (гетеротрофами) и ак-

кумуляруется в ископаемых видах углеродистых соединений. В наши дни запасы последних благодаря деятельности человека все в большей мере вовлекаются в круговорот вещества биосферы, что приводит к изменению структуры ее геохимических циклов и теплового равновесия. Исследование такого рода явлений и процессов было предметом внимания академика Н. Н. Моисеева и руководимого им Вычислительного центра АН СССР.

При осуществлении данных исследований им учитывались также положения академика В. Н. Сукачева о природных биогеоценозах как структурных компонентах биосферы. Да и сама биосфера принималась Моисеевым как единый биогеоценоз, в котором циркулируют различные потоки вещества, энергии, а также проявляется активная деятельность человека. В труде «Человек и биосфера» были представлены математические модели атмосферы, океана, морских льдов, круговорота углерода в системе «атмосфера – растения – почва», продуктивности процессов фотосинтеза зелеными растениями, влияния деятельности человека на осуществление сложившихся механизмов функционирования биосферы и т. д. Результаты проведенных исследований свидетельствовали о высокой

эффективности использования математического моделирования в постижении биосферы и ее функционирования. Применение данного метода познания позволило вскрыть и факт существования конфликтов между биосферой и обществом, разрешение которых позволило бы им нормально развиваться в нынешнее и будущее время [7, с. 249].

Особенно плодотворным было использование Моисеевым математических моделей в постижении биосферы как единого целого. Осуществление такого исследования позволило выявить ту «роковую черту» человеческой деятельности, достижение которой могло бы привести к подрыву сложившихся механизмов функционирования биосферы и к гибели самого активного ее компонента – человечества. Такая ситуация может сложиться при развязывании ядерной войны, следствием которой станет наступление «ядерной ночи» и «ядерной зимы». Именно они «скуют Землю» и погубят население нашей планеты [5, с. 81]. По убеждению Моисеева, нынешнее человечество не допустит такого финала своего существования. Его разум будет способствовать дальнейшей эволюции биосферы и ее сложившихся физико-химических констант, а также переходу в новое состояние – ноосферу.

Учение о ноосфере – «наследие русского космизма»

Математик Моисеев с оптимизмом воспринимал идеи и учение Вернадского о переходе биосферы в ноосферу. В трудах Моисеева данный переход был предметом пристального внимания. Он связывал его с разумной деятельностью людей, их сознанием. Данный аспект фиксируется и в его определении понятия «ноосфера». По Моисееву, ноосфера – это «такое состояние биосферы, когда ее развитие происходит целенаправленно, когда Разум имеет возможность направлять развитие биосферы в интересах Человека, его будущего» [8, с. 24].

К признанию наступления ноосферного состояния биосферы Моисеев подошел с позиций своего видения объективности процессов ее самоорганизации и развития. Он, как и Вернадский, полагал «переход биосферы в состояние ноосферы естественным этапом ее самоорганизации» [9, с. 78]. Моисеев разделял и представления своего предшественника о том, что процессы развития мира природы и социального мира не могут быть обособлены. На современном этапе эволюции этих миров становится все более очевидной необходимость углубления их взаимосвязей и совместной эволюции в направлении ноосферного состояния. Но это длительный процесс. Он может стать целой исторической эпохой жизни человека и бытия биосферы.

Данная особенность становления ноосферы определила и то, что Моисеев вместо термина «ноо-

сфера» пользовался выражением «эпоха ноосферы». На этапе становления ноосферы человеческий «Разум становится участником эволюционного процесса, именно участником, который при всем его могуществе подчиняется тем не менее его общим законам. И в таких условиях, с учетом всех тех ограничений, тех барьеров, которые присущи Природе, мы имеем право говорить о направленном развитии биосферы» [5, с. 93]. Оно идет в сторону ноосферы.

Для Моисеева эпоха ноосферы есть длительный, но закономерный процесс эволюции современной биосферы к своему новому состоянию. В этой связи предстают неубедительными суждения Р. К. Баландина, что в настоящее время «нет никакой теории ноосферы. Даже о такой научной гипотезе говорить нет оснований. Это философская концепция, которая опирается на общие рассуждения, отчасти на недоразумение, но не на факты» [1, с. 147]. Концепции ноосферы Вернадского и Моисеева основывались на установленных научным знанием закономерностях развития природного и социального миров, а выводы Баландина – на «недоразумении» и незнании идей и положений выдающихся представителей русского космизма.

Н. Н. Моисеев считал учение о ноосфере «наследием русского космизма» [5, с. 243]. В нем возрождались и укреплялись гуманистические воззрения многих российских и западных мыслителей о «нерасторжимом единстве» человека и природы, их

совместном развитии. Осознание такого единства и типа развития должно направлять действия людей на осуществление последнего. Представителями русского космизма (Вернадский, Тимофеев-Ресовский) совместное развитие общества и природы было названо коэволюцией. Коэволюция стала считаться условием становления ноосферы.

Так, в одной из последних своих работ «Судьба цивилизации. Путь разума» (2000) Моисеев писал, что со времени, когда он со своими сотрудниками начал с помощью компьютерного моделирования изучать биосферу как единую целостную систему,

а также возможные изменения ее установившихся констант в результате деятельности людей, у него сформировалось и собственное представление о ноосфере. После таких исследований он «стал говорить только о ноосфере как состоянии биосферы, как о времени, когда человеческий разум будет способен определить условия, необходимые для обеспечения коэволюции Природы и общества, а коллективная воля людей – для обеспечения пути в эпоху ноосферы» [9, с. 78]. Что же выражается в понятии «коэволюция» применительно к природе и обществу, человеку и биосфере?

Проблема коэволюции – «центральная проблема теории развития ноосферы»

Следует отметить, что проблема коэволюции биосферы и человека была предметом особого внимания Моисеева. Для него она являлась «центральной проблемой теории развития ноосферы» [5, с. 159]. Особенно «эпохи ноосферы», становление и успешное осуществление которой Моисеев связывал с реализацией отмеченной формы коэволюции. В силу этого она обсуждалась осуществлялось практически во всех упомянутых трудах ученого. Возникновение и утверждение проблемы коэволюции в системе научного знания он правомерно связывает с учеником и последователем В. И. Вернадского – Н. В. Тимофеевым-Ресовским, который является одним из видных представителей русского космизма второй половины XX в. В своих лекциях 1960-х гг. в Вычислительном центре АН СССР Тимофеев-Ресовский обосновывал необходимость обеспечения коэволюции биосферы и человека. Содержание этих лекций было опубликовано в его труде «Биосфера и человечество» (1968). Лекции Тимофеева-Ресовского слушал и Моисеев. По заключению последнего, уже с 1970-х гг. «изучение возможности обеспечения коэволюции общества и окружающей среды стало превращаться в одну из центральных проблем мировой науки» [5, с. 119].

В наши дни проблема коэволюции биосферы и человечества становится парадигмальной для науки и культуры. Ее статус, состояние и формы реализации освещались нами в работе [2, с. 107–138]. Здесь же мы уделим внимание только пониманию смысла коэволюции человека и биосферы Моисеевым. Для него данная проблема имела «космический характер» [5, с. 165], так как она касалась стратегии человеческой деятельности на длительную перспективу его взаимоотношений с биосферой, ее сохранения. Причем основой такой стратегии должны быть знания закономерностей бытия и эволюции биосферы. «Для обеспечения коэволюции, то есть гармонического развития Природы и общества, – писал он, – необходимо знание величины параметров, характеризующих биосферу, ко-

торые определяют поворотный пункт ее эволюции, и создание таких условий жизни и деятельности общества, которые нас уберегут от действий, способных перевести биосферу, ее параметры за эти катастрофические значения» [5, с. 94].

Представленные Моисеевым математические модели биосферы и параметров ее функционирования при разного рода человеческой деятельности и явились тем знанием, которое было положено им в основу концепции коэволюции человека и биосферы и обоснование ее целей. Именно «современные средства системного анализа, математического моделирования и расчетов на современных ЭВМ способны представлять наши знания в такой форме, что Человеку становится доступным предвидение путей эволюции в зависимости от тех действий, которые предпримут люди» [5, с. 95].

Н. Н. Моисеев не ограничивался только оценкой роли отмеченных знаний в осуществлении коэволюции биосферы и человечества. Он считал важным изучать и учитывать влияние «космических факторов» на процессы эволюции биосферы, изменение характера движения Земли как «небесного тела», а также возможные последствия ее столкновения с «космическими странниками – крупными метеоритами» [5, с. 209]. Не обошел вниманием этот ученый и мыслитель и гуманитарное знание. Его значимость в обеспечении коэволюции человека и природы Моисеев подчеркивал во многих своих трудах. По убеждению ученого, «роль гуманитарных знаний и культуры вообще будет расти по мере развития цивилизации» [5, с. 228]. При этом особую роль он отводит экономистам, социологам и другим представителям гуманитарного знания. Именно они должны «объяснить людям, что мир теперь стал совсем другим, чем он был в начале и даже в середине века» [5, с. 159].

С гуманитарным знанием и культурой Моисеев связывал воспитание людей, формирование у них экологического сознания и экологической культуры. Он неоднократно подчеркивал, что только об-

разованный человек может вступить в эпоху ноосферы и обеспечивать реализацию ее целей.

Следующим важным условием становления коэволюции биосферы и человека Моисеев считал коренное изменение технологии существующих типов материального производства и включение их в биосферные циклы. Сложившиеся «экономические соображения» распределения производительных сил во многих странах мира должны быть, по его убеждению, переориентированы на обеспечение экологической безопасности людей и биосферы [5, с. 160–161].

Собственное понимание проблемы коэволюции человека и биосферы Моисеев не только развивал в своих трудах, но и вынужден был отстаивать в полемике со сторонниками других точек зрения. Особенно активное неприятие воззрений Моисеева на коэволюцию выражал бывший председатель Госкомэкологии России В. И. Данилов-Данильян. В ряде своих работ он выступил с резким осуждением идеи коэволюции человека и биосферы, которую выдвигал Моисеев. Данилов-Данильян считал ее лишенной научного содержания, а потому неприемлемой. Более того, им отвергалась и сама идея коэволюции. По его мнению, нет «убедительных оснований для использования термина коэволюция применительно к человеку и биосфере» [10, с. 23].

Несостоятельность отмеченных и ряда других утверждений Данилова-Данильяна раскрывалась нами в работе [2, с. 110–116]. Не оставил без внимания критические упреки своего оппонента и Н. Н. Моисеев. Причем в процессе полемики с Даниловым-Данильяном Моисеев привел ряд новых научных данных в пользу значимости развиваемой им идеи коэволюции.

Прежде всего Моисеев подчеркивал особенность своего понимания выражения «коэволюция человека и биосферы». Для него оно означало «такое развитие человечества, которое не разрушает стабильности биосферы, ее гомеостаза» [11, с. 25]. Но данной трактовкой содержания термина «коэволю-

ция» Моисеев не ограничивается. На последующих страницах процитированного труда он конкретизирует исходное определение рассматриваемого понятия на основе своего понимания биосферы. Для него биосфера есть «сложнейшая нелинейная система, развивающаяся в силу законов самоорганизации» [11, с. 25]. Моисеевым и его сотрудниками в Вычислительном центре АН СССР было выявлено, что биосфера может существовать в пределах разных аттракторов (каналов эволюции).

Исследование такого рода аттракторов, особенно того, в рамках которого появился человек и существует современная цивилизация, представлялось Моисееву чрезвычайно важной проблемой. При этом особое значение он придавал выявлению границ допустимых антропогенных воздействий на биосферу, не подрывавших ее существование. Исходя из всего сказанного, им предлагалось и более содержательное определение понятия «коэволюция»: оно означает «такое поведение человечества, такую его адаптацию к естественным процессам, происходящим в биосфере, то есть в развитии окружающей среды, которые сохраняют биосферу (или содействуют сохранению) в окрестности того аттрактора, который оказался способным произвести человека» [11, с. 26].

Достоинство предложенного определения понятия «коэволюция» Моисеев видел в том, что оно ориентирует исследователей на постижение границ практической деятельности человека, его воздействий на биосферу, способствующих ее сохранению в тех рамках, которые необходимы для существования человека. Осуществление такого рода исследований, по его убеждению, будет иметь значимость для уточнения понятия «ноосфера» и процесса ноосферогенеза, реализация которого называлась им эпохой ноосферы.

Определение границ активности человека в биосфере Моисеев связывал с введением в действие экологического императива. В чем состоит его содержание и смысл? Какое он имеет отношение к космическим воззрениям Моисеева?

Экологический императив – «граница активной деятельности человека в биосфере»

Роль экологического императива в реализации ноосферогенеза подчеркивалась во многих трудах Моисеева. В систему научного знания им было введено и само понятие «экологический императив».

Для Моисеева экологический императив обозначал «ту границу допустимой активности человека, которую он не имеет права переступать ни при каких обстоятельствах» [9, с. 78]. Выход человека за эти границы приводит к разрушению сложившихся механизмов самоорганизации биосферы и к дестабилизации природных систем во многих реги-

онах мира. Вот почему необходимость включения экологического императива в поступки и действия людей подчеркивалась Моисеевым в связи с видимым нарастанием кризиса во взаимоотношениях общества и природы, усилением разрушительных процессов во многих типах природных систем, ухудшением здоровья человека и т. д. Эта потребность порождалась и обосновываемой им необходимостью осуществления коэволюционного бытия человека и биосферы.

Но чтобы человек не вышел за «границы допустимой активности» в биосфере, ему следует огра-

ничить эту активность, а некоторые виды своей деятельности и вовсе поставить под запрет. В связи с этим под экологическим императивом следует понимать *систему запретов на те виды человеческой деятельности, которые подрывают механизмы протекания биосферных процессов и делают невозможной коэволюцию человека и биосферы*. Тем самым экологический императив устанавливает такие параметры поведения и деятельности человека в биосфере, которые обеспечивают их совместное, коэволюционное существование.

В работах Моисеева приводятся многочисленные примеры разрушительных действий человека в биосфере: строительство экологически опасных промышленных предприятий, осуществление крупномасштабных вторжений в природные комплексы, военные действия во многих регионах мира и т. д. Но встает вопрос: можно ли было запретить подобного рода воздействия человека на биосферу? Реальная практика взаимоотношений людей между собой и с окружающей их природной средой свидетельствует, что они еще не в состоянии реализовать многие формы запретов. Человек пока нравственно не готов нести ответственность за состояние природной среды и коэволюционное развитие общества и природы.

Осуществление такого развития Моисеев связывает с уровнем нравственного сознания людей, их нравственным императивом. «Экологический императив, – отмечал он, – это такая система ограничений человеческой деятельности, система запретов, выполнение которых необходимо для продолжения процесса развития общества, неизбежно приведет к выработке нравственных критериев, то есть повлечет за собой появление нового – нравственного императива» [12, с. 8]. В структуре последнего особое место Моисеев отводил благожелательному отношению человека к человеку и окружающей природе. По его убеждению, принцип благожелательности «должен лечь в основу нравственного императива и всей системы воспитания» человека [8, с. 262–263].

Вопросы нравственного воспитания людей были в центре внимания Моисеева в последние годы его жизни. Причем он считал, что развиваемые им положения относительно роли морали людей в период ноосферогенеза должны осуществляться «в духе Вернадского». Последний, действительно, значимое место в ноосфере отводил морали, но качественно отличной от ныне существующей. По заключению Вернадского, она должна быть «научной моралью» [13, с. 396]. К разработке такой морали причастен и Моисеев. В его трудах она получила название «нравственность ноосферы». При этом Моисеев отмечал, что в содержании этой морали «еще много неясного. Многие еще предстоит понять» [14, с. 7]. Но несомненным является то, что ноосферная нравственность будет строиться на ос-

нове экологического образования и экологического воспитания, положений нравственного императива. Моисеев выражал уверенность, что «только по-настоящему образованное и интеллигентное общество будет способно вступить в эпоху ноосферы, т. е. в период своей истории, когда оно сможет реализовать режим коэволюции природы и общества» [15, с. 5]. Только в таком обществе может формироваться и новая мораль. Именно она будет определять «новое общественно необходимое поведение людей» и их участие в созидании ноосферы [15, с. 5].

Такую деятельность людей Моисеев считал одной из значимых особенностей, которыми должна обладать нынешняя цивилизация. «Существование экологического императива, – писал он, – это наиболее яркое проявление особенностей современного этапа истории цивилизации. Я бы сказал, что это та основа, которая способна консолидировать человечество, помочь ему сформулировать новое мышление и обеспечить возможность его перехода в эпоху ноосферы» [16, с. 10]. Можно только сожалеть о том, что суждения Моисеева пока не воплощаются в системах образования и воспитания, в формировании у людей нравственного императива и ноосферной морали.

Обращаясь к вопросам экологического и нравственного императивов, Моисеев продолжил традицию русского космизма в обосновании роли нравственного отношения человека к природе, ее сохранению и возвышению его самого. В трудах философов-мыслителей Н. Ф. Федорова, В. С. Соловьева, Н. А. Бердяева, естествоиспытателя В. И. Вернадского, биолога Н. Г. Холодного и писателя Л. М. Леонова обсуждаемая здесь проблема была стержневой в их космических воззрениях [17, с. 123–147]. Моисеев в новых исторических условиях не только конкретизировал эту проблему, но и придал ей цивилизационную выраженность.

Все отмеченное и определило внимание Моисеева к вопросам школьного и вузовского образования, их экологизации. На осуществление этих целей был сориентирован журнал «Экология и жизнь», главным редактором которого Моисеев оставался до конца своих дней. В работе «Историческое развитие и экологическое образование» (1995) и других трудах ученого обосновывалось содержание современной системы образования. И в этих вопросах Моисеев следовал «линии Вернадского». Как известно, «широкое развитие самых разнообразных форм народного образования» Вернадский считал одной из существенных предпосылок перехода биосферы в ноосферу. При этом он подчеркивал важность того, чтобы образование опиралось на научное знание, и считал, что активность народных масс будет «достигаться широчайшей популяризацией научного знания, преобладанием его в школьном образовании» [13, с. 385].

Мысли Вернадского о научности системы образования были восприняты и дальше развиты Моисеевым в обоснованной им концепции экологического образования и воспитания. Его современное состояние, место идей Вернадского и Моисеева в нем были предметом обсуждения в специальной работе автора настоящей статьи [18, с. 167–196]. Здесь же отметим только своеобразие суждений Моисеева относительно роли художественной литературы в формировании экологического сознания учащихся и студентов, их нравственности. Ученый подчеркивает важность освоения ими творчества многих отечественных литераторов, особенно поэзии Брюсова и Блока, отмечая при этом, что все их «наследие сегодня должно быть использовано для духовного воспитания наших юных граждан» [12, с. 10]. Но, как известно, В. Я. Брюсов и А. А. Блок являлись представителями литературно-художественного направления русского космизма. Их творчество высоко ценили приверженцы естественнонаучного течения космизма (В. И. Вернадский, А. Л. Чижевский, Н. В. Тимофеев-Ресов-

ский). Этой традиции придерживался и Н. Н. Моисеев.

Осуществленное в настоящей статье исследование воззрений Моисеева позволяет сделать вывод о его причастности к естественнонаучной ветви русского космизма. Он в конце XX в. привнес в эту ветвь новое дыхание, которое выразилось во включении в процессы познания природы и отношения к ней человека математических методов и вычислительного эксперимента, позволивших получить обоснованные знания о биосфере, ее эволюции в новую историческую эпоху. Заслуживают признания и суждения Моисеева относительно роли человека, его духовного мира в сохранении биосферы и созидании ее ноосферного будущего. Моисеевым сделан значительный вклад в развитие идей русского космизма. Его космические воззрения занимают достойное место в системе этого идейного течения русской мысли и заслуживают более пристального внимания современных исследователей, использования их в учебной и воспитательной работе со студентами, магистрантами и аспирантами.

Библиографические ссылки

1. Баландин РК. *Ноосфера Земли. Прозрения и заблуждения Вернадского*. Москва: Вече; 2017. 288 с.
2. Карако ПС. *Философия и методология науки: В. И. Вернадский. Учение о биосфере и ноосфере*. 2-е издание, исправленное и дополненное. Минск: Экоперспектива; 2008. 262 с.
3. Карако ПС. *Природа в художественной литературе*. Минск: Экоперспектива; 2009. 304 с.
4. Моисеев НН. *Алгоритмы развития*. Москва: Наука; 1987. 304 с.
5. Моисеев НН. *Экология человечества глазами математика (человек, природа и будущее цивилизации)*. Москва: Молодая гвардия; 1988. 254 с.
6. Моисеев НН. *Человек. Среда. Общество: проблемы формализованного описания*. Москва: Наука; 1982. 240 с.
7. Моисеев НН, Александров ВВ, Тарко АМ. *Человек и биосфера: опыт системного анализа и эксперименты с моделями*. Москва: Наука; 1985. 272 с.
8. Моисеев НН. *Человек и ноосфера*. Москва: Молодая гвардия; 1990. 351 с.
9. Моисеев НН. *Судьба цивилизации. Путь разума*. Москва: Языки русской культуры; 2000. 224 с.
10. Данилов-Данильян В.И. К вопросу о коэволюции природы и общества. *Экология и жизнь*. 1998;2:18–23.
11. Моисеев НН. Еще раз о проблеме коэволюции. *Экология и жизнь*. 1998;2:24–28.
12. Моисеев НН. На пути к нравственному императиву. *Экология и жизнь*. 1998;1:4–10.
13. Вернадский В.И. *О науке. Том 1. Научное знание. Научное творчество. Научная мысль*. Аксенов ГП, Бастркова МС, Мочалов ИИ, Фирсова ГА, составители. Дубна: Феникс; 1997. 576 с.
14. Моисеев НН. Введение. Актуальные проблемы глобальной нравственности. В: Моисеев НН, редактор. *Глобальная нравственность*. Москва: ИНИОН; 1990. с. 5–10.
15. Моисеев НН. Экологическое образование и экологизация образования. *Экология и жизнь*. 2010;8:4–6.
16. Моисеев НН. Русский космизм и учение В. И. Вернадского о ноосфере. В: Куракина ОД, редактор-составитель. *Русский космизм и ноосфера. Тезисы докладов Всесоюзной конференции; 1989 г.; Москва, Россия. Часть 1*. Москва: МФТИ; 1989. с. 5–11.
17. Карако ПС. *Природа и нравственность*. Минск: Экоперспектива; 2013. 244 с.
18. Карако ПС. *Социальная экология: экологическое сознание*. Минск: Экоперспектива; 2011. 216 с.

References

1. Balandin RK. *Noosfera Zemli. Prozreniya i zabluzhdeniya Vernadskogo* [Earth's noosphere. Vernadsky's insights and delusions]. Moscow: Veche; 2017. 288 p. Russian.
2. Karako PS. *Filosofiya i metodologiya nauki: V. I. Vernadskii: Uchenie o biosfere i noosfere* [Philosophy and methodology of science: V. I. Vernadsky. A teaching on the biosphere and the noosphere]. 2nd edition, revised and supplemented. Minsk: Ekoperspektiva; 2008. 262 p. Russian.
3. Karako PS. *Priroda v khudozhestvennoi literature* [Nature in fiction]. Minsk: Ekoperspektiva; 2009. 304 p. Russian.
4. Moiseev NN. *Algoritmy razvitiya* [Algorithms of development]. Moscow: Nauka; 1987. 304 p. Russian.
5. Moiseev NN. *Ekologiya chelovechestva glazami matematika (chelovek, priroda i budushchee tsivilizatsii)* [Human ecology through the eyes of mathematics (man, nature and future of civilization)]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1988. 254 p. Russian.
6. Moiseev NN. *Chelovek. Sreda. Obshchestvo: problemy formalizovannogo opisaniya* [Man. Environment. Society: formalized description problems]. Moscow: Nauka; 1982. 240 p. Russian.

7. Moiseev NN, Aleksandrov VV, Tarko AM. *Chelovek i biosfera: opyt sistemnogo analiza i eksperimenty s modelyami* [Man and the biosphere: system analysis experience and model experiments]. Moscow: Nauka; 1985. 272 p. Russian.
8. Moiseev NN. *Chelovek i noosfera* [Man and noosphere]. Moscow: Molodaya gvardiya; 1990. 351 p. Russian.
9. Moiseev NN. *Sud'ba tsivilizatsii. Put' razuma* [The fate of civilization. Path of reason]. Moscow: Yazyki russkoi kul'tury; 2000. 224 p. Russian.
10. Danilov-Danilyan VI. On the problem of nature and society coevolution. *Ekologiya i zhizn'*. 1998;2:18–23. Russian.
11. Moiseev NN. Once again on the problem of coevolution. *Ekologiya i zhizn'*. 1998;2:24–28. Russian.
12. Moiseev NN. [Towards a moral imperative]. *Ekologiya i zhizn'*. 1998;1:4–10. Russian.
13. Vernadskii VI. *O nauke. Tom 1. Nauchnoe znanie. Nauchnoe tvorchestvo. Nauchnaya mysl'* [About science. Volume 1. Scientific knowledge. Scientific creativity. Scientific thought]. Aksenov GP, Bastrakova MS, Mochalov II, Firsova GA, compilers. Dubna: Feniks; 1997. 576 p. Russian.
14. Moiseev NN. [Introduction. Actual problems of global morality]. In: Moiseev NN, editor. *Global'naya нравственность* [Global morality]. Moscow: Institute of Scientific Information for Social Sciences; 1990. p. 5–10. Russian.
15. Moiseev NN. Ecological education and ecologization of education. *Ecology and life*. 2010;8:4–6. Russian.
16. Moiseev NN. [Russian cosmism and the teachings of V. I. Vernadsky about the noosphere]. In: Kurakina OD, editor and compiler. *Russkii kosmizm i noosfera. Tezisy докладов Vsesoyuznoi konferentsii; 1989 g.; Moskva, Rossiya. Chast'1* [Russian cosmism and noosphere. Abstracts of reports of the All-Union conference; 1989; Moscow, Russia. Part 1]. Moscow: Moscow Institute of Physics and Technology; 1989. p. 5–11. Russian.
17. Karako PS. *Priroda i нравственность* [Nature and morality]. Minsk: Ekoperspektiva; 2013. 244 p. Russian.
18. Karako PS. *Sotsial'naya ekologiya: ekologicheskoe soznanie* [Social ecology: environmental awareness]. Minsk: Ekoperspektiva; 2011. 216 p. Russian.

Статья поступила в редколлегия 15.02.2019.
Received by editorial board 15.02.2019.

КРУГЛЫЙ СТОЛ

ROUND TABLE

УДК 316.422

ЦИФРОВОЕ ОБЩЕСТВО: СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В «ЭЛЕКТРОННОМ» МИРЕ XXI в.

**А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾, А. В. РУБАНОВ¹⁾, Г. П. КОРШУНОВ²⁾, О. В. ТЕРЕЩЕНКО¹⁾, Н. В. ЕФИМОВА¹⁾,
А. Я. САРНА¹⁾, М. С. ТЕРЕЩЕНКО¹⁾, А. Е. БЕЛОУСОВА¹⁾, Е. Е. ПОДОЛЯК¹⁾, А. П. СИДОРЕНКО¹⁾**

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

²⁾Институт социологии НАН Беларуси, ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

Образец цитирования:

Данилов АН, Рубанов АВ, Коршунов ГП, Терещенко ОВ, Ефимова НВ, Сарна АЯ, Терещенко МС, Белоусова АЕ, Подоляк ЕЕ, Сидоренко АП. Цифровое общество: социологическое образование в «электронном» мире XXI в. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:40–57.

For citation:

Danilov AN, Rubanov AV, Korshunov GP, Tereshchenko OV, Efimova NV, Sarna AY, Tereshchenko MS, Belousova AE, Podolyak EE, Sidorenko AP. Digital society: sociological education in the «electronic» world of the 21st century. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:40–57. Russian.

Авторы:

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Анатолий Владимирович Рубанов – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Геннадий Петрович Коршунов – кандидат социологических наук, доцент; директор.

Ольга Викентовна Терещенко – кандидат социологических наук, доцент; профессор кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Надежда Викторовна Ефимова – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Александр Янисович Сарна – кандидат философских наук, доцент; доцент кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Мария Сергеевна Терещенко – старший преподаватель кафедры социальной коммуникации факультета философии и социальных наук.

Анастасия Евгеньевна Белоусова – студентка факультета философии и социальных наук.

Егор Евгеньевич Подоляк – студент факультета философии и социальных наук.

Анастасия Павловна Сидоренко – студентка факультета философии и социальных наук.

Authors:

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

a.danilov@tut.by

Anatoly V. Rubanov, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

rubanov.bsu@gmail.com

Gennady P. Korshunov, PhD (sociology), docent; director.

korshunov@socio.bas-net.by

Olga V. Tereshchenko, PhD (sociology), docent; professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

oteresch@tut.by

Nadezhda V. Efimova, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

Alexander Ya. Sarna, PhD (philosophy), docent; associate professor at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

Maria S. Tereshchenko, senior lecturer at the department of social communication, faculty of philosophy and social sciences.

Anastasia E. Belousova, student at the faculty of philosophy and social sciences.

Egor E. Podolyak, student at the faculty of philosophy and social sciences.

Anastasia P. Sidorenko, student at the faculty of philosophy and social sciences.

Круглый стол посвящен обсуждению широкого спектра проблем, связанных с цифровизацией современного общества, таких как истоки информационного общества, тенденции его развития, новые информационно-коммуникативные технологии в высшей школе и в научной деятельности, возможности социологического изучения, социальные сети, медиа, использование интернет-ресурсов в социологических исследованиях. Как отмечают участники, цифровая волна запущена, правительства создают программы по цифровизации: в Великобритании с 2010 г. действует Закон о цифровой экономике, принятый парламентом страны, разработана стратегия, конкретные планы; США, Сингапур и Германия уже реально живут в условиях цифровой экономики. Нынешний бум цифровизации возник после того, как в мире заговорили о новой промышленной революции XXI в. Инициатором стал американский экономист Джереми Рифкин, который в 2011 г. опубликовал книгу «Третья промышленная революция». В ней он показал, что появились технологии, которые меняют жизнь, производство, суть управления вообще. За четвертой промышленной революцией стоит конкретный проект *индустрия 4.0*, подготовленный в Германии. Он описывает, как именно в современных условиях реализовать новые возможности в экономике, повысить производительность труда, совершить прорыв в улучшении качества человеческой жизни. В Японии разработан новый цифровой проект *общество 5.0*. В Республике Беларусь вопросам цифровизации также уделяется много внимания: на государственном уровне приняты документы, регламентирующие ее развитие. Кроме того, Беларусь выступает инициатором развития этого процесса на международном уровне. Вместе с тем авторы отмечают возможные негативные последствия цифровизации и призывают не оставлять эту сторону без внимания.

Ключевые слова: цифровое общество; информационное пространство; аудитория интернета; социальный комьютинг; онлайн-исследования; обновление социологического образования.

DIGITAL SOCIETY: SOCIOLOGICAL EDUCATION IN THE «ELECTRONIC» WORLD OF THE 21st CENTURY

A. N. DANILOV^a, A. V. RUBANOV^a, G. P. KORSHUNOV^b, O. V. TERESHCHENKO^a, N. V. EFIMOVA^a,
A. Ya. SARNA^a, M. S. TERESHCHENKO^a, A. E. BELOUSOVA^a, E. E. PODOLYAK^a, A. P. SIDORENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

^bInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus, 1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.danilov@tut.by)

The round table is devoted to a discussion of the problems associated with the digitalization of modern society. The discussing questions cover a wide range of problems: the origins of the information society, its development trends, new information and communication technologies in higher education and in scientific activity, the possibility of sociological research, social networks, media, the use of Internet resources in sociological research. According to the participants, the digital wave has been launched, governments are creating digitalization programs: the Digital Economy Act, adopted by the British Parliament, has been in force since 2010, a strategy and concrete plans have been developed; USA, Singapore, Germany are already really living in a digital economy. The current digitalization boom has arisen after the world started talking about a new industrial revolution of the 21st century. The initiator was the American economist Jeremy Rifkin, who in 2011 published the book «The Third Industrial Revolution». He showed appeared technologies changing life, production and the essence of management in general. The Fourth Industrial Revolution is based on the specific *Industry 4.0* project, which was prepared in Germany. It shows how to realize new opportunities in the economy, increase labor productivity, and make a breakthrough in the quality of human life in modern conditions. A new digital project *Society 5.0* has been prepared in Japan. In the Republic of Belarus, the attention is paid to digitalization issues, documents governing its development have been adopted at the state level, Belarus is initiating the development of this process at the international level. In addition, the authors pay attention to the possible negative consequences of digitalization and urge not to leave this side unattended.

Keywords: digital society; information space; Internet audience; social computing; online research; updating sociological education.

А. Н. Данилов: Уважаемые коллеги! Мы начинаем нашу работу. Тема круглого стола обозначена как «Цифровое общество: социологическое образование в «электронном» мире XXI в.». Вопросы, которые мы планируем сегодня обсудить, охватывают широкий спектр проблем. Это истоки информационного общества, тенденции его развития, новые информационно-коммуникативные технологии в высшей школе и в научной деятельности, возможности социологического изучения, социальные сети, медиа, использование интер-

нет-ресурсов в социологических исследованиях. Как видите, вопросов много, поэтому если что-то не получится обсудить сегодня, сделаем это позже и, естественно, предложим читателям продолжить наш диалог.

В последнее время в информационном пространстве постоянно звучат такие термины, как «цифровизация», «цифровая экономика», «цифровая реальность». Вроде бы эпоха цифровизации застала всех нас врасплох, но ведь цифровая реальность наступила точно не сейчас. Думаю, что с мо-

мента возникновения кибернетики как науки об информации и управлении, еще в начале 1950-х гг., когда присутствовали и цифра, и традиционная реальность. Вдруг как открытие звучит «цифровая экономика»... Очевидно, что волна запущена, все приходит в движение, бурлит и расплывается по миру. Правительства создают программы по цифровизации... Хотя если посмотреть на скорость распространения новой цифровой волны и информации о ней, то в Великобритании еще в 2010 г. парламентом был принят Закон о цифровой экономике, разработана стратегия, конкретные планы. Тут же США, Сингапур, Германия уже реально живут в условиях цифровой экономики.

Сегодняшний бум цифровизации возник после того, как в мире заговорили о новой промышленной революции XXI в. Инициатором стал американский экономист Джереми Рифкин, который в 2011 г. опубликовал книгу «Третья промышленная революция». В ней он показал, что появились технологии, которые меняют жизнь, производство, суть управления вообще. За четвертой промышленной революцией стоит конкретный проект *индустрия 4.0*, который подготовлен в Германии. Он описывает, как именно в современных условиях реализовать новые возможности в производственных процессах, увеличить производительность труда, совершить прорыв в улучшении качества человеческой жизни в целом.

На наших глазах меняется тип жизнеустройства. «В мире сейчас работают около 2 млн мобильных роботов, более 3,5 млрд человек пользуются интернетом, за минуту загружается более 300 часов видео на *YouTube*. Человечество стремительно уходит в виртуальную реальность» [1, с. 91]. Это серьезнейший вызов, на который должна ответить наука.

Академик В. А. Лекторский в связи с дискуссиями вокруг общества знания [2, с. 9] очень точно говорил о том, что современная наука – это не просто сила, освобождающая человека. Она от чего-то человека освобождает, а в чем-то и закабаляет его, порождая новые проблемы. Общество знания одновременно и общество риска. Чем больше вы знаете, чем больше связанных с этим знанием технологий производите и применяете, тем больше шансов, что вы порождаете такие силы, поведение которых не можете предсказать. Общество знания – это такое общество, где культивируется прежде всего полезное знание, т. е. наука, имеющая технологический выход, а не наука вообще. А дальше выясняется, что в рамках этой технотехники возникают такие НБИК-технологии, которые трансформируют весь наш жизненный мир. И самого человека начинают трансформировать. Поэтому появляются уже идеи проектирования человека: его телесности, мозга, психики; идеи создания какого-то нового существа, которое называется «трансчеловек» или «постчеловек»; идеи трансгуманистического обще-

ства. Оказывается, что человек (по крайней мере, в том виде, в котором он до сих пор существовал) может исчезнуть не потому, что не развивались науки о человеке, а как раз в результате их развития. И как это все увязывается с цифровизацией?.. Что будет происходить с человеком далее?..

Недавно Япония подготовила новый цифровой проект *общество 5.0*. А это, по существу, еще одна революция, и уже не только промышленная, но и общественная. Потому что японцы все общество переведут на цифровую основу. У них даже парламент будет цифровой. Искусственный интеллект, технологии больших данных определяют узлы социального неравенства и будут их развязывать. Весь мир переворачивается, т. е. идет параллельно традиционной жизни, и она чувствуется в новой жизни...

Нельзя сбрасывать со счетов и негативных последствий данного процесса. Очевидно, что цифровизация приносит много конструктивного в жизнедеятельность общества, в торговую, научную, образовательную, социокультурную и другие сферы, но при этом не следует забывать про отрицательные стороны этого процесса.

У нас в стране вопросам цифровизации уделяется оправданно много внимания, на государственном уровне приняты документы, регламентирующие ее развитие. Наряду с этим Республика Беларусь выступает инициатором развития этого процесса и на международном уровне.

Г. П. Коршунов: Тезис о том, что сегодня мировое сообщество вступает в новую – цифровую – фазу развития информационного общества, не требует больших доказательств. Современные информационно-коммуникативные технологии (ИКТ) кардинальным образом трансформируют все области социального бытия – от повседневных практик до институциональных образований социального уровня. Технологической базой этих процессов выступают уменьшение размеров, снижение энергопотребления и стоимости коммуницирующих устройств, наращивание мощностей вычислительных машин и развитие облачных хранилищ, глобализация интернета и эволюция поколений беспроводной связи. Технические новшества с необходимостью влекут за собой изменения в производственных практиках и отношениях, вслед за чем видоизменяется экономическая отрасль – сразу только в некоторых сегментах, а затем во всех своих проявлениях. Параллельно меняется социальная среда: появляются правила общественного общежития, возникают новые ценности и нормы, трансформируются традиционные и институционализируются новые формы организации совместной деятельности людей.

Об этом пишут философы и культурологи, специалисты в области массовой коммуникации и государственного управления, экономисты и социо-

логи. Тогда как в отечественной гуманитаристике до сих пор, как нам кажется, недооцениваются темпы и масштабы тех цифровых процессов, которые уже сегодня разворачиваются в Беларуси. Между тем у нас принят и успешно реализуется целый пакет нормативно-правовых актов, создающий преференциальные условия для развития информационно-коммуникативных технологий; также созданы инфраструктурные условия для развития IT-страны, ведутся работы по внедрению в широкую практику технологических основ развития информационного общества.

Объективным результатом реализации этих усилий в 2017 г. стало 32-е место Республики Беларусь в мировом рейтинге развития ИКТ Международного союза электросвязи (МСЭ) и 1-е место среди стран и ЕАЭС, и СНГ. И, хотя по сравнению с предыдущим годом позиция Беларуси в общем рейтинге не изменилась, наблюдается некоторое улучшение по показателям «Доступ к ИКТ» (+ 3 пункта) и «Использование ИКТ» (+ 2 позиции). Все это, в свою очередь, позволяет говорить об уверенном движении Беларуси к достижению своих стратегических целей: войти в топ-30 стран – лидеров по индексу развития ИКТ МСЭ и построить IT-страну.

Принято считать, что социальную базу цифровизации составляет молодежь. Однако сегодня этот тезис уже устарел. Он был справедлив 8–10 лет назад, когда интернет только становился доминирующим источником информации, и прежде всего для людей в возрасте до 30 лет. По данным Института социологии НАН Беларуси, на рубеже 2016–2017 гг. интернет стал главным источником информации и для людей среднего возраста (30–50 лет). В настоящий момент телевидение оставляет за собой главенствующую роль в деле информирования граждан только среди старших слоев населения Беларуси – тех, кому больше 50 лет.

Сейчас ситуация фактически такова, что среди респондентов в возрасте до 30 лет из ТВ получают информацию чуть более 40 %, из интернета – свыше 90 %; среди людей среднего возраста доля потребления ТВ составляет порядка 70 %, интернета – около 85 %, среди старшей возрастной группы популярность ТВ чуть менее 90 %, интернета – около 35 %. При этом в совокупности (в рамках всего населения страны) сегодня именно интернет является тем средством массовой информации, которое пользуется наибольшим доверием. Телевидение занимает второе место, следом идут радио и газеты.

На самом деле это один из рискованных моментов, связанных с цифровизацией медиaproстранства любого государства, в том числе и Беларуси, – потенциальная открытость для влияния всякого иностранного информационного продукта, распространяемого при помощи цифры. Для нашей

страны ситуация осложняется тем, что российский информационный продукт для белорусского потребителя зачастую неотличим от отечественного. Действительно, часть интернет-ресурсов, которые позиционируются как белорусские, по происхождению таковыми не являются, и их содержание нельзя назвать пробелорусским. То же самое можно сказать и о радиостанциях, периодической печати и даже о зарегистрированных сетевых изданиях. Это тренды медиaproстранства, которые можно обозначить как *конвергенцию* (сближение, слияние разных каналов информирования) и *делимитизацию* (снижение значимости территориальных и прочих границ).

Другие тенденции касаются возникновения и стремительного развития именно сетевых источников информации – от тематических (в том числе новостных) порталов и форумов до социальных сетей и мессенджеров с их агрегаторами новостной информации. Эти новые феномены медиaproстранства, которые называют новыми медиа, выгодно сочетают сильные стороны СМИ (тот же аудиовизуальный контент) со спецификой межличностного общения. Отметим, что 7–10 лет назад аналитики и практики информационного пространства говорили о революции социальных сетей, взорвавших и рекламный рынок, и сферу политических технологий (подтверждением тому служит целая серия «цветных революций», прокатившихся по миру). Сегодня мы начинаем говорить о феномене мессенджеров, которые плотно вошли в нашу повседневность, не только соединяя в себе функции социальных сетей и новостных агрегаторов, но и еще больше смешивая статусы создателя, (ре)транслятора и потребителя информации. Данные опросов (ноябрь 2018 г.) показывают, что по частоте обращения мессенджеры уже обошли социальные сети: если с первыми практически ежедневно имеет дело половина белорусов, то с последними – порядка 45 %. И, думается, этот разрыв со временем будет только расти.

Скорость эволюции, скорее даже революции этих новых медиа обуславливает тенденции к *кастомизации информационного продукта* (когда любой человек способен создавать собственное информационное пространство, в произвольном порядке включая в свой перечень каналов информирования те или иные источники информации) и *десубъективизации медиaproстранства* и сама обуславливается этими тенденциями.

Десубъективизацию можно понимать широко, в философском ключе, следуя за М. Фуко и Р. Бартом, а можно и более конкретно, что в случае с медиaproстранством будет означать прекращение монополии ограниченного количества субъектов на транслирование социально значимой информации. Сегодня можно спорить о профессионализме

или «проплаченности» блогеров-миллионников, но факт остается фактом – на информационную арену выходят миллионы и миллиарды активных источников информации, которые борются за внимание аудитории, за право влиять на ее смыслы, ценности и установки. Собственно, каждый сегодняшний интернет-пользователь является потенциальным источником актуальной и значимой информации: в первые 10 минут – только для своих подписчиков, в следующие полчаса – для миллионов интернет-пользователей всего мира.

С другой стороны, каждый интернет-пользователь – потенциальная цель для различных манипуляций, как мошеннических, так и пропагандистских. Уже давно является данностью тот факт, что «низовая» самоорганизация общества на базе социальных сетей существенно преобразует модели реализации политической активности в обществе – от рядового гражданина до государства в целом. И происходит это прежде всего за счет устранения посредников в виде множества передаточных, промежуточных элементов между заинтересованными сторонами, в том числе между гражданином и государством. Сегодня вместо множества посредников есть один «большой» субъект – платформа, предоставляющая услуги по созданию самоорганизующихся сетей на локальном уровне.

В качестве примера можно привести запущенное приложение «Яндекс. Район», которое обеспечивает площадки для обмена актуальной информацией и обсуждения насущных проблем для жителей нашей столицы на уровне дома, двора, микрорайона. В случае с сервисом «Яндекс. Район» мы имеем феномен, который напрямую затрагивает сферу информационной безопасности государства: иностранная интернет-платформа получает потенциальную возможность агрегировать и анализировать информацию о проблемах наших городов непосредственно от самих белорусов.

В заключение со всей ответственностью можно констатировать, что смена парадигмы существования массовой информации уже произошла. Вместо четкой иерархической организации классического, структурированного по многим основаниям медиапространства возник совершенно другой тип организации – тот, который Ж. Делез и Ф. Гваттари назвали «ризомой». Это сетевой, распределенный тип взаимосвязей, разрушающий традиционное понимание как самой структуры информационного поля, так и процесса потребления информации аудиторией. Фактически осуществлен переход от вертикально структурированной иерархии к новому типу горизонтальных самоорганизующихся систем, который требует высокого уровня цифровой грамотности от населения, а от экспертов и аналитиков – не только разработки новых теоретико-методологических оснований осмысления соци-

ального бытия, но и гражданской ответственности перед своей страной и мировым сообществом.

А. В. Рубанов: Мы в г. Минске впервые провели исследование вовлеченности людей в пользование ресурсами интернета в 2004 г. Тогда возможностями интернета пользовались около 37 % населения; половина из них – каждый день или несколько раз в неделю. По данным сборника «Информационное общество в Республике Беларусь» за 2017 г. [3], на тот период численность интернет-пользователей в возрасте 6 лет и старше составила 74,4 %. В настоящее время, по оценке экспертов, это не менее 80 % жителей страны.

В 2004 г. интенсивность использования интернета главным образом зависела от возраста: 42 % постоянных пользователей принадлежали к возрастной группе до 25 лет, 20 % – от 25 до 45 лет, 8 % – к более старшим возрастным группам. Эта зависимость в целом сохранилась и в 2017 г., но доля интернет-пользователей среди старших возрастных групп, сельских жителей, а также людей с более низким уровнем образования существенно возросла.

Что касается технологий доступа в интернет, то в последние 5 лет очевидно нарастающее доминирование мобильного и беспроводного интернета. И почти повсеместное распространение смартфонов.

Эти и другие позитивные сдвиги стали следствием трех основных причин. Во-первых, общемировых тенденций развития информационного общества. Во-вторых, целенаправленной государственной политики по развитию информационно-коммуникативных технологий и вовлечению людей в пользование ими. Начиная с 2003 г. эта работа ведется в рамках государственных программ «Электронная Беларусь». В настоящее время – в рамках Государственной программы развития цифровой экономики и информационного общества на 2016–2020 гг. («Электронная Беларусь – 3»). И, наконец, в-третьих, личной инициативы людей и организаций.

Одним из важнейших реализуемых указанными программами направлений стало создание электронного правительства (*electronic government, e-government*).

В 2018 г. в рейтинге стран мира по уровню развития электронного правительства (рассчитывается Организацией Объединенных Наций и отражает готовность и возможности национальных государственных структур в использовании информационно-коммуникационных технологий для предоставления гражданам государственных услуг) Беларусь заняла 38-е место.

Электронное правительство – это, по его базовому определению, система государственного управления, основанная на электронных средствах обработки, передачи и распространения информации.

Активное использование электронного документооборота и форм взаимодействия (коммуникации) в системе государственного управления позволяет, с одной стороны, повысить его эффективность, экономичность и прозрачность. А с другой – упростить взаимодействие, в первую очередь информационное, рядовых граждан с органами власти.

Основными принципами построения электронного правительства являются следующие:

- предоставление услуг в любой момент времени (электронное правительство работает 24 часа в сутки);
- максимальная простота и прозрачность (обслуживает обычных граждан, а не только специалистов);
- единые технические стандарты и взаимная совместимость (электронные приложения должны соответствовать принципам единой архитектуры систем идентификации, безопасности, дизайна);
- обеспечение конфиденциальности и выполнения правил информационной безопасности;
- безоговорочная ориентация на мнение граждан при реализации нововведений.

В рамках мер по созданию электронного правительства особое значение приобрело создание сайтов государственных органов власти и, как следствие, постепенное формирование у них своей интернет-аудитории. Как показывают результаты исследований, в среднем 25–40 % граждан обращаются на эти сайты по мере возникновения потребности в специальных знаниях и информации, в целях решения личных вопросов и участия в общественной жизни. Одновременно у данных сайтов есть свои постоянные посетители (в зависимости от сайта – в пределах 5–15 % населения). Лидером по числу посетителей является Национальный правовой интернет-портал (www.pravo.by) – основной источник общедоступной правовой информации.

Электронные формы прямого взаимодействия по степени их привлекательности для населения располагаются в следующем порядке: в первую очередь это свободный доступ к нормативным документам, решениям органов власти, которые оперативно размещаются на сайтах; далее следуют предоставление в режиме онлайн информации о графике работы органов власти, административных процедурах, времени приема граждан и порядке записи на прием; запись на прием в государственные структуры в режиме онлайн; электронные приемные, где каждый посетитель имеет возможность получить ответ на интересующий его вопрос и высказать свое мнение; электронные форумы, посвященные обсуждению разного рода актуальных проблем, электронные социологические опросы.

Одним из следствий целенаправленной государственной поддержки становления и развития информационного общества стало принятие

14 июля 2017 г. постановления Совета Министров Республики Беларусь № 529, где установлен перечень административных процедур, подлежащих осуществлению в электронной форме через единый портал электронных услуг в отношении граждан, юридических лиц и индивидуальных предпринимателей. В отношении граждан число таких административных процедур составляет 149, в отношении юридических лиц и индивидуальных предпринимателей – 197.

В целом использование современных информационно-коммуникативных технологий осуществляется по двум основным направлениям. Во-первых, для прямого взаимодействия с людьми посредством соответствующих электронных форм (информирование, выяснение мнения и интересов, общественные форумы, электронное «одно окно» и др.).

Во-вторых, для проведения эффективной социально-экономической политики в сфере занятости и социальной защиты, в здравоохранении, образовании и культуре, для развития бизнеса, в том числе электронной торговли, в финансовой сфере, при оказании коммунальных услуг, для правового информирования граждан и т. п.

Из информационно-коммуникативных технологий, наиболее востребованных в настоящее время в различных сферах организации социально-экономической жизни, можно выделить следующие:

- в экономической сфере: электронные торговля, реклама, платежи, декларирование доходов, приобретение товаров, бронирование и оплата разного рода услуг;
- в сфере рынка труда и занятости: электронные формы поиска и предоставления рабочего места, трудового посредничества, личная профессиональная самопрезентация на основе возможностей интернета, дистанционная работа (фриланс);
- в сфере здравоохранения: оперативная информация о наличии лекарств в аптеках, «электронный рецепт», «электронные приемные» в поликлиниках, в перспективе – «домашняя телемедицина», т. е. дистанционное оказание медицинской помощи пациенту, проходящему курс лечения на дому;
- в сфере культуры: информация о текущих культурных мероприятиях, театральные сайты и информационные ресурсы библиотек;
- в коммунальной сфере: электронные процедуры оплаты коммунальных услуг, свободный доступ к персональным лицевым счетам, а также к информации о состоянии жилищного фонда и планах благоустройства.

С момента создания информационного (цифрового) общества началось его весьма активное изучение, появились первые научные центры, издания и учебные пособия. Так, в России 7 сентября 1998 г. была создана независимая исследовательская и сервисная организация – Институт разви-

тия информационного общества (ИРИО). С 1999 г. ИРИО совместно с Российской инженерной академией издает журнал «Информационное общество». Также в России выпущены «Глоссарий по информационному обществу» (под общ. ред. Ю. Е. Хохлова. М., 2009), учебное пособие А. В. Чугунова «Социология Интернета: методика и практика исследования интернет-аудитории» (СПб., 2007), учебник для академического бакалавриата В. В. Касьянова и В. Н. Нечипуренко «Социология Интернета» (М., 2017). А 24 августа 2018 г. зарегистрирован научный журнал «Цифровая социология» (главный редактор – О. В. Крыштановская).

Что касается нашей страны, Национальный статистический комитет Республики Беларусь с 2012 г. издает сборник «Информационное общество в Республике Беларусь». Проводятся выборочные исследования, но весь круг вопросов они, конечно, не охватывают. Начиная с 2010 г. изучение информационно-коммуникативных технологий в Беларуси осуществляется в рамках государственных программ научных исследований. Так, в 2019 г. было проведено исследование «Студент и интернет», результаты которого будут представлены ниже.

А. Я. Сарна: В условиях современного цифрового общества особую роль приобретают трансформации, которым подвергаются научное знание и любые формы деятельности, связанные с его производством и распространением. Влияние на этот процесс цифровизации и медиатизации приводит к возникновению такого понятия, как «цифровая гуманитаристика» (*digital humanities*). Оно используется для общего обозначения гуманитарных научных дисциплин, объединенных тематически и методологически вокруг информационно-коммуникационных технологий и новых медиа как главного предмета их исследований. Необходимость данного объединения и обозначения подчеркивается тем фактом, что в современных условиях исследователи-гуманитарии все чаще применяют информационные технологии в качестве не только научного инструмента, но и культурного объекта, нуждающегося в определенном анализе.

В настоящее время существует ряд проектов, практик и моделей, стремительно развивающихся в том направлении, которое принято относить к цифровой гуманитаристике [4]. Ученые изучают, как можно использовать высшие информационные и инженерные технологии для прочтения, интерпретации и систематизации классических текстов в истории, филологии, литературоведении, философии, культурологии и искусствознании. Исследования в этой сфере расширяют границы классических гуманитарных дисциплин, задавая вектор развития зарождающейся области знаний, равно как и переосмысления роли гуманитаристики в процессе информатизации и медиатизации

современной науки в целом. Само возникновение данной междисциплинарной области, осмысление ее статуса, обозначение в качестве общей дисциплины «гуманитарная информатика» (*humanities computing*), а затем переименование в дисциплину «цифровые гуманитарные науки» (*digital humanities*) можно рассматривать как крупнейший совместный проект, реализованный международным научным сообществом в конце 2000 – начале 2010-х гг.

Это позволяет говорить о своего рода парадигмальной научной инновации, привлечшей внимание широкой общественности к вопросу переименования и связанным с этим трудностям, учитывая очевидно отличающиеся области интересов данных дисциплин. Так, профессор гуманитарных наук и информационных технологий из Швеции П. Свенссон указывает на непоследовательность перехода от гуманитарной информатики к тому, что сейчас принято обозначать термином «цифровые гуманитарные науки», и предлагает обсудить, каким образом это переименование соотносится с изменениями в институциональной, дисциплинарной и социальной организации данных дисциплин. В этом контексте, отмечает Свенссон, уместным будет вопрос о том, является ли дискурсивный переход от гуманитарной информатики к цифровой гуманитаристике исключительно сменой «внешней упаковки» или же новое название несет в себе и указание на более широкую область применения термина, новый фокус внимания либо иное отношение к традиционной гуманитарной проблематике [4].

Между тем цифровая гуманитаристика уже получила институциональную поддержку на уровне создания собственной инфраструктуры: был основан Альянс организаций цифровых гуманитарных наук (*The Alliance of Digital Humanities Organizations*), издаются научные журналы «Digital Humanities Quarterly», «Jahrbuch für Computerphilologie», «Literary and Linguistic Computing» и др. Ведущими представителями данной сферы являются Дж. Фландерс, Дж. Ансворт, П. Свенссон, У. Маккарти, Л. Маллен, М. Террас, К. Фостер, Ф. Гиббс, Б. Новиски, В. Пьез, П. Розенблум и т. д. Поскольку научная спецификация и классификация цифровой гуманитаристики продолжают, то ее наиболее актуальные проблемы оказываются связаны с этими процессами, что провоцирует появление сопутствующих проблем при отнесении междисциплинарных исследований к той или иной институции для получения финансирования или при обосновании существования цифровых гуманитарных наук как отдельной дисциплины и принадлежности этого направления к фундаментальной науке.

Особая роль в понимании современной цифровой трансформации в науках о культуре и обществе отводится понятию социального компьютеринга

(*social computing*), которое применяется для обозначения исследований в компьютерных науках, ориентированных на анализ контента и активности пользователей в электронных социальных сетях. Проблемная и тематическая сферы социального компьютеринга во многом пересекаются с цифровой гуманитаристикой, однако область исследований первого намного шире, поскольку не ограничивается определенными профессиональными культурными сферами и историческими периодами (например, дизайн веб-сайтов, фешен-фотография, художественная литература XIX в., поп-музыка XX в. и т. п.), но охватывает паттерны в больших массивах культурных данных, описывающих пользовательский онлайн-контент и способы взаимодействия с ним. В первую очередь это данные, связанные с описанием активности пользователей в самых популярных социальных сетях, таких как *Instagram*, *YouTube*, *Flickr*, *Twitter* и т. д., размещаемый в этих сетях контент (твиты, изображения, видео и пр.), а также взаимодействие с этим контентом (лайки, репосты, комментарии). Объем исходных данных может составлять десятки и сотни миллионов единиц – фотографий, постов, загрузок, осуществляемых не профессионалами, а обычными людьми, поэтому в качестве объекта исследования обычно выступает материал любительской, вернакулярной и фан-культуры. В области социального компьютеринга работают представители ряда компьютерных наук, специализирующихся на мультимедиа-технологиях, компьютерном зрении, музыкальном информационном поиске, обработке естественного языка на основе данных, начиная с 2004 г., когда стали набирать популярность сетевые сервисы по обмену цифровым контентом.

Для того чтобы понимать, как организованы большие массивы данных, как осуществляются их описание и интерпретация, известный теоретик цифровых медиа Лев Манович предлагает взять за основу исследования современной софт-культуры, т. е. программного обеспечения, без которого невозможно представить практическую реализацию социального компьютеринга. Для этого требуется фундаментально иная гуманитарная методология, позволяющая корректно представить «действие софта» в виде «данных» на основе человеко-компьютерного взаимодействия, которое специалисты из научных институций и частных компаний исследуют для выявления различных проблем в новых интерфейсах и их исправления. Однако, как отмечает Манович, в цифровых гуманитарных науках перед анализом интерактивных медиа ставится иная задача – «понять, как люди конструируют смыслы в результате взаимодействия с интерфейсом и каким образом их социальный и культурный опыт опосредован программным обеспечением.

Таким образом, нам необходимо развивать свои собственные методы записи, анализа и визуализации опыта взаимодействия» [5, с. 88].

Поскольку весь наш пользовательский опыт организован посредством различных фреймов и паттернов, культурные традиции, социальные взаимодействия и процесс принятия решений все в большей мере становятся зависимы или даже напрямую управляются масштабными системами программного обеспечения. В связи с этим, по мнению Л. Мановича, чрезвычайно важна сама возможность обсуждения среди непрофессионалов того, как эти системы работают. Сможем ли мы получить нужную нам информацию и составить правильное представление о возможностях софта, если сведем каждую комплексную систему к однозначному описанию ее алгоритма, или же нюансы конкретных решений, принятых программным обеспечением в каждом отдельном случае, будут упущены? При этом «роль исследований софта заключается не в том, чтобы ответить на эти и многие другие вопросы о нашем новом интерактивном мире, а скорее в том, чтобы обозначить их и предложить различные подходы к их рассмотрению. И конечно, чтобы подтолкнуть исследователей из других дисциплин к размышлению о том, как софт меняет то, что они изучают, и то, как они это изучают» [5, с. 92].

О. В. Терещенко: Аудитория интернета – общая численность и структура его пользователей – интересует социологов, политиков, маркетологов, редакторов СМИ и других специалистов с момента своего появления. Она представляет собой полную совокупность пользователей интернета, независимо от того, какие инструменты доступа они применяют, а также какие ресурсы и как часто посещают. Иными словами, это совокупность людей, использующих интернет-ресурсы для получения медиа-продуктов.

Проникновение интернета. Первоначально интернет был профессиональным инструментом специалистов по информационным технологиям. Острая необходимость измерения его аудитории (другими словами, определения числа его пользователей) возникла в середине 1990-х гг. в связи с ускоряющимся ростом ее численности, получившим название *проникновения интернета* (*Internet penetration*). Так, в 1994 г. проникновение интернета в США составило 15 % домашних хозяйств, имевших компьютер и модем. В Беларуси аналогичный процент, согласно данным Независимого института социально-экономических и политических исследований (НИСЭПИ), был достигнут только в 2002 г. Национальный статистический комитет Республики Беларусь (Белстат) впервые опубликовал данный показатель, когда он составил 20 %, – в 2009 г. [6] Необходимо отметить, что, поскольку

измерение проникновения интернета (в том числе и Белстатом) осуществляется исключительно методом выборочного опроса, его результаты, не совпадающие у разных организаций, являлись предметом дискуссий на научных и информационно-технологических мероприятиях, в частности на ежегодной конференции «Деловой интернет» (начиная с 2006 г.).

Заметим, что выборочный опрос был единственным методом определения проникновения даже тогда, когда существовал лишь один способ доступа к интернету – через модемы, подлежащие обязательной регистрации. Проблема точного определения количества «уникальных» интернет-пользователей не могла быть решена, потому что,

с одной стороны, модемом могли пользоваться все члены семьи или же организации и их посетители, с другой стороны, пользователь мог применять не только свой домашний модем, но и модемы на работе, в учебном заведении, интернет-кафе, у знакомых и др. Рис. 1, опубликованный Белстатом в 2013 г., показывает, что уже в 2012 г., когда возможности выхода в интернет были не так велики, как сейчас, суммарное количество *абонентов* сети (заключивших договор) достигало 7,5 млн человек (при численности населения 10 млн), в то время как число *пользователей*, также определенное Белстатом, но методом выборочного опроса, составляло 46,9 % населения в возрасте 16 лет и старше, или 3,7 млн человек.

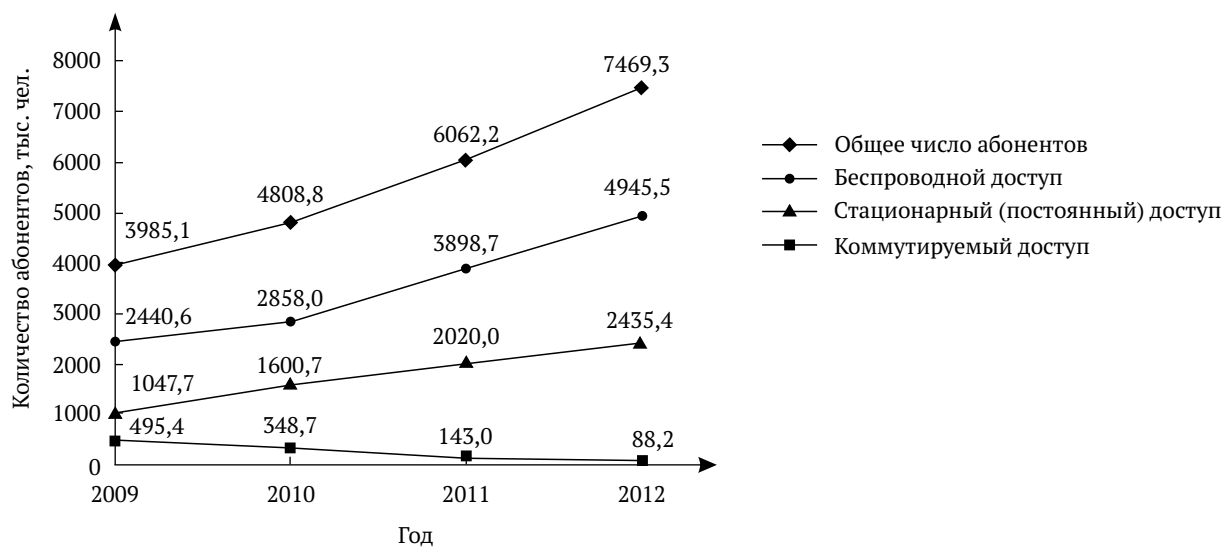

Рис. 1. Количество абонентов интернета (физических лиц; на конец года).

Источник: [7, с. 61]

Fig. 1. Number of Internet subscribers (physical persons; at year end).

Source: [7, p. 61]

Таким образом, любой пользователь интернета может иметь разнообразные каналы доступа, регистрироваться у разных операторов и посещать многочисленные ресурсы. Для того чтобы информация о пользователе многократно не повторялась, ее необходимо получать непосредственно от него самого традиционным опросным методом.

В настоящее время измерение проникновения интернета входит в функции всех национальных статистических комитетов. В частности, Белстат начиная с 2012 г., когда интернетом пользовалось около 30 % населения Беларуси в возрасте 6–72 лет, ежегодно, а с 2015 г. – раз в два года издает статистический сборник «Информационное общество в Республике Беларусь», содержащий раздел «Доступ населения к сети интернет», который включает не только численность интернет-пользователей, но и их распределение по полу, возрасту, образова-

нию, месту проживания (область и тип поселения), месту выхода в интернет (дома, на работе, в учебном заведении, в любом месте через сотовую связь и др.), частоте и целям выхода, а также по удовлетворенности качеством интернет-услуг. Эти показатели, характеризующие использование интернета населением Беларуси, Белстат получает ежегодно в ходе выборочного опроса домашних хозяйств и публикует в вышеуказанном сборнике.

Профессиональные социологические организации приступили к измерению интернет-аудитории раньше, чем Белстат. Одним из первых в бывшем СССР является измерение проникновения интернета в Беларуси, проведенное НИСЭПИ в декабре 1997 г. в рамках социологического опроса по маршрутной выборке. Проникновение интернета составило тогда 4,3 % населения в возрасте 18 лет и старше (64 респондента из 1495 опрошенных¹,

¹Источник: данные НИСЭПИ, декабрь 1997 г.

или приблизительно 290 тыс. человек в пересчете на численность населения Беларуси).

Проникновение интернета может также измеряться для отдельных социальных групп, что позволяет сопоставлять их с точки зрения цифрового

неравенства. Для этого за 100 % следует принять число представителей данной группы в выборке. Так, в 1997 г. интернетом пользовались 5,3 % мужчин и 3,4 % женщин. Тот же пример применительно к возрастным группам представлен в табл. 1.

Таблица 1

Проникновение интернета
в возрастные группы

Table 1

Internet penetration
into age groups

Возрастной интервал	Проникновение, %
18–19	13,0
20–24	6,9
25–29	6,6
30–39	3,6
40–49	3,1
50–59	1,5
60+	0,6
В целом	4,3

Источник: разработано автором на основе данных НИСЭПИ.

Структура аудитории интернета. Кроме проникновения необходимо также изучать структуру аудитории интернета, которую обычно представляют в виде распределения частот, где за 100 % принимают общее количество респондентов. Так, в 1997 г. белорусская аудитория интернета состояла из 56 % мужчин и 44 % женщин (рис. 2), что существенно отличалось от половой структуры взрослого населения, в которой преобладали женщины (рис. 3).

Если социальные группы представлены интервалами значений количественной переменной (например, возраста или уровня доходов), распределение удобнее представлять в виде таблицы. Ин-

терпретировать такую таблицу необходимо с учетом неравенства длины интервалов. Например, в табл. 2 представительство интернет-аудитории в возрасте 30–39 лет (20,3 %) выше, чем в возрасте 25–29 лет (17,2 %), не потому, что старшие респонденты чаще интересуются интернетом, а потому, что интервал 30–39 лет охватывает большее количество однолетних возрастных групп (10), чем интервал 25–29 лет (5). Другими словами, в возрастном интервале 30–39 лет почти в два раза больше населения (и, соответственно, респондентов), чем в интервале 25–29 лет, и именно поэтому представительство первых в интернет-аудитории также будет больше.

Рис. 2. Распределение аудитории интернета по полу в 1997 г. Источник: разработано автором на основе данных НИСЭПИ

Fig. 2. Distribution of Internet audience by gender in 1997. Source: developed by the author based on IISEPS

Рис. 3. Распределение взрослого населения по полу в 1997 г. Источник: [8, с. 32]

Fig. 3. Distribution of adults by gender in 1997. Source: [8, p. 32]

Таблица 2

Возрастная структура интернет-аудитории

Table 2

Age structure of the Internet audience

Возрастной интервал	Частота, %	Плотность распределения, %
18–19	21,8	11,0
20–24	18,8	3,8
25–29	17,2	3,4
30–39	20,3	2,0
40–49	15,6	1,6
50–59	4,7	0,5
60+	1,6	0,2
Всего	100	–

Источники: разработано автором на основе данных НИСЭПИ.

Для того чтобы понять, насколько использование интернета зависит от возраста, представлено в табл. 2 интервалами разной длины, необходимо от частот перейти к *плотности распределения*², которая в данном случае показывает, какой процент интернет-аудитории приходится в среднем на один годовой интервал. Здесь мы можем видеть, что в 1997 г. молодые люди в возрасте 18–19 лет почти в 3 раза чаще пользовались интернетом, чем в 20–24 года, а в возрасте 25–29 лет – почти в 1,5 раза чаще, чем в 30–39 лет.

Изменения проникновения интернета имеют значение не только для владельцев интернет-ре-

сурсов, но и для государства, отдельных его регионов, отраслей экономики, научных исследований и др. Когортный анализ [9] позволяет увидеть, что с возрастом люди продолжают осваивать интернет-технологии и сокращать возрастное цифровое неравенство. В табл. 3 особое внимание уделено двум поколениям. Первому из них (выделено полужирным шрифтом) в 1997 г. было 25–29 лет, и именно оно тогда имело максимальный доступ к интернет-технологиям – не только интеллектуально, но и финансово. Тем не менее более молодые поколения, имевшие в 1997 г. меньший доступ к интернету, обогнали его уже в последующие 5 лет.

Таблица 3

Когортный анализ проникновения интернета, %

Table 3

Cohort analysis of Internet penetration, %

Возраст	Год				
	1997	2002	2007	2012	2016
16–19	3,3	44,1	71,0	96,0	97,6
20–24	4,5	43,4	75,7	99,1	98,3
25–29	8,0	33,8	61,3	90,6	97,3
30–34	2,4*	23,3	48,5	90,7	90,5
35–39	2,4*	17,7	48,6	77,6	88,3
40–44	1,1**	17,7	43,2	56,0	80,0
45–49	1,1**	11,9	36,8	51,0	69,3
50–54	0,5***	9,8	30,3	43,0	54,6
55–59	0,5***	2,9	10,5	31,5	48,1
60–64	–	4,0	3,1	19,3	32,1

²Плотность распределения равна частоте, деленной на длину интервала ($\rho_i = f_i/l_i$, где ρ_i – плотность; f_i – частота; l_i – длина интервала с номером i).

Окончание табл. 3
Ending table 3

Возраст	Год				
	1997	2002	2007	2012	2016
65–69	–	1,0	4,3	10,1	22,7
70–74	–	1,3	1,8	6,9	10,9
75+	–	–	–	5,2	8,3
В целом	2,3	17,8	31,2	57,7	63,3
Объем выборки, чел.	1495	1488	1531	1505	1508

* Оценка по группе 30–39 лет.

** Оценка по группе 40–49 лет.

*** Оценка по группе 50–59 лет.

Источник: разработано автором на основе данных НИСЭПИ.

Второе из рассматриваемых поколений (выделено полужирным курсивом) – самое старшее из тех, кто начинал осваивать информационные технологии в 1997 г. и чье присутствие в интернете за 20 лет возросло в 16 раз, хотя так и не достигло 10 %.

В предпоследней строке «В целом» представлены изменения, произошедшие с проникновением интернета в население Беларуси в общем – от 2,3 % в 1997 г. до 63,3 % в 2016 г.

Измерение аудитории интернета – дорогостоящее мероприятие, осуществляемое главным образом «опросными фабриками» – профессиональными организациями, специализирующимися на выборочных опросах. Однако корректные результаты могут быть получены из этих данных только при правильной постановке задачи – как содержательно, так и математически.

Н. В. Ефимова: С появлением и развитием интернета методы социологических исследований все более заметно стали смещаться в онлайн. Исследователи обращаются к различным высказываниям пользователей на сайтах, в социальных сетях, а современные технологии позволяют соотносить социально-демографический профиль человека с его мнением и поведением в интернете, *не задавая ему традиционных вопросов*.

Новая парадигма звучит так: «listening is a new asking», что означает «слушать – это новый способ спрашивать». Как пишет по этому поводу канадский исследователь Д. Савчук, «инфраструктура социальных сетей и пользовательский контент прочно заняли свое место и повсеместно рассматриваются в качестве открытой двери в мир очень ценной и подробной информации, *готовой для анализа*» [10, с. 162].

Если это так, у социальных исследователей все реже возникает необходимость спрашивать (поскольку существует возможность найти и изучить уже написанное и опубликованное «респондентами» в интернете), повышается актуальность так называемых *нереактивных методов и процедур, не требующих активного участия исследуемых субъек-*

тов в процессе исследования. В частности, нереактивные методы онлайн-исследований, в отличие от реактивных, не предполагают прямую коммуникацию с респондентами, не требуют согласия исследуемых объектов на проведение опроса или наблюдения и снижают вероятность влияния исследователя на поведение или иные свойства изучаемого объекта. С помощью нереактивных методов можно собрать различные виды данных.

1. Содержательные: характеризуют тематику, действующих субъектов (персонажей), тональность (оценочность) отдельных высказываний и онлайн-документов в целом (постов, блогов, сайтов, публикаций сетевых СМИ и т. д.).

2. Структурные: описывают, например, структуру сайта, наличие и характеристики связей (гиперссылок) между отдельными его страницами, меры центральности страниц на сайте, структуру коммуникационных сетей, а также сообществ в социальных сетях.

3. Субъектные: включают демографические (пол, возраст) и географические (место проживания) параметры пользователей. Сбор субъектных данных в интернете развивается сегодня наиболее интенсивно и применяется как в социологических, так и в маркетинговых исследованиях.

4. Процессные: отражают характеристики различных процессов коммуникации между пользователями интернета, например скорость отклика сообщества на то или иное сообщение [11, с. 95].

И. Ф. Девятко предлагает делить нереактивные методы сбора интернет-данных на простое наблюдение и анализ цифровых отпечатков и готовых данных. Так называемое простое наблюдение означает скрытое (т. е. без указания на присутствие исследователя) наблюдение *за сетевым поведением индивидов и групп пользователей в сообществах, группах, на форумах и иных площадках для коммуникации в интернете*. Анализ цифровых отпечатков и готовых данных, в свою очередь, делится исследователем на анализ цифровых следов интернет-активности и изучение онлайн-документов, архивов

и записей. И. Ф. Девятко расшифровывает «цифровые следы» как результаты манипуляций пользователей с цифровым кодом сайтов и браузеров, это могут быть запросы в поисковике, переходы по ссылкам, лайки и репосты (пересылки постов) в социальных сетях и т. п. Анализ онлайн-документов и архивов подразумевает исследование эпизодических и частных записей, с одной стороны (онлайн-дневники, блоги, комментарии, статусы), и периодических публикаций или ограниченных в доступе текстов, с другой стороны (например, публикаций в новых медиа, регулярных электронных отчетов компаний и т. п.) [12]. Таким образом, неактивные методы сбора данных позволяют раскрыть поведение пользователей в сети, результаты их сетевой активности, а также проанализировать интернет как медийную реальность, исследовать представленные в ней тексты, их содержание.

Что же все-таки представляют собой эти неактивные методы исследования интернета? В чем их особенность и новизна? Как правило, к ним относят различные способы анализа текстов или иных знаковых объектов: контент-, дискурс-, интент-анализ и др. Эти методы анализа текстов существуют, причем довольно давно, как в ручном, так и в автоматизированном варианте. Например, комплекс программ для анализа текстовых материалов на ЭВМ «Общий справочник», разработанный группой ученых Гарвардского университета под руководством Ф. Стоуна, появился более полувека назад, задолго до эпохи интернета. Однако механически использовать традиционные подходы к анализу текстов для исследований интернета не представляется возможным. Следует учитывать проблемы их адаптации к специфике онлайн-контента.

Одна из них – это проблема выборки. Социологи пытаются с помощью методических экспериментов найти ее решение. В частности, коллектив Лаборатории интернет-исследований ВШЭ (Санкт-Петербург) провел исследование русскоязычных блогов [13].

Изначально пытались построить выборку блогеров по полу и возрасту. Однако: а) пол и возраст указаны далеко не всегда; б) неясно, что они на самом деле отражают. А главное, пол и возраст авторов не являются характеристиками блогов. Ими выступают количество и длина постов, частота обновления, возраст блога, число комментариев. Оценка перечисленных формальных количественных параметров осуществляется самими поисковыми системами. По таким выборкам можно судить о тематических и жанровых склонностях авторов, но нельзя делать вывод о тематической структуре блогосферы. Блоги, как правило, политематичны. Посты же монотематичны. Поэтому единицей анализа следует сделать именно пост и осуществлять выборку из постов.

Но и эта задача оказалась очень сложной. Русскоязычная блогосфера производит 100 тыс. постов

в день, и состав значимых параметров этой генеральной совокупности неизвестен. В качестве альтернативы рассматривали ограничение выборки интересующей исследователя тематикой, определенной через ключевые слова. Так делают и в повседневной жизни, и в маркетинге, где требуется осуществлять выборки текстов, например о брендах. Был проведен ряд экспериментов в отношении социальных тем. Результат оказался отрицательным. От построения выборки поиском постов по ключевым словам пришлось отказаться (экспериментально были выделены широкие социально значимые темы, к которым относились большие списки ключевых слов; ни один поисковик не воспринимает таких длинных списков, неизбежных при тщательном выделении тем). В конечном счете решили ограничиться сплошной выборкой постов за определенный исследователем период времени с последующим делением на темы.

Тот же подход к формированию выборки используют в своих курсовых и дипломных работах наши студенты, которые проявляют большой интерес к исследованиям интернета. В качестве примера построения выборки, аналогичного описанному выше, можно привести контент-анализ интернет-сайтов *TUT.by*, *sb.by*, *Onliner.by* по теме «Образ России в интернет-СМИ», который выполнила студентка кафедры социальной коммуникации Е. Гайдучик.

Другой пример взят из дипломной работы А. Кузьмич «Коммуникация в социальных сетях как фактор формирования гендерной идентичности молодежи». Объектом исследования были «женские» и «мужские» сообщества в социальных сетях. Для формирования выборочной совокупности была использована многоступенчатая выборка. На первом этапе отбора (направленная выборка) для анализа была выбрана социальная сеть «ВКонтакте», так как, согласно исследованию *Gemius*, в Беларуси она занимает первое место по количеству зарегистрированных пользователей и является самой «молодежной» социальной сетью в стране.

На следующем этапе производился отбор «женских» и «мужских» сообществ в социальной сети по ключевым словам «женский», «леди», «девушка», «дама», «мужской», «мужчина», «пацан». Всего было отобрано 805 «женских» и 578 «мужских» сообществ.

На третьем этапе многоступенчатой выборки из отобранных ранее по ключевым словам сообществ «для женщин» и «для мужчин» было выбрано по пять сообществ, содержащих наибольшее количество участников (по одному из каждой совокупности сообществ, найденных по ключевым словам).

Исследование сообществ включало в себя:

- анализ названия;
- изучение графического контента;
- анализ постов, опубликованных за последние семь дней;

- определение гендерного соотношения участников от 14 до 18 лет (осуществлялось электронным путем, при помощи фильтров, которые позволяют находить людей в сообществах социальной сети «ВКонтакте» по различным параметрам);

- подсчет постов, содержащих высказывания о типичных образцах поведения мужчин и женщин (производился вручную; в общей сложности был проанализирован 91 пост (41 – в «мужских» сообществах, 50 – в «женских»));

- выявление при помощи контент-анализа качеств, которые женщины приписывают мужчинам, а мужчины – женщинам.

Показателями активности участников сети выступали такие категории контент-анализа, как репост, подпись к репосту, создание форумов (обсуждений) в анализируемых сообществах, участие в этих обсуждениях.

М. С. Терещенко: Уже в начале XX в. вместе с развитием средств массовой коммуникации стали появляться и первые исследования аудитории прессы, а затем и радио. В 1930-е гг. эти исследования получили большое развитие. Позднее к ним добавились измерения телесмотрения. К концу века аудиторные медиаисследования представляли собой не только совокупность устоявшихся методов и методологии измерения аудитории СМИ, также была сформирована развитая индустрия как получения, так и потребления данных таких исследований.

Развитие цифровых технологий повлекло за собой стремительное изменение потребительского поведения в отношении медиа. Изначально при обсуждении цифровой трансформации телевидения речь шла о трансформации передачи сигнала, появлении интерактивности в его доставке, возникновении цифровых медиаплатформ и их влиянии на поведение зрителей [14, с. 176]. На современном этапе уже очевидно, что изменения в поведении аудитории обусловлены не только трансформацией самого телевидения, но и той цифровой средой, в которой живет наша цивилизация.

В связи с этими глобальными изменениями можно выделить некоторые основные тенденции в поведении аудитории относительно телесмотрения.

Первой очевидной тенденцией можно назвать снижение телесмотрения. Возможности интернета с точки зрения разнообразия контента, а также удобства времени и места предоставления доступа сделали этот канал коммуникации крайне привле-

кательным для аудитории, что отразилось на всех классических СМИ. Первыми терять свои позиции начали печатные СМИ, однако вместе с совершенствованием интернет-технологий и появлением различных видеосервисов пошатнулись позиции и телевидения. Эта тенденция носит общемировой характер с некоторыми отклонениями во времени и интенсивности происходящих процессов в различных странах.

Хотя общее количество времени просмотра снижается, следует отметить, что интернет-аудитория не отказалась полностью от использования телевидения. По данным исследования белорусской интернет-аудитории *GemiusAudience* в октябре 2018 г., только 13 % пользователей не смотрели телевизор вообще³.

Снижение классического телесмотрения чаще всего является результатом потери молодых зрителей. Происходит так называемое «старение» аудитории, которое также можно назвать общемировым процессом. Так, в России средний возраст телезрителя за 10 лет, с 2008 до 2018 г., вырос с 44 до 49 лет⁴. Однако нельзя говорить о том, что молодые люди не потребляют телевизионный контент вообще, скорее, изменяется характер этого потребления: значительная часть молодой аудитории «досматривает» контент в интернете в прямом эфире или при помощи сервисов отложенного просмотра⁵. Здесь становится видна еще одна тенденция – усиливающаяся фрагментация просмотра.

Однако фрагментация телесмотрения как таковая не является новой тенденцией. Распространение кабельного и спутникового телевидения, а затем и цифровой передачи телевизионного сигнала привело к росту количества доступных для просмотра каналов и, как следствие, более фрагментарному смотрению. Это способствует тому, что у каждого отдельно взятого канала остается меньше аудитории, а это значит, что процесс покупки/продажи рекламного инвентаря усложняется [15, с. 14].

С развитием интернет-технологий, помимо очевидной конкуренции телевизионного контента с нетелевизионным, возникает и фрагментация в способах доставки телевизионного контента. Кроме классического эфирного, кабельного и спутникового телевидения появляется интерактивное телевидение с возможностью отложенного просмотра, онлайн-вещание каналов, иногда называемое веб-ТВ, отложенный онлайн-просмотр.

Таким образом, наряду с традиционным линейным просмотром телевидения возникло мно-

³Телесмотрение белорусской интернет-аудитории в октябре 2018 [Электронный ресурс]. URL: <http://www.infopolicy.biz/?p=11259> (дата обращения: 10.07.2019).

⁴Полуэхтова И. А. Телевидение глазами телезрителей... и не только // Материалы XXII конгресса Национальной ассоциации телевещателей, 31 октября – 1 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.congress-nat.ru/data/documents/02-Poluehtova.pdf> (дата обращения: 10.07.2019).

⁵Там же.

жество других форм потребления телевизионного контента. На современном этапе к традиционным альтернативам домашнего и внедомашнего просмотра эфирного, кабельного или спутникового телевидения у потребителей добавилась возможность выбирать в различном сочетании время (вещание или по запросу) и предпочитаемое устройство просмотра, а традиционные способы доставки ТВ-сигнала дополнились технологиями *IPTV*, *OTT* и интернет-ТВ. Все это многообразие существует на фоне снижения телесмотрения в целом и во многом за счет уменьшения доли «классического» телевидения. Проблема для телеканалов здесь заключается в том, что такие просмотры обычно не монетизируются и никак не работают на успех телеканала. При этом перераспределение потребителей, обладающих различными социально-демографическими характеристиками, происходит неравномерно. Особенно быстро телевидение теряет молодую аудиторию, являющуюся при этом одной из самых привлекательных для рекламодателей.

Что же происходит с медиаизмерениями? В сложившейся ситуации рекламный рынок, делающий заказ на подобного рода измерения, начинает ставить перед исследователями новые вопросы. А развивающиеся технологии позволяют как совершенствовать уже устоявшиеся методы сбора информации, повышая качество данных, так и внедрять новые подходы и практики. Развитие технологий, бесспорно, повлияло на скорость получения, обработки и передачи данных медиаизмерений. Все изменения в этом поле можно условно разделить на три группы.

Первую назовем «естественным» обновлением технологий. Такие изменения не влекут за собой дополнительных обсуждений со стороны индустрии. Например, появление высокоскоростного мобильного интернета позволило применять пиплметры, которые передают данные респондентов прямо на сервер. Благодаря этому сведения, полученные при помощи пиплметрии во многих странах, доступны специалистам уже на следующий или на второй день после эфира, что было невозможно еще некоторое время назад.

Вторая группа – это возможные изменения в параметрах построения исследовательской панели ввиду существенных изменений в поведении аудитории. Так, в недавнем времени дискуссии развернулись вокруг так называемого «правила 21 дня»⁶, согласно которому если респондент не включал телевизор в течение 21 дня, то он автоматически исключался из расчета показателей. Длительное

время это правило было принято на многих рынках и основывалось на предположении, что долго не включающий телевизор респондент уехал в отпуск, на дачу, где его медиапотребление будет воспроизводиться с приблизительно тем же репертуаром, что и в городе. Однако с развитием интернета и другими переменами в образе жизни потребители перестают смотреть телевизор вследствие изменения привычек, а не из-за временного отсутствия в городе. Соответственно, данное правило нужно было отменять (т. е. изменять параметры исследования). Кроме того, в России это так или иначе повлекло за собой развертывание отдельной «дачной» панели, а также повышение внимания к подсчету показателей гостевого просмотра⁷.

Наибольший интерес представляет третья группа изменений в телеметрии. Сюда отнесем разработку и внедрение новых технологических и методологических решений.

Как уже говорилось выше, одной из главных тенденций в поведении телевизионной аудитории является фрагментация телесмотрения. Прежде всего это сказывается на показателях вещателей. При наличии только традиционной пиплметрической (или дневниковой) панели весь шлейф нелинейных просмотров остается незамеченным и не учтенным в монетизации. Однако для некоторых аудиторий и определенных видов контента нелинейные просмотры вносят существенный вклад в рейтинг события. Поэтому при неизменной основе выборочного панельного измерения перед исследователями и разработчиками стоит задача включить в общий подсчет показателей телесмотрения все возможные варианты нелинейного потребления.

Одним из путей решения проблемы может быть переход на портативные пиплметры (*PPM*). Привычная телеметрия предполагает установку дома у респондента специального прибора, который фиксирует время включения, выключения телевизора и переключение каналов, после чего данные передаются на сервер измерителя и обрабатываются. Технология *PPM* предполагает, что респондент носит с собой специальное устройство, которое фиксирует и распознает аудиосигналы теле- и радиостанций и фиксирует время, в которое респондент находился в пределах слышимости включенного телевизора или радиоприемника. Весь телевизионный контент участвующих в исследовании каналов тегируется определенным образом, благодаря чему устройство распознает, какой канал включен у респондента.

⁶Об изменении показателей телесмотрения в 2017 году [Электронный ресурс]. URL: <https://alkasar.by/ob-izmenenii-pokazateley-telesmotreniya-v-2017-godu/> (дата обращения: 10.07.2019).

⁷Ачкасова К. Телевидение 2018–2019: тренды и измерения // Материалы XXII конгресса Национальной ассоциации телевещателей, 31 октября – 1 ноября 2018 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.congress-nat.ru/data/documents/NAT_31102018_Achkasova_3-4.pdf (дата обращения: 10.07.2019).

Отметим, что с помощью технологий тегирования контент распознается и современными стационарными пиплметрами. Благодаря этому возможно измерение отложенного просмотра на платформах IPTV. В частности, включение с мая 2019 г. данного типа просмотра в исследование анонсировал и белорусский измеритель⁸, однако пока никаких дополнительных официальных отчетов и комментариев по этому вопросу не поступало.

Что касается аудитории онлайн-телевещания, то ее измерение может производиться несколькими способами. Это может быть описанная выше технология с применением специальных приборов. Однако, помимо прочих сложностей использования, прибор не сможет зафиксировать просмотры в наушниках.

Другим способом является установка программы, которая при помощи специальных счетчиков будет вести учет просмотров в интернете. Этот способ видится более доступным в применении, однако сам по себе он не может решить задачу совокупного рейтинга потребления телевизионного контента на разных экранах.

Для решения проблемы разрабатываются гибридные кросс-платформенные технологии. Этот подход предполагает, что детальная оценка телепросмотра в каждом отдельном фрагменте происходит по репрезентативным панелям каждого сегмента, а затем эти данные агрегируются и взвешиваются при помощи специальных процедур. Такой метод требует больших интеллектуальных и финансовых затрат, готовности специалистов рынка работать с подобными сложными данными, однако в нескольких странах он уже используется или находится на стадии апробации⁹.

Таким образом, на современном этапе телевизионные измерения развиваются как по пути адаптации технологий к ранее разработанным методам, так и по пути разработки новых техник измерения в целях адаптации к изменяющемуся медиасоведению аудитории.

А. Е. Белоусова, Е. Е. Подоляк, А. П. Сидоренко: В мае 2019 г. в Белорусском государственном университете под руководством профессора А. В. Рубанова было проведено социологическое исследование на тему «Студент и интернет», во время которого было опрошено 200 представителей гуманитарных и естественных факультетов.

При фактически стопроцентной вовлеченности студенческой молодежи в интернет и возникшие на его основе новые информационно-коммуникативные технологии особый интерес представляют

ответы на вопросы: 1) какие устройства используются для доступа к интернету? 2) из каких мест доступа студенты чаще пользуются возможностями интернета? Оказалось, что в связи с повсеместным распространением мобильного интернета и смартфонов более 75 % студентов имеют возможность пользоваться интернетом в любом месте, где находятся. По сравнению с прежними временами реже стали упоминаться стационарные источники доступа (дом, место работы или учебы, библиотека, интернет-кафе).

Интерес представляют ответы на вопрос: какая информация интересует студентов на сайте факультета или учебного заведения в целом? Как видно из полученных данных, в первую очередь их привлекают разные виды электронных учебных материалов. На втором месте находится интерес к электронному представлению материалов, касающихся организации текущего учебного процесса (расписание занятий, экзаменов и зачетов, индивидуальные и групповые консультации, образцы деловой документации и т. п.). Заинтересованность студентов в конкретных видах электронных образовательных ресурсов также является весьма разнообразной. Больше всего их привлекают электронные учебники и учебные пособия, конспекты лекций (92,0 %), далее по степени интереса к ним располагаются материалы для подготовки курсовых работ (72,7 %), материалы для подготовки рефератов и эссе (57,2 %), тексты первоисточников (55,1 %), электронные материалы для прохождения практик (35,8 %).

Из конкретных форм организации электронного учебного процесса больше всего учащихся привлекает использование при чтении лекций и проведении семинаров мультимедийных видеопроекторов (73,0 %), на втором месте находится демонстрация видеозаписей лекций и лабораторных занятий, обучающих видеороликов (61,4 %), далее следуют видеоприсутствие на лекциях преподавателей в других вузах, включая зарубежные лекции в онлайн-режиме (30,7 %), и контроль качества знаний на основе компьютерного тестирования (30,7 %).

Развивается и становится более разнообразным по формам электронное взаимодействие студентов с преподавателями. Ответы учащихся на вопрос о том, какие электронные средства использует руководитель курсового или дипломного проекта для взаимодействия с ними, показали, что чаще всего – в 73,0 % случаев – он прибегает к услугам электронной почты, в 29,7 % случаев использует мобильный телефон, в 24,3 % – мессенджеры. Стоит отметить,

⁸Прогноз развития телевизионного рекламного рынка Беларуси на 2019 год [Электронный ресурс]. URL: <https://arobelarus.files.wordpress.com/2018/12/d180d0b5d0bad0bbd0b0d0bcd0bdd18bd0b9-d180d18bd0bdd0bed0ba-d182d0b2-2018-2019.pdf> (дата обращения: 10.07.2019).

⁹Суанова И. Телеизмерения в условиях трансформации медиасреды // Материалы Российского интернет-форума «РИФ+КИБ 2019», 17–19 апреля 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://mediascope.net/upload/iblock/914/17.04.2019_Mediascope_Ирина%20Суанова_РИФ+КИБ2019.pdf (дата обращения: 10.07.2019).

что 65,1 % студентов проверяют оригинальность своих работ в системе «Антиплагиат». Причем делают они это не только в рамках обязательных форм проверки, но и по собственной инициативе.

Одновременно большинство студентов, позитивно оценивая использование электронных ресурсов и средств коммуникации в учебном процессе, придерживаются мнения, что новые образовательные возможности, которые предоставляет интернет, следует сочетать (особенно на младших курсах) с потенциалом традиционных методов обучения по принципу «лицом к лицу» как с преподавателем, так и с книгой. Электронные услуги привлекают студентов не только в учебном процессе, но и в других значимых для них сферах жизни. Например, в сфере удовлетворения потребностей в разного рода источниках информации.

Ответы на вопрос: «Какие информационные ресурсы интернета прежде всего интересуют?» – показали, что по степени востребованности доминируют образовательные программы, учебная и профессиональная литература, далее следуют информация, касающаяся организации различных форм отдыха и культурной жизни, и общественно-политические новости.

Еще одним весьма распространенным среди студентов способом использования возможностей интернета является привлечение его ресурсов к поиску, пусть часто и временного, места работы. Показательно, что обращение к этим новым возможностям постепенно активизируется. Ресурсы интернета активно используются студентами при поиске работы в качестве источника информации о трудовых вакансиях: сайты предприятий и организаций назвали 89,4 % опрошенных, социальные сети – 41,3 %, базы данных специализированных государственных и частных структур – 31,3 %.

Растет популярность личной самопрезентации посредством размещения в интернете своих профессиональных резюме – 51,4 %, создания персональных страниц в профессиональных социальных сетях (*Профессионалы.ru*, *LinkedIn* и др.) – 28,5 %. В конечном счете при ответе на вопрос: «Удавалось ли через интернет найти работу?» – 27,5 % сказали, что нашли традиционное по форме рабочее место в организации, фирме или на предприятии, еще 18,5 % сослались на получение дистанционной работы (фриланс).

А. Н. Данилов: За разговором быстро пролетело время. Завершая наше заседание за «круглым столом», хотел бы отметить, что тема проблем становления цифрового общества в современном мире нашим журналом будет продолжена. Сегодня мы постарались рассмотреть причины, в силу которых данная тема так актуализировалась, и вызовы, которые несет этот процесс миру. Достаточно полно были обозначены новые тенденции и выделены возможные перспективы трансформации информационного пространства. Глубоко проанализирована проблема социального компьютеризма в цифровом обществе, раскрыты новые возможности и неизбежные недостатки методов научного познания с помощью интернета и исследования самого интернета, выявлены особенности измерения телевизионной аудитории и медиаизмерения. Мы попытались разобраться, как идет процесс формирования информационного (цифрового) общества в Беларуси, и убедились, как много сделано в этой сфере в нашей стране. Республика Беларусь сегодня на первых позициях на постсоветском пространстве. Приведенные участниками круглого стола социологические данные позволяют и далее совершенствовать учебный процесс подготовки будущих профессиональных социологов.

Библиографические ссылки

1. Иванов ВВ, Малинецкий ГГ. Философские основания гуманитарно-технологической революции. *Философские науки*. 2019;4:76–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-76-95.
2. Наука. Технологии. Человек. Материалы «круглого стола». *Вопросы философии*. 2015;9:5–39.
3. Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2017. 105 с.
4. Террас М, Найхан Дж, Ванхутт Э, Кижнер И, редакторы. *Цифровые гуманитарные науки*. Красноярск: Сибирский федеральный университет; 2017. 352 с.
5. Манович Л. *Теории софт-культуры*. Нижний Новгород: Красная ласточка; 2017. 208 с.
6. Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2012. 126 с.
7. Информационное общество в Республике Беларусь: статистический сборник. Минск: Национальный статистический комитет Республики Беларусь; 2013. 107 с.
8. Социальное положение и уровень жизни населения Республики Беларусь: статистический сборник. Минск: Статиздат Минстата Беларуси; 2002. 274 с.
9. Терещенко ОВ. Метод когортного анализа в социальных исследованиях. *Социология*: 4М. 2009;29:172–185.
10. Шашкин АВ, Девятко ИФ, Давыдов СГ, редакторы. *Онлайн исследования в России 3.0*. Москва: Издательский дом «Кодекс»; 2012. 420 с.
11. Никитин ИА. Нереактивные методы сбора данных в интернете (nonreactive data collection on the Internet, нерэактыўныя метады збору дадзеных у інтэрнэце). В: Сергеева ОВ, Терещенко ОВ, Сарна АЯ, Широкая АА,

Макарова ЛС, редакторы. *Новые медиа: социальная теория и методология исследований*. Санкт-Петербург: Алетеия; 2016. с. 95–98.

12. Девятко ИФ. Инструментарий онлайн-исследований: попытка каталогизации. В: Шашкин АВ, Девятко ИФ, Давыдов СГ, редакторы. *Онлайн исследования в России 3.0*. Москва: Издательский дом «Кодекс»; 2012. с. 17–30.

13. Кольцова О. Чем дышит блогосфера? К методологии анализа больших текстовых данных для социологических задач. В: Шашкин АВ, Девятко ИФ, Давыдов СГ, редакторы. *Онлайн исследования в России 3.0*. Москва: Издательский дом «Кодекс»; 2012. с. 163–184.

14. Назаров ММ. *Зарубежные рынки телевизионной рекламы: сравнительное исследование*. Москва: НИПКЦ Восход-А; 2011. 364 с.

15. Коломиец ВП. Медиа рекламные исследования – информационная основа бизнеса селлера. В: Коломиец ВП, Веселов СВ, Полуэктова ИА, редакторы. *Теория и практика медиарекламных исследований (к 15-летию Аналитического центра «Видео Интернешнл»)*. Москва: НИПКЦ Восход-А; 2011. с. 10–29.

References

1. Ivanov VV, Malinetsky GG. Philosophical foundations of the humanitarian and technological revolution. *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2019;4:76–95. DOI: 10.30727/0235-1188-2019-62-4-76-95. Russian.

2. Science. Technologies. People. Materials of «round table». *Voprosy Filosofii*. 2015;9:5–39. Russian.

3. *Information society in the Republic of Belarus: statistical book*. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2017. 105 p. Russian.

4. Terras M, Nyhan J, Vanhoutte E, Kizhner I, editors. *Tsifrovye gumanitarnye nauki* [Digital humanities]. Krasnoyarsk: Siberian Federal University; 2017. 352 p. Russian.

5. Manovich L. *Teorii soft-kul'tury* [Theories of soft culture]. Nizhny Novgorod: Krasnaya lastochka; 2017. 208 p. Russian.

6. *Information society in the Republic of Belarus: statistical book*. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2012. 126 p. Russian.

7. *Information society in the Republic of Belarus: statistical book*. Minsk: National Statistical Committee of the Republic of Belarus; 2013. 107 p. Russian.

8. *Social conditions and standard of living in the Republic of Belarus: statistical book*. Minsk: Statistical Publishing Center of the Ministry of Statistics and Analysis of the Republic of Belarus; 2002. 274 p. Russian.

9. Tereshchenko OV. [Cohort analysis method in social research]. *Sotsiologiya: 4M*. 2009;29:172–185. Russian.

10. Shashkin AV, Devyatko IF, Davydov SG, editors. *Onlain issledovaniya v Rossii 3.0* [Online research in Russia 3.0]. Moscow: Publishing House «Koдекс»; 2012. 420 p. Russian.

11. Nikitin IA. Nonreactive data collection methods on the Internet. In: Sergeeva OV, Tereshchenko OV, Sarna AY, Shirokanova AA, Makarova LS, editors. *Novye media: sotsial'naya teoriya i metodologiya issledovaniy* [New media: social theory and research methodology]. Saint Petersburg: Aleteiya; 2016. p. 95–98. Russian.

12. Devyatko IF. [Toolkit for online research: an attempt to cathologize]. In: Shashkin AV, Devyatko IF, Davydov SG, editors. *Onlain issledovaniya v Rossii 3.0* [Online research in Russia 3.0]. Moscow: Publishing House «Koдекс»; 2012. p. 17–30. Russian.

13. Kol'tsova O. [What breathes the blogosphere? On the methodology of the analysis of large text data for sociological problems]. In: Shashkin AV, Devyatko IF, Davydov SG, editors. *Onlain issledovaniya v Rossii 3.0* [Online research in Russia 3.0]. Moscow: Publishing House «Koдекс»; 2012. p. 163–184. Russian.

14. Nazarov MM. *Zarubezhnye rynki televizionnoi reklamy: sravnitel'noe issledovanie* [Foreign TV advertising markets: a comparative study]. Moscow: NIPKTS Voskhod-A; 2011. 364 p. Russian.

15. Kolomiets VP. [Media advertising research is the informational basis of the seller's business]. In: Kolomiets VP, Veselov SV, Poluekhtova IA, editors. *Teoriya i praktika mediareklamnykh issledovaniy (k 15-letiyu Analiticheskogo tsentra «Video Interneshnl»)* [Theory and practice of media advertising research (on the 15th anniversary of the Video International Analytical Center)]. Moscow: NIPKTS Voskhod-A; 2011. p. 10–29. Russian.

Статья поступила в редколлегию 17.07.2019.
Received by editorial board 17.07.2019.

ДИСКУССИЯ

DISCUSSION

УДК 316.34

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ УСЛУГИ: РЫНОК ИЛИ ОБРАЗОВАНИЕ?

Л. Г. ТИТАРЕНКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

В статье анализируется процесс модернизации системы высшего образования Республики Беларусь. В условиях международной интеграции и роста конкуренции в мире система высшего образования Беларуси пытается использовать новые механизмы и подходы для того, чтобы отвечать на глобальные вызовы и решать национальные стратегические задачи. Коммерциализация сферы образования стала новым подходом, внедренным еще в 1990-е гг. Сегодня она охватила как государственные, так и частные учебные заведения, превращая их в бизнес-организации, ориентированные на обслуживание запросов клиентов, от которых зависит уровень финансирования всей системы высшего образования. В статье подчеркивается специфика бизнес-организаций и учреждений высшего образования, которые имеют разные целевые ориентации, культуру, миссии. Смешение этих двух типов организаций превращает систему высшего образования в рыночный сегмент и лишает ее возможности выполнять миссии производства научных знаний, воспитания личности и социализации граждан.

Ключевые слова: Беларусь; национальная система высшего образования; клиенты; коммерциализация; предпринимательский университет; рынок образовательных услуг; миссия университета; академическая культура; модернизационный потенциал страны.

EDUCATIONAL SERVICES: MARKET OR EDUCATION?

L. G. TITARENKO^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

The article analyzes the process of modernization of the system of higher education of the Republic of Belarus. In the context of international integration and the growth of global competition, the national system of higher education of Belarus is trying to use new mechanisms and approaches in order to respond to global challenges and solve national

Образец цитирования:

Титаренко ЛГ. Образовательные услуги: рынок или образование? *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;3:58–64.

For citation:

Titarenko LG. Educational services: market or education? *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;3: 58–64. Russian.

Автор:

Лариса Григорьевна Титаренко – доктор социологических наук, профессор; профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Author:

Larissa G. Titarenko, doctor of science (sociology), full professor; professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
larissa@bsu.by

strategic objectives. The commercialization of education has become a new approach introduced in the 1990s. Today, it includes both public and private educational institutions, turning them into business organizations that are focusing on servicing the clients' requests, because the entire system of higher education depends on the level of the clients' funding. The article shares the specifics of business organizations and the institutions of higher education, which have different basic orientations, culture, and missions. Mixing these two types of organizations leads to the transformation of the system of higher education into a market segment and deprives the educational sphere of the ability to fulfill the missions of producing scientific knowledge, educating the individual and socializing citizens.

Keywords: Belarus; national system of higher education; clients; commercialization; entrepreneurial university; market of educational services; university mission; academic culture; modernization potential of the country.

Приоритетной задачей системы высшего образования Республики Беларусь в настоящее время является подготовка квалифицированных кадров для инновационной экономики. Она поставлена государством в рамках программы реализации начавшегося перехода национальной экономики на пятый технологический уклад и принята к исполнению системой высшего образования. Данная целевая задача определена исходя из внешних требований развития страны и экономики, являющейся приоритетной сферой для государства, а не из внутренней специфики системы высшего образования, которая хотя и выступает социетальной подсистемой, но имеет собственную логику развития.

Для решения поставленных перед национальной системой высшего образования государственных задач в течение ряда лет в стране осуществляется процесс модернизации этой сферы, под которым понимаются многообразные изменения, направленные на повышение ее конкурентоспособности на международной арене, введение новых механизмов деятельности в целях максимально возможного приспособления к нуждам экономической подсистемы.

В Республике Беларусь, постсоветское развитие которой всегда было ориентировано на поддержание социальной стабильности и социально-экономической устойчивости, от роста инновационной экономики как главной цели развития страны на современном этапе зависит и улучшение благосостояния населения, и решение других социальных задач. Поэтому в стратегическом плане развитие сферы высшего образования поставлено в зависимость от развития экономики. Данный факт никогда не исключал решения системой образования и других важных задач (например, идейно-воспитательных), но предполагал приоритет экономики. Эта постановка проблемы была принята к действию Министерством образования Республики Беларусь, которое определило стратегию образования следующим образом: «Сформировать качественную систему образования, в полной мере отвечающую потребностям инновационной экономики и принципам устойчивого развития» [1].

Отметим, что изначально при постановке государством стратегических задач высшего образования справедливо говорилось, что система еще не

полностью готова к их выполнению. В интервью, данном прессе в 2014 г., председатель Президиума НАН Беларуси Владимир Гусаков признал: «Чтобы получить новое качество, надо вложить много в количественном плане – ресурсов, средств, интеллекта, создать соответствующую материальную базу, подготовить кадры. Это не какой-то разовый шаг» [2]. К сожалению, этот тезис не стал руководством к существенному улучшению положения дел в высшей школе: сегодня система высшего образования Беларуси все еще испытывает недостаток государственного финансирования, выделяемого для практического решения важнейших стратегических задач. Проведенный нами в 2017–2018 гг. опрос экспертов-практиков (представителей профессорско-преподавательского состава университетов разного профиля, вузовской администрации разного уровня, репрезентирующих не только столичные, но и областные высшие учебные заведения) подтвердил, что система высшего образования не в состоянии быстро и эффективно модернизироваться в ответ на глобальные вызовы и на запросы инновационной экономики [3]. Она является частью более общей системы и полностью подчинена государственным структурам. Учебные заведения не могут самостоятельно менять свои образовательные программы и вводить новые специализации, соответствующие запросам инновационной экономики: для этого необходимы решения министерства, для проведения которых требуются большие затраты времени и сил. Даже частные учреждения высшего образования (УВО) в таких вопросах зависят от государственных чиновников. Запросы экономики в условиях глобальной конкуренции меняются быстрее, чем может реагировать на них система высшего образования. Такая ситуация характерна для большинства белорусских высших учебных заведений. Возникает проблема: как обеспечить эффективное развитие инновационной экономики с помощью системы высшего образования с довольно скромными наличными ресурсами и при этом внести вклад в достижение общих задач инновационного развития страны?

Решая данную проблему, высшая школа Беларуси так или иначе вынуждена пытаться эффективно отвечать на запросы инновационной экономики, опираясь на те ресурсы и средства, которые она

имеет. Добавим, что государство ежегодно увеличивает свои требования к процессу подготовки квалифицированных специалистов, способных внести вклад в инновационное развитие и создать новые технологии, стремясь сделать высшее образование полностью практико-ориентированным и изменяя на ходу «правила игры» (выдвигая дополнительные приоритеты, ужесточая проверку качества образования, распределения выпускников, отчетных документов и т. д.). При этом остается высокая степень неопределенности всего процесса: не исключено, что решения, принятые Министерством образования сегодня, будут скорректированы завтра, и учреждениям высшего образования придется перестраивать свою деятельность буквально на ходу (как это произошло с неожиданным для УВО решением о переводе магистратуры с двухлетнего на однолетнее обучение и изменении ее целевого назначения, что потребовало переделки всех учебных программ, перераспределения учебной нагрузки и т. п.).

Тип специалистов, подготовка которых сегодня широко востребована, в социологии образования квалифицируется посредством двух категорий: во-первых, это «инженеры-технологи, разработчики технологий», которых, как правило, готовят специализированные университеты (технические, технологические, отраслевые и т. д.), во-вторых, это «рядовые пользователи технологий», которых готовит система массового высшего образования, – от учителей и врачей общей практики до менеджеров по продажам, специалистов сельского хозяйства, социальных работников и др. [4, с. 69]. Предполагается, что обе категории специалистов будут широко востребованы на рынке труда. Таким образом, их подготовка превращается в предложение определенных видов образовательных услуг потенциальным покупателям – абитуриентам и их родителям. Эти участники на рынке образования становятся клиентами, а практикоориентированность УВО (как государственных, так и еще в большей степени частных) – клиентоориентированностью. В таких условиях составной частью функционирования любого УВО становится погоня за потенциальными клиентами, поскольку от них в первую очередь зависит пополнение финансов, а значит, и эффективная экономическая деятельность учебного заведения, в некоторых случаях – даже само его существование. Чем более привлекательно УВО для потенциальных клиентов, тем больше у него шансов заработать средства для финансирования собственных нужд, достойной оплаты труда профессорско-преподавательского состава, обновления материально-технической базы. Поэтому реклама УВО, погоня за разного рода рейтингами стали неотъемлемой составляющей жизни всякого института в системе высшего образования. Данная сфера

деятельности как бы лишается своей специфики, приравнивается к любым рыночным институтам.

Решить проблему сближения рынка труда и рынка образовательных услуг призвана модель предпринимательского университета (или модель «университет 3.0»), которую активно с недавнего времени начали внедрять в Беларуси [5; 6]. Коротко суть этой модели сводится к созданию внутри структур высшего образования тех или иных предпринимательских подразделений, которые бы профессионально занимались разработкой инновационных технологий на основе научных достижений ученых данного УВО и реализацией продукции на национальном и международном рынке. При этом учебное заведение должно активно подключать студентов и преподавателей к подобной деятельности, создавая на факультетах новые лаборатории, научно-производственные коллективы, привлекая инвестиции бизнеса и т. п. Представители предпринимательских подразделений, а также бизнес-инвесторы могут быть включены в попечительские советы (при наличии таковых), выступать советниками администрации УВО, участвовать в создании новых учебных программ, в преподавании практико-ориентированных курсов для студентов. В данном случае само понимание УВО расширяется: это уже не традиционное учреждение образования, а бизнес-корпорация. Тем самым к миссиям, которые всегда связывались с высшим образованием (подготовка специалистов высшей квалификации и производство новых научных знаний), не только добавляется еще одна – предпринимательская, т. е. рыночная (материализация научных продуктов, их реализация на рынке и получение прибыли); зачастую прямо или косвенно предлагается подчинить этой новой, третьей, миссии первые две: сделать учреждения образования зависимыми (финансово, административно) от потребностей рынка и от степени сближения с бизнесом и рынком.

В рамках предпринимательского университета напрямую делается акцент на коммерческую экономическую сферу деятельности, образовательные услуги превращаются в бизнес (причем эти услуги оказываются и для национальных потребителей, и для иностранных студентов, желающих обучаться в таком университете), наконец, развиваются формы связи между научными практико-ориентированными разработками и их внедрением в производство.

Несмотря на внешнюю привлекательность, модель предпринимательского университета не универсальна, и ее реализация далеко не всегда возможна ввиду множества разных причин (прежде всего – специфики вуза). Практический опыт ряда зарубежных стран, которые десятилетия тому назад включились в процесс создания предпринимательских университетов, давно показал, что эта

модель пригодна для тех УВО, которые уже имеют технико-прикладную ориентацию в качестве своей образовательной и научной специализации и направленности. В частности, Б. Кларк, изучивший деятельность пяти предпринимательских университетов в разных странах еще в XX в., сделал вывод об их определенной ограниченности наличными условиями и предпосылками развития, существующими в том или другом университете [7]. Но даже в случае успешного внедрения в практику модели предпринимательского университета, или «университета 3.0», она не гарантирует данному УВО ни достижения коммерческого успеха, ни роста его национальной и международной конкурентоспособности.

Тем не менее внедрение этой модели (пока в качестве пилотного проекта) активно продвигается в Беларуси, причем не только в технических УВО, но и в классических университетах, несмотря на то, что даже некоторые белорусские эксперты, изучавшие опыт развития предпринимательских университетов за рубежом, выражают большие сомнения в целесообразности данной инновации. Так, Родион Морозов, старший научный сотрудник Белорусского экономического исследовательско-образовательного центра *BEROC*, защитивший диссертацию о предпринимательских университетах в Испании, в целом положительно оценивает их появление в мире. Однако в отношении нашей страны эксперт, который провел уже несколько исследований на эту тему в Беларуси, утверждает, что знания о таком университете даже у участников пилотного проекта (включая администрацию) минимальны. Поэтому ученый не видит целесообразности задавать предпринимательский вектор развития для белорусских УВО. Он подчеркивает, что предпринимательские университеты всецело зависят от уровня развития в стране предпринимательской и инновационной сферы. Поскольку в Беларуси эти сферы еще не достигли высокого уровня развития, необходимого для успеха, внедрение модели предпринимательского университета преждевременно. Морозов также подчеркнул, что белорусским университетам потребуется намного более высокий человеческий капитал, т. е. студенты, способные поднять инновационный и модернизационный потенциал страны, однако таких студентов в Беларуси пока недостаточно. По мнению эксперта, развитие предпринимательских университетов приносит искомый эффект только «в развитых странах, которые достигли стадии роста за счет инноваций, где сформировались необходимые внешние условия и соответствующая предпринимательская среда» [8]. Несмотря на высказанные экспертные аргументы, внедрение проекта «университета 3.0» в Беларуси продолжается.

В отличие от Беларуси, в России коммерциализация системы высшего образования, ее переход

к рынку вызвали горячие споры в социологии образования и в сфере высшего образования в целом. Российские авторы разделились на два лагеря: первый признает необходимость перехода высшего образования к модели «университет 3.0», т. е. на привязку университетов к бизнесу и подчинение подготовки профессионалов его требованиям и запросам и даже на реальное подчинение «академического труда капиталу» [9, с. 27]. Другой лагерь отстаивает приоритет традиционных миссий университета по формированию нового поколения специалистов как обладателей знаний, умений и навыков, полученных в процессе обучения. Иными словами, отстаивается автономия сферы высшего образования. На прошедшей в России в 2018 г. международной социологической конференции представители второго лагеря подчеркивали ценность образования как социального института, функционирующего за пределами сферы рынка. По их мнению, университет остается социальным институтом с образовательной, а не рыночной базовой направленностью, т. е. не становится «образовательным супермаркетом», где клиенты-потребители выбирают продукты, которые они сами или рынок считают необходимыми. Следуя данному подходу, Ж. Т. Тощенко даже назвал концепт «университета 3.0» «манипуляцией и имитацией высшего образования», а переход к модели предпринимательского университета в российских реалиях – «сомнительным» и «просто гибельным» для провинциальных вузов [10, с. 150]. Эти споры в российской науке связаны и с противопоставлением прежней образовательной парадигмы обучения студентов знаниям, навыкам и умениям новой, так называемой компетентностной, парадигме, которая также вызывает неприятие у большинства членов российского образовательного сообщества [11; 12].

Нельзя сказать, что коммерциализация высшего образования безоговорочно принимается и профессорским корпусом в белорусском образовательном сообществе. Некоторые его представители весьма критично оценивают проводимую в Беларуси модернизацию высшего образования, слепо нацеленную, по их мнению, на реализацию зарубежных образцов без опоры на лучшие отечественные традиции. Так, Ч. С. Кирвель с горечью отмечает, что в Беларуси произошел «отход от господствующей ранее стратегической цели образования, от идеала формирования разносторонне развитой и гармоничной личности, что лишило педагогическое сообщество образа будущего как стратегической сверхзадачи». Данный факт, по мнению указанного автора, в немалой степени поспособствовал «превращению образования в сферу услуг, а школьных учителей и профессоров УВО – в «педагогических официантов», оказывающих данные «услуги»» [13, с. 93].

Отметим еще одну проблему, которая возникает при коммерциализации сферы высшего образования и широком внедрении модели предпринимательского университета. Она связана с невозможностью подготовки в рамках клиентоориентированных предпринимательских УВО молодых педагогических и научных кадров, необходимых для замещения постепенно уходящих старших поколений научных и педагогических работников. Коммерческие УВО и даже государственные ориентированные на прибыль институты высшего образования принципиально не заинтересованы в организации такой подготовки, поскольку она не приносит прибыли. Напротив, подготовка научных кадров требует немалых финансовых затрат и привлечения высококвалифицированных работников к организации этого процесса на конкурентоспособном уровне. Подготовка и молодых педагогических работников, и ученых-исследователей – очень трудоемкий вид деятельности, а его конечный результат может потенциально принести дивиденды не данному УВО, которое занималось подготовкой кадров, а тем учебным и научным заведениям, куда эти кадры придут после получения искомого образования (ученой степени). Если система высшего образования потеряет возможность подготовки таких кадров, со временем проявится дефицит научных работников не только в ней, но и во всей сфере производства научных знаний, что не может позитивно сказаться на конкурентоспособности и экономике страны. Поэтому сфера высшего образования должна сохранять свою специфику и осуществлять все свои миссии – как классические, так и новые – не в ущерб друг другу и не превращаясь в продавца коммерческих образовательных услуг. В этом прежде всего стратегически заинтересовано государство – основной заказчик молодых научных и педагогических кадров.

Поэтому нет смысла смешивать два разных типа формальных организаций, к которым относятся, с одной стороны, УВО, а с другой – институты рынка, т. е. учреждения и бизнес-организации по классификации, предложенной А. И. Пригожиным [14]. Эти два типа формальных организаций обладают принципиально разными базовыми ориентациями и призваны выполнять в единой социальной системе разные функции. Бизнес-организации, принадлежащие главным образом сфере материального производства и торговли, ориентированы на получение прибыли и удовлетворение потребностей своих клиентов, за счет которых они расширяют рынок продаж. В отличие от бизнес-организаций, учреждения обычно входят в более крупные социальные системы и ориентируются на более широкие цели, которые поставлены перед ними этими системами. Высшие учебные заведения – это

учреждения, встроенные в культурно-образовательную (шире – духовную) сферу общественного производства, поэтому их функции определяются исходя из многообразных задач традиционно приписываемой им деятельности. Академическая культура, доминирующая в образовательных учреждениях, несовместима по своей сути с корпоративной культурой, типичной для рыночной сферы, так как этос образовательных сообществ и их учреждений – научный, нацеленный на поиск истины и производство новых научных знаний. Эти учреждения следуют классическим академическим ценностям. Институт высшего образования, построенный по модели предпринимательского университета, представляет совершенно иной тип деятельности, но даже в его рамках лишь отдельные сегменты могут стать рыночными бизнес-организациями (автономными или подчиненными данному УВО в целом), если институт продолжает свою образовательную миссию. Смешение этих двух типов организаций неэффективно. Корпоративная предпринимательская культура, допустимая и даже желаемая в бизнес-организации, неприемлема для классического университета [15].

Общепризнанными миссиями университета остаются образование и осуществление научной деятельности. При этом миссия образования включает в себя не только и не столько подготовку специалистов для определенной сферы деятельности (носителя «узкой профессии»), но и всестороннее образование, подготовку культурно развитой личности гражданина. Именно по этой причине классический университет всегда давал студентам широкие фундаментальные научные знания по многим базовым дисциплинам (включая социально-гуманитарные), опираясь на которые выпускник мог найти приложение своим силам в разных профессиях. Кроме того, такой университет осуществлял функции социализации личности и ее воспитания, понимаемого в широком смысле слова, предложенного столетие назад Дж. Дьюи [16] и до настоящего времени сохраняющего свою научную и практическую значимость. Поэтому ориентиры развития учреждений образования должны определяться в первую очередь спецификой всех видов выполняемых ими функций (миссий) и актуальными многосторонними задачами, связанными с конкретным этапом развития общества. Они не могут быть центрированы на налаживании связей с бизнесом и производством, хотя последнее очень важно, особенно в условиях развития инновационной экономики. Учреждения высшего образования выпускают разнообразных специалистов, включая тех, которые заняты в социальной сфере, не направленной на получение прибыли. Более того, эти учреждения призваны готовить специалистов для науки, а научная деятельность по своей при-

роде также не нацелена на прибыль, так как определяется иными приоритетами (хотя ее отдельные результаты могут коммерциализироваться). Лишь классические университеты в состоянии выполнить эту важную государственную задачу. Они не могут заниматься только подготовкой специали-

стов по высоким технологиям и потребителей рынка технологий. Если такое в будущем произойдет, сфера высшего образования потеряет свою сущностную специфику и превратится в отрасль рынка. Будем надеяться, что этот сценарий останется утопическим.

Библиографические ссылки

1. Концептуальные подходы к развитию системы образования Республики Беларусь до 2020 года и на перспективу до 2030 года: приказ Министра образования Республики Беларусь от 29 ноября 2017 г. № 742 [Интернет; процитировано 12 февраля 2018 г.]. Доступно по: <http://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-professionalnogo-obrazovaniya/prof-obr/respublikanskiy-sovet-direktorov-uchrezhdeniy-professionalno-tekhnicheskogo-i-srednego-spetsialnogo-/4%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%B-D%D1%8B%D0%B5%20%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B%202020-2030.doc>.
2. К 2030 году Беларусь перейдет на шестой, самый высокий, технологический уклад. Интервью с председателем Президиума НАН Беларуси В. Гусаковым. В: *СБ. Беларусь сегодня* [Интернет]. 30 сентября 2014 г. [процитировано 25 июня 2019 г.]. Доступно по: <https://www.sb.by/articles/v-xxi-veke-veke-biotekhnologii-vazhno-ne-otstat-ot-liderov.html>.
3. Титаренко ЛГ, Заславская МИ, Аветисян ПС, Галикян ГЭ, Клименко ВА, Лебедева ЕВ и др. *Модернизация систем высшего образования Беларуси и Армении в контексте процессов евразийской и европейской интеграции: проблемы и перспективы*. Титаренко ЛГ, Заславская МИ, редакторы. Минск: БГУ; 2019. 175 с.
4. Попова ЕП, Климова АВ. Российские вузы: организационная специфика и выбор ориентиров развития. *Социологические исследования*. 2018;12:63–72. DOI: 10.31857/S013216250003170-0.
5. В Беларуси созданы все условия для реализации модели «Университет 3.0» [Интернет]. 25 января 2018 г. [процитировано 20 апреля 2019 г.]. Доступно по: <http://www.belta.by/society/view/v-belarusi-sozdany-vse-usloviya-dlja-realizatsii-modeli-universitet-30-karpenko-286240-2018/>.
6. Пашкевич ВМ. Реализация модели «Университет 3.0» в ГУ ВПО «Белорусско-Российский университет». *Высшая школа*. 2018;6:21–23.
7. Кларк БР. *Создание предпринимательских университетов: организационные направления трансформации*. Смирнов А, переводчик. Москва: Издательский дом Государственного университета – Высшей школы экономики; 2011. 240 с.
8. Колесниченко Н. Зачем Беларуси Университет 3.0 [Интернет]. 8 января 2019 г. [процитировано 15 марта 2019 г.]. Доступно по: <https://zautra.by/news/news-29965>.
9. Чепуренко АЮ. Маркс в университете 3.0? *Социологические исследования*. 2018;5:26–34. DOI: 10.7868/S0132162518050033.
10. Андрианова ЕВ, Давыденко ВА, Ромашкина ГФ. О последствиях реформ в сфере образования (по итогам конференции «Образование: молодежь, конкурентоспособность»). *Социологические исследования*. 2019;1:150–152. DOI: 10.31857/S013216250003757-5.
11. Кузеванова АЛ, Вагабова АИ. «Макдональдизация» высшей школы в современных российских условиях: социологический дискурс. *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2018;11:18–22. DOI: 10.20339/AM.11-18.018.
12. Ерошенко ВА. Социальный процесс «макдональдизации» на примере трансформации математического образования. *Alma mater (Вестник высшей школы)*. 2019;1:15–19. DOI: 10.20339/AM.01-19.015.
13. Кирвель ЧС. Современное образование «в тисках» либерально-рыночного экстремизма. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:88–96.
14. Пригожин АИ. *Методы развития организаций*. Москва: МЦФЭР; 2003. 863 с.
15. Titarenko L, Zaslavskaya M, Avetisyan P. Academic and corporate cultures in modern university (a case study of Armenia and Belarus). *Wisdom*. 2019;12(1):49–61.
16. Дьюи Дж. *Демократия и образование*. Турчанинова ЮИ, Гусинский ЭН, Михайлов НН, переводчики. Москва: Педагогика-Пресс; 2000. 384 с.

References

1. Conceptual approaches to the development of the education system of the Republic of Belarus until 2020 and for the future until 2030: order of the Minister of Education of the Republic of Belarus from 29 November 2017. No. 742 [Internet; cited 2018 February 12]. Available from: <http://edu.gov.by/sistema-obrazovaniya/glavnoe-upravlenie-professionalnogo-obrazovaniya/prof-obr/respublikanskiy-sovet-direktorov-uchrezhdeniy-professionalno-tekhnicheskogo-i-srednego-spetsialnogo-/4%20%D0%9A%D0%BE%D0%BD%D1%86%D0%B5%D0%BF%D1%82%D1%83%D0%B0%D0%BB%D1%8C%D0%BD%D1%8B%D0%B5%20%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D1%85%D0%BE%D0%B4%D1%8B%202020-2030.doc>. Russian.
2. [By 2030, Belarus will move to the sixth, highest technological order. Interview with Chairman of the Presidium of the National Academy of Sciences of Belarus V. Gusakov]. In: *SB. Belarus' segodnya* [SB. Belarus today] [Internet]. 2014 September 30 [cited 2019 June 25]. Available from: <https://www.sb.by/articles/v-xxi-veke-veke-biotekhnologii-vazhno-ne-otstat-ot-liderov.html>. Russian.
3. Titarenko LG, Zaslavskaya MI, Avetisyan PS, Galikyan GE, Klimenko VA, Lebedeva EV, et al. *Modernizatsiya sistem vysshego obrazovaniya Belarusi i Armenii v kontekste protsessov evraziiskoi i evropeiskoi integratsii: problemy i perspektivy* [Modernization of higher education systems of Belarus and Armenia in the context of the processes of Eurasian and European

integration: problems and prospects]. Titarenko LG, Zaslavskaya MI, editors. Minsk: Belarusian State University; 2019. 175 p. Russian.

4. Popova EP, Klimova AV. Russian universities: organizational specifics and development benchmarks choice. *Sociological studies*. 2018;12:63–72. DOI: 10.31857/S013216250003170-0. Russian.

5. [Belarus has all the conditions for the implementation of the University 3.0 model] [Internet]. 2018 January 25 [cited 2019 April 20]. Available from: <http://www.belta.by/society/view/v-belarusi-sozdany-vse-usloviya-dlja-realizatsii-modeli-universitet-30-karpenko-286240-2018/>. Russian.

6. Pashkevich VM. [Implementation of the model of «University 3.0» GU VPO «Belarusian-Russian University»]. *Vyshhej-shaja shkola*. 2018;6:21–23. Russian.

7. Clark BR. *Creating Entrepreneurial Universities: Organizational Pathways of Transformation*. Oxford: Pergamon Press; 1998. 163 p.

Russian edition: Clark BR. *Sozdanie predprinimatel'skikh universitetov: organizatsionnye napravleniya transformatsii*. Smirnov A, translator. Moscow: Publishing House of State University – Higher School of Economics; 2011. 240 p.

8. Kolesnichenko N. [Why Belarus needs University 3.0] [Internet]. 2019 January 8 [cited 2019 March 15]. Available from: <https://zautra.by/news/news-29965>. Russian.

9. Chepurenskiy AY. Marx at the University 3.0? *Sociological studies*. 2018;5:26–34. DOI: 10.7868/S0132162518050033. Russian.

10. Andrianova EV, Davydenko VA, Romashkina GF. On the consequences of reforms in education (results of the Conference «Education: Youth, Competitiveness»). *Sociological studies*. 2019;1:150–152. DOI: 10.31857/S013216250003757-5. Russian.

11. Kuzevanova AL, Vagabova AI. «Macdonaldization» of higher school under contemporary Russian conditions: sociological discourse. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2018;11:18–22. DOI: 10.20339/AM.11-18.018. Russian.

12. Erovenko VA. Social process of «McDonaldization» as example of transformation of mathematical education. *Alma mater (Vestnik vysshei shkoly)*. 2019;1:15–19. DOI: 10.20339/AM.01-19.015. Russian.

13. Kirvel ChS. Modern education «in the clutches» of liberal market extremism. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:88–96. Russian.

14. Prigozhin AI. *Metody razvitiya organizatsii* [Methods aimed at organizational development]. Moscow: MTSFER; 2003. 863 p. Russian.

15. Titarenko L, Zaslavskaya M, Avetisyan P. Academic and corporate cultures in modern university (a case study of Armenia and Belarus). *Wisdom*. 2019;12(1):49–61.

16. Dewey J. *Demokratiya i obrazovanie* [Democracy and education]. Turchaninova YuI, Gusinskii EN, Mikhailov NN, translators. Moscow: Pedagogica-Press; 2000. 384 p. Russian.

Статья поступила в редколлегию 24.07.2019.
Received by editorial board 24.07.2019.

Р. С. Указом Президента Республики Беларусь от 24 июля 2019 г. № 275 за многолетнюю плодотворную работу, образцовое исполнение служебных обязанностей, развитие научной и педагогической деятельности, системы образования медалью Франциска Скорины награждена доктор социологических наук, профессор Лариса Григорьевна Титаренко.

Лариса Григорьевна родилась в Минске. В 1975 г. окончила отделение философии исторического факультета БГУ, в 1978 г. – аспирантуру. В этом же году защитила кандидатскую диссертацию по философии, а в 1992 г. – докторскую по социологии. В настоящее время – профессор кафедры социологии факультета философии и социальных наук БГУ, где работает со дня ее основания. Является академиком Нью-Йоркской академии наук (1997), почетным членом Международного общества образования (2007) и Института по продвинутому социальным исследованиям Королевской академии наук и искусств Нидерландов (1996). Специалист в области истории, теории и методологии социологических исследований. Автор более 700 работ на восьми языках, в том числе 10 учебных пособий и 15 монографий. Лауреат премии имени В. И. Пичеты БГУ (2009), Заслуженный работник БГУ (2013).

Дорогая Лариса Григорьевна, поздравляем Вас с высокой государственной наградой! Здоровья Вам и новых творческих свершений!

Редколлегия

ИНТЕРВЬЮ

INTERVIEW

УДК 001.89

«НАШ ОПЫТ И СТАЛ НАШИМ УНИВЕРСИТЕТОМ, ИМ И ПРИРАСТАЛА СОЦИОЛОГИЯ...»

Д. Г. РОТМАН¹⁾, А. Н. ДАНИЛОВ¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Интервью посвящено предстоящему 75-летию юбилею известного белорусского социолога, директора Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета, доктора социологических наук, профессора Д. Г. Ротмана. Он размышляет о своем жизненном пути, роли социологии в обществе, рассказывает об исследовательских проектах, своих учителях и коллегах, рассуждает о проблемах, с которыми сталкиваются социологи. Разговор затрагивает тему методологии и методов социологии: междисциплинарность, сравнимость, сочетание и комбинирование методов рассматриваются как основные требования к современным исследованиям. Дискутируется вопрос развития и перспективных направлений отечественной социологии, совершенствования образования социологов.

Ключевые слова: Д. Г. Ротман; история социологии; Центр социологических и политических исследований БГУ; Проблемная НИЛ социологических исследований; сектор прикладной социологии; Г. П. Давидюк; международные социологические проекты; электоральные исследования; кафедра социологии БГУ.

Благодарность. Выражаем признательность доценту кафедры социологии Т. В. Щелковой и магистранту А. В. Зайцевой за помощь в проведении интервью и подготовке материала.

Образец цитирования:

Ротман ДГ, Данилов АН. «Наш опыт и стал нашим университетом, им и прирастала социология...». *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:65–72.

For citation:

Rotman DG, Danilov AN. «Our experience has become our university and sociology was accreted by it...». *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3: 65–72. Russian.

Авторы:

Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований.

Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre of Sociological and Political Studies.

dgrotman@rambler.ru

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.

a.danilov@tut.by

«OUR EXPERIENCE HAS BECOME OUR UNIVERSITY AND SOCIOLOGY WAS ACCRETED BY IT...»

D. G. ROTMAN^a, A. N. DANILOV^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: A. N. Danilov (a.danilov@tut.by)

The interview is dedicated to the upcoming 75th anniversary of the famous Belarusian sociologist, director of the Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University, doctor of science (sociology), full professor David G. Rotman. He reflects on his life path, the role of sociology in society, research projects, his teachers and colleagues, and the problems which researchers face. The conversation touches on the topics: of methodology and methods of sociology; interdisciplinarity, comparability, conjunction and combination of methods are considered as basic requirements for contemporary research. The issues of the Belarusian sociology perspective directions and improving the sociological education is discussed.

Keywords: David G. Rotman; history of sociology; Centre of Sociological and Political Studies of the Belarusian State University; Problematic Laboratory of Sociological Research; sector of applied sociology; George P. Davidyuk; international sociological projects; electoral research; department of sociology of the Belarusian State University.

Acknowledgements. We are grateful to associate professor at the department of sociology T. V. Shchelkova and master's degree student A. V. Zaitseva for their assistance in conducting interview and preparing material.

Александр Данилов: *Уважаемый Давид Генрихович! Поводом для интервью в нашем журнале может стать интересный собеседник, лидер общественного мнения, важное событие, профессиональный интерес, оригинальная информация. Да, еще юбилей, что тоже не редкость. Вы, Давид Генрихович, подходите по всем статьям предложенного расклада. Но в данном случае наш разговор приурочен к Вашему 75-летию.*

Давид Генрихович, Вы известный в нашей стране и далеко за ее пределами специалист, ученый-социолог. Вы стабильны во всем: во взглядах и предпочтениях – реалист, прагматик, эволюционист, человек, верный в дружбе и всецело увлеченный любимым делом. Одно слово «социология» – и сразу всплывают фамилия Ротман и соответствующий авторитетный исследовательский центр. Фактически вся Ваша жизнь связана с Белорусским государственным университетом... и одним городом, нашей прекрасной столицей. На Ваших глазах менялась жизнь, люди и Минск, в котором так все знакомо, уютно и близко...

Давид Ротман: Да, Александр Николаевич, жизнь идет, довольно много лет уже прожито. Ну а БГУ – это та организация, где я из всех этих 75 лет провел 50. А что такое 50? Сначала пять лет (1967–1972) я был студентом, а затем два года работал по распределению в Центре по научной организации труда и управления Министерства легкой промышленности БССР социологом. В 1974 г. мой учитель Георгий Петрович Давидюк пригласил меня на работу в сектор прикладной социологии, который им был создан при кафедре марксистско-ленинской философии гуманитарных факультетов БГУ. И там состоялся уже реальный старт моей

профессиональной деятельности. С этого момента, с 4 октября 1974 г., и по настоящий день вот уже 45 лет работаю в разных статусах в Белорусском государственном университете. Сначала это был сектор прикладной социологии, потом – Проблемная НИЛ социологических исследований (ПНИЛСИ), после этого – кафедра социологии, созданная уже в период моей работы в университете, затем – Центр социологических и политических исследований (ЦСПИ). В сумме получается 50 лет. Так что это довольно много и солидно. У меня никогда не возникало желания куда-то переходить, чем-то другим заниматься, кроме социологии. Даже наоборот. И эта привязанность, естественно, и сейчас осталась. Я не могу себе представить, каким образом в какой-то момент придется расстаться с родным университетом, где мне практически все знакомы. Мы все друзья, коллеги, поддерживаем друг друга, интересуемся жизнью и т. д.

А. Д.: Ну а с чего начиналась Ваша работа в социологии?

Д. Р.: Когда я в 1967 г. поступил на первый курс после службы в армии, началось возрождение социологической науки в Советском Союзе. В том же году была создана Проблемная НИЛ социологических исследований БГУ. И нас, студентов отделения философии исторического факультета, стали привлекать к проведению исследований. Это было, конечно, не то, что сейчас мы называем социологией. Мы вначале просто ходили и бумажки раздавали, которые случайными людьми заполнялись, проводили какие-то беседы. Примерно так, с этого все и начиналось. Ну а потом, когда ПНИЛСИ стала мощной исследовательской организацией, где было пять или шесть отделов, которые охватывали

своим вниманием практически все сферы жизнедеятельности общества, все стало очень серьезно. Наш собственный, приобретаемый в процессе исследований опыт и стал нашим университетом, им и прирастала белорусская социология.

А вот сектор прикладной социологии был той научной организацией, которую Георгий Петрович Давидюк создал сам и которая работала на базе хозяйственных договоров, заключавшихся с белорусскими предприятиями. Я как сегодня помню первые наши исследовательские работы. Они начинались, естественно, с общения с руководством предприятий. В то время, по крайней мере так мне казалось, директора заводов и фабрик понимали, зачем нужны исследования в их коллективах. Сейчас, по-моему, этого уже нет. А вот тогда, например, директор Оршанского льнокомбината Александр Петрович Лахтин, когда мы вместе с Жанной Грищенко приехали на предприятие, сразу пригласил нас к себе в кабинет. Разговор состоялся обстоятельный: он поставил какие-то задачи, высказал просьбы, много-много задал вопросов. И мы начали исследование на этом большом предприятии. Естественно, это были опросы в рабочее время, анкетирование рабочих, инженеров, служащих.

Еще одно предприятие, где мне пришлось проводить исследования, – завод имени С. М. Кирова. Им руководил высочайшего уровня специалист Вячеслав Францевич Кебич. На этом предприятии мы опробовали много оригинальных задумок. Например, мы вторыми в истории советской социологии после Ленинграда провели несколько включенных наблюдений. Сотрудники сектора прикладной социологии Алла Соколова и Сергей Гребенников для выполнения исследовательской работы были зачислены в штат завода. Вячеслава Францевича интересовало, как рабочие и инженеры относятся к определенным нововведениям, которые он осуществлял. Это были его задумки, он привлекал людей к управлению предприятием, т. е. это уже были, так сказать, настоящие демократические заходы, притом что это было передовое предприятие в нашей стране, да и во всем Советском Союзе.

Тогда у меня появилась мысль (а я отвечал за это исследование), что необходимо попытаться осуществить сочетание и комбинирование методов. Чтобы включенное наблюдение стало реальным источником объективной социологической информации для последующего анализа, я предложил параллельно начать проведение опросов работников. Они нам отвечали на вопросы анкет, а затем в перерывах начинали обсуждать: «Какие-то там социологи нам какие-то вопросы задают, а я им сказал правду». А другой говорит: «А я сказал так, хотя на самом деле вот так». И это всё наши наблюдатели слышали, записывали, а затем мы делали какие-то

выводы, естественно не озвучивая ни фамилии людей, ничего, а приводя только сами мысли. Таким образом, сочетание вот этих двух методов, анкетный опрос плюс включенное наблюдение, позволяло получить более объективную информацию для принятия руководством предприятия правильных и эффективных управленческих решений.

А. Д.: *Вы как-то рассказывали, что однажды все пошло не так, как было определено «легендой».*

Д. Р.: Конечно, включенное наблюдение проводить было предельно сложно по той простой причине, что наши наблюдатели Гребенников и Соколова были с высшим образованием, а в коллективе представлены были по своим легендам как люди вообще без образования. Алла Соколова, например, работала учетчицей в цехе, и с ней в кабинете находились еще пять или шесть мастеров. Эти ребята либо еще учились в Политехническом институте, либо уже его окончили. И тут в одной ситуации мы, как сейчас модно говорить, прокололись. Почему? Алла окончила отделение политэкономии БГУ и работала в секторе, уже имея высшее экономическое образование. И тут мастера в цехе начинают рассуждать по поводу теории Карла Маркса. А наша Аллочка, которая по легенде никакого образования не имела, была женой офицера, который с ней развелся и т. д., она бедная и несчастная, и вдруг включается в их спор и говорит: «А вот, между прочим, в “Капитале” на такой-то странице написано так-то и так-то, а вы студенты, и не знаете». И тут до нее доходит, что она не может знать этого «Капитала», особенно называть точную страницу произведения Маркса и приводить цитату. А у нее просто была дипломная работа на эту тему, и поэтому она запомнила ту цитату. Это было неприятно, Алла в шоке, выскочила к телефону, звонит мне и говорит: «Слушай, Давид, что делать? Я сказала нечто лишнее, и они всё поняли». А мы находились тогда в главном корпусе на Бобруйской, 7, на 4-м этаже. Ну, в общем, мы быстренько приехали на предприятие, попросили организовать собрание цеха. Я говорю: «Уважаемые товарищи, простите. Есть такой метод – включенное наблюдение. Вот наша сотрудница. Она должна принимать участие в жизни, чувствовать ситуацию, среду, не просто так оценивать то, что происходит, вы меня поймите. Но, поскольку раскрылось использование этого метода, я вынужден ее отозвать». Они говорят: «Да нет, пусть остается, пусть работает, пусть слушает, мы стесняться не будем». Вот так закончилась эта история.

Так мы работали на предприятиях до тех пор, пока они не начали потихонечку беднеть. И, как следствие, стал разваливаться и наш сектор прикладной социологии, потому что уже не было возможности получать заказы. Деньги, так сказать, стали исчезать у предприятий, им было трудно все это делать. А когда сектор прикладной социологии

распался, меня пригласили на работу в ПНИЛСИ. Там трудились интересные и талантливые ребята: Володя Дунаев, Слава Кочергин, Толя Левко, Олег Манаев, Света Бурова и многие другие. Мы успешно проводили исследования. Но постепенно стала умирать и ПНИЛСИ по той простой причине, что все хуже и хуже становилось с государственным финансированием науки. С началом перестройки ПНИЛСИ как таковая перестала существовать, она была переименована в Центр социологических исследований, где и ее свели к нулю. Вскоре это научное подразделение прекратило свое существование.

А. Д.: *Давид Генрихович, Вы стояли у истоков создания первой негосударственной социологической службы...*

Д. Р.: Да, так получилось, что мне пришлось создать первую негосударственную компанию – социологическую службу «Общественное мнение». Она базировалась в здании Московского райисполкома, который с пониманием отнесся к необходимости создания социологической службы в г. Минске. Столичные власти интересовала ситуация в городе, проблемы и настроения населения. К счастью, в городском комитете партии работали люди, понимавшие важность социологических исследований. И это неудивительно, ведь вторым секретарем горкома партии в тот период был Вячеслав Францевич Кебич, а за идеологию и пропаганду отвечал мой однокурсник и друг Петр Кузьмич Кравченко. Много опять приходилось разрабатывать. Мы стали проводить опросы в кинотеатрах, театрах, клубах и т. д. И, в отличие от опросов в трудовых коллективах, они были свободные и совершенно анонимные. Это тоже очень интересно. Был ряд ситуаций, которые мы описывали, анализировали и передавали руководству городского комитета партии. Анализ результатов был связан с настроениями минчан, в той или иной мере позитивными или негативными, но факт, что это уже были немного другие подходы к организации и проведению социологических исследований.

А. Д.: *Все же Георгий Петрович Давидюк действительно сыграл в Вашей судьбе важную роль, особенно когда направил Вас на социологический семинар в г. Горький...*

Д. Р.: Это было еще во времена моей работы в ПНИЛСИ. Георгий Петрович Давидюк был назначен руководителем Проблемной НИЛ социологических исследований, а я уже там работал. И вот в один прекрасный день, а это было в конце 1986 г., где-то осенью, он меня приглашает в свой кабинет и говорит: «Слушай, Давид, тут Госкомитет СССР по народному образованию что-то такое решил социологическое создавать, они просят, чтобы кто-то от Беларуси был из ведущих социологов. Короче, нужно ехать в г. Горький». Я говорю: «Замечательно, да это же моя Родина, я родился рядом с Горьким,

в Богородске. Там всего каких-то 40 км, никогда там не был после рождения. Через два месяца Минск был освобожден, и мои родители вернулись домой в Минск из эвакуации, поэтому я с радостью». Он говорит: «Давай, я тебе доверяю». Я поехал в Горький на это мероприятие, где собрались представители примерно 30 вузов из разных точек Советского Союза. Это была организационная встреча, на которой была запущена деятельность Всесоюзной социологической программы Госкомитета СССР по народному образованию «Общественное мнение», которая была призвана регулярно изучать проблемы молодежи.

И вот первая встреча с министром Геннадием Алексеевичем Ягодиным и с его первым заместителем Феликсом Ивановичем Перегудовым. Феликс Иванович привлек к работе своего земляка из Томска Анатолия Александровича Овсянникова, который стал главным социологом Госкомитета СССР по народному образованию и руководителем созданной программы. Сразу скажу, что, конечно, созданный в то время Всесоюзный центр изучения общественного мнения (ВЦИОМ) был солидной и сильной социологической организацией. Но у него не было таких технических возможностей, которые были у Государственного комитета СССР по народному образованию. Ведь последнему подчинялись все вузы Советского Союза, где работали все преподаватели общественных дисциплин, научного коммунизма, политэкономии и т. д. И это была громадная сила, мы могли в течение нескольких недель проводить исследования по всей территории Советского Союза. Правда, сначала это были только проблемы молодежи.

Поймите меня правильно, без всякого хвастовства скажу, что все мои новые коллеги оценили мои методологические идеи и начинания. Поэтому к предложениям белорусских социологов стали прислушиваться. Мы сразу же договорились, что исследования будем проводить в режиме мониторинга. А сам мониторинг должен осуществляться на всей территории Советского Союза. Исследования должны проводиться весной и осенью по пять или шесть опросов одновременно на разные темы. В состав группы, которая представляла в программе «Общественное мнение» наш университет, вошли сотрудники ПНИЛСИ БГУ Лида Новикова, Надя Голубкова, Ира Андреева, Света Бурова, Николай Местовский и др. Нам приходилось ездить в разные города Советского Союза. Эти времена вспоминаются как лучшие годы жизни. Кроме большой исследовательской работы, которую мы осуществляли, приходилось еще много путешествовать, знакомиться с интересными людьми, общаться. Ну, в общем, нам пришлось объездить практически пол Советского Союза. И была проделана огромная работа, которая, безусловно, способствовала развитию нашей социологической науки.

А. Д.: *А как начиналась работа после распада Союза?*

Д. Р.: Естественно, когда Союз распался, совместной программы «Общественное мнение» быть уже не могло. И мы стали сами проводить исследования. Стали изучать проблемы молодежи нашей страны, в том числе и такие ранее не изучавшиеся темы, как наркомания, алкогольная зависимость, проституция. Например, по просьбе Минского управления внутренних дел в лице первого зама Бориса Тарлецкого мы в сопровождении одного-двух сотрудников в штатском ходили по притонам наркоманов, местам, где «тусовались» девушки так называемого легкого поведения и т. д. В своей работе мы объединились с известными специалистами в области отклоняющегося поведения молодежи Анзором Александровичем Габияни из Грузии и Владимиром Тимофеевичем Лисовским из России. Собрались в Минске, провели конференцию, обменялись опытом этих исследований. Оказалось, что мы немножко даже впереди своих коллег, потому что наша милиция не побоялась этих исследований, а в России было чуть по-другому, и в Грузии все было больше закрыто. Хотя Габияни и Лисовский открыто проводили свои исследования по столь щекотливой теме. Короче говоря, все это было очень интересно, это был неоценимый опыт. Исследования выполнялись уже нашей негосударственной исследовательской службой «Общественное мнение».

В 1996 г. возникла идея вновь создать социологическую структуру в Белорусском государственном университете. Громадный вклад в ее создание внесли ректор и первый проректор нашего университета – Александр Вячеславович Козулин и Петр Иванович Бригадин. Я пришел к ним, предложил, рассказал, что, как, почему. Мгновенно были выделены необходимые средства, очень приличные по тем временам, определились с помещением, штатами. Дальше нам сказали: «Вы должны зарабатывать сами». Петр Иванович Бригадин курировал нас и постоянно участвовал в наших исследовательских делах.

Поскольку мне довелось быть одним из руководителей программы Государственного комитета СССР по народному образованию «Общественное мнение», то все связи и возможности проведения исследований на постсоветском пространстве сохранились. И как только распался Советский Союз, научные социологические структуры разных стран, в том числе и вузовские, стали проявлять большой интерес к белорусской социологии. К кому им было обращаться? Кто еще мог им помочь выйти на все вузовские социологические структуры Советского Союза? Они сразу же определили почему-то, что это я. Вот ко мне обратились, и нас стали приглашать в крупнейшие международные проекты, такие проекты, которые выполнялись, например, по заказу Национального банка Австрии («Новый де-

мократический барометр»). Первый подобный замер в 1992 г. мы провели по всей территории постсоветского СНГ. Мы были координаторами, потом аналитиками, это был старт, начало участия в международных проектах, но еще это была и хорошая реклама для университетской социологии.

А. Д.: *После этого Вас стали приглашать в проекты различные европейские социологические программы...*

Д. Р.: Да, так все и было. Мы участвовали в девяти проектах ИНТАС. Это были и интереснейшие исследования, и, естественно, финансирование. Они были связаны с условиями и образом жизни населения, здоровьем людей, межнациональными отношениями в странах СНГ, политическими ситуациями, отношениями между государствами и т. д. Затем как-то сам по себе образовался крупный международный консорциум, где я стал одним из лидеров. Его возглавил мой австрийский друг и коллега, известнейший ученый, ныне президент Всемирной ассоциации по изучению ценностей Кристиан Херпфер. И мы уже вместе стали осуществлять этот мониторинг. Мы проводили и проводим исследования в рамках проекта «Европейские ценности». Они продолжаются до сих пор, последняя волна была в 2018 г. Очень интересно проследить изменение или неизменность базовых ценностей.

Кроме того, сегодня ЦСПИ, естественно, имеет большое число заказов, новых проектов. Мы проводили или проводим с 1990 г. целый ряд исследований по заказам Всемирного банка и Международной финансовой корпорации. Постоянно участвуем в исследованиях, которые осуществляются в рамках Всемирной ассоциации по изучению электоральных систем. Каждый раз после национальных выборов, через два-три месяца, проводится поствыборный опрос. Я уже сказал об исследованиях европейских ценностей. Я также вхожу в методологический комитет исследований мировых ценностей. Мы выполняли исследования 5-й и 7-й рамочных программ Европейской комиссии.

В прошлом году мы проводили исследование «Гендер и семья». Опрос был непростой: 10 тыс. респондентов, короткий промежуток времени, продолжительность интервью – 2 часа. В общем-то мы проводили его первыми среди других стран в этой волне. На нас как бы эксперимент ставили. Но, с другой стороны, мы помогали голландцам, которые руководили этим исследованием, разрабатывать инструментарий и т. д. Сейчас книжку выпустили, ставшую учебником для других стран, которые вслед за нами осуществляют исследования.

Недавно у нас было исследование, которое проводил Кембриджский университет на тему «Приватизация и смерть»; 16 тыс. человек мы должны были опрашивать в 20 маленьких городах, которые они сами отбирали. Справились лучше других. Это, естественно, работает на авторитет центра, уни-

верситета и нашей родной Беларуси. Могу перечислять и дальше, но, думаю, достаточно...

А. Д.: А как же электоральные исследования?..

Д. Р.: Электоральные исследования – это одно из важнейших направлений моей деятельности. В 1989 г. состоялись выборы народных депутатов СССР. Мы проводили исследования в ходе этой избирательной кампании. Мы ряд кандидатов в депутаты сопровождали. Это были первые электоральные исследования в нашей стране, которые проводились по нашим технологиям. Позже несколько иностранных фирм использовали разработанные нами методологии расчета важных показателей, например комплексные рейтинги и т. д. Правда, спасибо не сказали. Но сначала спросили разрешение. Продолжили исследования на выборах в Верховный Совет БССР в 1990 г. Выборы проходили очень интересно: была настоящая борьба, противостояние различных политических сил.

Но самые главные, конечно, первые президентские выборы в 1994 г. Я хочу сказать, что абсолютно объективно действующий сегодня президент тогда их выиграл. Еще за год до того, как состоялись эти выборы, в 1993 г., одна профсоюзная газета, наша ведущая, я забыл, как она называется, брала у меня интервью. У меня сохранилась эта газета. А ситуация была такой, что люди негативно оценивали все: партии, правительство, различные ситуации, парламент – все плохие. И я тогда в этом интервью сказал: «Вы понимаете, что может появиться совершенно новый человек, за которого проголосуют. Это будет протестное голосование. Все зависит от того, сколько людей неопределившихся. И чем больше процент этих людей, тем сложнее ситуация для тех, кто уже поработал в различных органах власти». Мы потом эту технологию использовали на всех выборах.

Как я уже говорил, мы проводили исследования абсолютно на всех избирательных кампаниях. Это была интересная работа. Мы участвовали в экзит-полах на выборах Президента Республики Беларусь в 2010 и 2015 гг. Получили громадный опыт, это было предельно интересно. Результаты разнились всего на несколько процентов, порядок же с первого до последнего места был предсказан точно. Нам удалось разработать свою систему осуществления электоральных исследований. Я писал об этом в журнале «Социс», и книга «Электоральные социологические исследования» у нас вышла.

Сейчас мы начинаем серию исследований к парламентским выборам. Первый замер прошел в начале сентября. Мне очень интересно, какую картину мы получим.

А. Д.: Давид Генрихович, когда Вы начинали учиться в университете, термин «социология» вряд ли широко использовался. Хотя Ваши коллеги всегда отдавали приоритет Вашей методологической подготовке, значит, белорусская социологическая школа

всегда была на высоте. Социологию как профессию чаще выбирали люди социально зрелые, у которых за плечами был какой-то фундамент, стаж работы. Практика стала главной учебной площадкой, где Вы вместе со своими учителями осваивали азы новой для себя науки...

Д. Р.: Да, хороший вопрос. Я поступил в Белорусский государственный университет в 1967 г. Отделение философии существовало уже второй год. Георгий Петрович Давидюк уже второй год читал курс социологии. В этом же году была создана ПНИЛСИ. Все было непросто, и не сверху оно свалилось. Много было наработано опытом и пытливым умом первопроходцев. Вы знаете, получилось как-то так, что по жизни я не люблю, только меня извините, когда просто болтают. Вот все говорят: «Я поехал на конференцию, я там выступил, мы организовали». Ну и что в результате? Я считаю, что главное для социолога – это конкретные исследования, а не ерунда всякая, с разговорами связанная: поехали, поговорили, развлеклись. Я поэтому все это не люблю, стараюсь на конференции не ездить, но дело не в этом. Я же привык к конкретным действиям. К этому меня приучила срочная служба – три года в учебной танковой дивизии в Печах. Сначала курсант, потом младший сержант, сержант, старший сержант. Тут все понятно. Позже меня неоднократно призывали на различные учения. Привык во всем справляться на отлично, дело надо делать. Кроме того, перед призывом в армию я работал на обувной фабрике имени Калинина, где тоже было не до болтовни. Сначала учился, а потом стал механиком-ремонтником. Нужно было четко выполнять свои обязанности. Вот это определенным образом сформировало мой характер, и я привык к конкретной работе.

Как только я начал заниматься крупными социологическими исследованиями, мне пришла в голову такая идея: разработать технологию оперативных исследований. Дело в том, что для принятия важных решений органам управления требуется не только объективная и точная информация, но и оперативное описание ситуации. Эта идея была принята в программе «Общественное мнение» Госкомобразования СССР. Мне тогда мои коллеги сразу сказали: «Пиши монографию». Так появилась моя монография «Оперативные социологические исследования в комсомольской работе». Рецензировал книгу выдающийся советский и российский социолог Владимир Александрович Ядов. Сам мне позвонил и сказал: «Все великолепно, ты должен защищать диссертацию». И все. Я сразу согласился. А тогда было правило, что можно защищаться по докладу, т. е. нужна единоличная монография, которая используется в вузах и научных структурах по всему Союзу. Естественно, книга разошлась. В 1991 г. я сделал доклад на заседании диссертационного совета в БГУ, и в 1992 г. ВАК СССР

мне присвоила степень доктора социологических наук.

А. Д.: *Первому в университете...*

Д. Р.: В университете да, но передо мной была еще одна защита в совете Института социологии НАН Беларуси. Но дело не в этом. Болтовней, пустыми разговорами не нужно заниматься. Работать нужно.

А. Д.: *На этом и стоит авторитет белорусской социологической школы...*

Д. Р.: Да, авторитет белорусской школы. Нас признали благодаря союзной программе как лидеров на постсоветском пространстве. Вернее, сначала в Советском Союзе, а потом уже на постсоветском пространстве. Это могут подтвердить все коллеги, которые сейчас со мной работают в СНГ и Европе. Потому что во всех крупных международных проектах каждый раз нам поручали руководство сбором информации по всей территории Советского Союза. И мы руководили этими исследованиями. Сперва обрабатывали информацию, потом уже вместе с коллегами европейскими писали, потому что, в общем-то, я всегда им объяснял: «Понимаете, ребята, нам виднее, что у нас тут происходит, можете что угодно придумывать, а мы здесь живем». Действительно, авторитет белорусской социологии высок. Но, к моему большому огорчению, других социологических структур на территории нашей страны, которые активно участвовали бы в крупных международных проектах, нет. Мы сами хотим конкуренции, а ее, к сожалению, пока что не получается.

А. Д.: *Давид Генрихович, на протяжении последних 50 лет много чего изменилось в жизни. Происходили революции, кризисы, распался Союз. А как менялась социология?*

Д. Р.: У нас была очень оригинальная ситуация, которая сказалась на формировании моих профессиональных установок. Изначально мы узнавали о социологии из лекций Георгия Петровича Давидюка. А он, я не знаю, откуда что брал. Он мог общаться с В. А. Ядовым, А. Г. Здравомысловым, наверняка, что-то читал. Он автор первых учебников по прикладной социологии. Это был старт. Но, чтобы достичь хорошего уровня, этого было недостаточно. Мы учились на практике и все делали своими руками. Сами придумывали, сами исполняли, учились сами у себя. Так сформировалось стремление все обсуждать, спорить, доказывать, умение что-то придумывать, не пользоваться тем, что уже есть, не искать, у кого что-то написано, не только ездить на какие-то конференции и слушать, а самим анализировать, мыслить, экспериментировать.

Сейчас я завершаю работу над книгой, в которой пытаюсь определиться с современными методами социологического исследования и в которой речь идет о двух вещах. Первое – главным методологи-

ческим требованием современного социологического исследования является сравнение данных. Определяем, что было и что есть, и отсюда делаем прогноз, что будет. А второй принцип – сочетание и комбинирование методов. При этом подходе каждый используемый метод позволяет получать информацию, которая подтверждается другими применяемыми методами.

У меня сегодня вызывает определенное несогласие позиция тех социологов, которые утверждают, что они используют для сбора информации самые современные методы. И этими методами они называют онлайн-интернет-опросы, телефонные опросы и т. п. Я сразу спрашиваю: а каким образом при использовании методов телефонных и интернет-опросов можно осуществлять контроль качества сбора информации? Человек видит вопрос, на него отвечает. Но у меня уже есть много примеров, когда один и тот же человек 30–40 раз отвечает на одни и те же вопросы. И то же самое с телефоном. Человек берет телефонную трубку. У меня квотная выборка, говорю: «Здравствуйте, мне нужно поговорить с мужчиной, который не имеет высшего образования и которому 50–60 лет». В ответ: «Да-да, это я». Потом выясняется, что со мной разговаривал 28-летний кандидат социологических или политических наук, который мне лапшу на уши вешал. Как я могу это проверить? Это что, современные методы? Разве они гарантируют объективность собранных для анализа данных? Мы изучаем общественное мнение, чтобы заинтересованные структуры получили объективную информацию, могли принять правильное решение. Мы получаем результат, чтобы предупредить какие-то серьезные катастрофические ситуации. Здесь работает медицинский принцип «не навреди». Он касается и социологии тоже. Если в медицине есть клятва Гиппократова и вот эта фраза «не навреди», у нас здесь то же самое. Мы не можем навредить. Социология не есть инструмент борьбы. Мы должны давать правду, чтобы не страдали рядовые люди. И вот это – главное требование к социологии. И это заставляет искать новые подходы. Чем большее количество оригинальных подходов мы будем использовать, тем точнее у нас будет информация.

А. Д.: *Давид Генрихович, хотелось бы вспомнить еще один важный сюжет, связанный с Вашим участием в принятии решений об открытии социологических факультетов и кафедр в высших учебных заведениях Советского Союза.*

Д. Р.: Я уже как-то рассказывал об этом. Скажу просто, как это было. Сначала на высшем партийном уровне было принято решение. Потом в Госкомитете СССР по народному образованию, естественно, обсуждался вопрос: а где открывать? Это было в 1989 г. На одном из совещаний, в котором принимали участие члены бюро программы

«Общественное мнение», представлявшие университеты союзных республик, решали, где будут созданы социологические факультеты. Когда руководитель Госкомобразования СССР обратился ко мне с вопросом о том, нужно ли открывать факультет социологии в БГУ, я допустил огромную ошибку, о которой жалею и переживаю до сих пор. Я сказал, что достаточно будет отделения социологии.

А. Д.: *В этом году уже 30 лет нашему отделению и кафедре социологии, которой и Вам пришлось руководить...*

Д. Р.: В том-то и дело, что это должен был быть факультет. Почему? Потому что я вам так скажу: если мы сейчас сопоставим нашу кафедру с кафедрами ведущих университетов – Петербургского, Московского, Киевского, Харьковского, то мы увидим, что у нас не меньше докторов наук и опыта проведения социологических исследований самого высокого уровня. И поэтому у нас бы хватило возможностей, чтобы был социологический факультет.

А. Д.: *Да, на нем могло бы работать пять-шесть кафедр...*

Д. Р.: Да, да. И было бы еще более глубоким образование. Кроме того, я считаю, что у нас не хватает в стране социологических служб. Мы должны добиваться того, чтобы социологическая служба была в каждой области, во всех областных университетах. Чтобы у нас, при нашем факультете, при нашей кафедре, была структура, связанная с повышением квалификации социологов Республики Беларусь. Мы должны создать в каждом ведущем вузе социологическую лабораторию. Они должны набрать туда сотрудников, приглашать преподавателей кафедры социологии БГУ, сотрудников ЦСПИ БГУ для

проведения мастер-классов, приезжать в Минск на курсы повышения квалификации, которые должны быть организованы при кафедре социологии факультета философии и социальных наук БГУ. Еще я хотел бы, чтобы была воссоздана программа социологического мониторинга, которую мы осуществляли ранее с Министерством образования Республики Беларусь.

И еще одно пожелание к организациям, заинтересованным в получении результатов социологических исследований. Важно не забывать, что социологические исследования должны осуществляться не после того, как принимаются определенные управленческие решения, а, наоборот, до того, как они принимаются. Чтобы видеть, как люди реагируют на возможно принятое такое-то решение, а потом его уже принимать.

А. Д.: *Давид Генрихович, в заключение нашего разговора хотелось бы спросить: как Вы сами относитесь к своему наступающему 75-летнему юбилею?*

Д. Р.: Чтобы понять эти юбилейные ощущения, надо сначала дожить до 75. А потом постараться самому спокойно проанализировать, что было, что ты сделал, чем ты помог, и тогда только оценивать. Сейчас пока еще, наверное, не получится объективно оценить. Ну, мне не очень нравятся, честно говоря, эти даты.

А. Д.: *Давид Генрихович, примите еще раз наши поздравления. Хотелось бы пожелать Вам здоровья, радости жизни на долгие годы! Мы с нетерпением ждем Вашей новой книги, которая, как мне кажется, вызовет большой профессиональный интерес в нашем сообществе. Ждем новых статей для журнала, работ сотрудников Вашего центра, Ваших учеников. Спасибо Вам за интересное интервью.*

КУРС ПО ВЫБОРУ

OPTION COURSE

*Любовная лирика овидианской традиции средневековой культуры, по оценке М. Л. Гаспарова «разрабатывающая до предельной остроты все мотивы, заданные средневековью Овидием»¹, ставит перед нами вопросы: где проходят границы этой предельной остроты и не является ли она на самом деле запредельной? каково, собственно, содержание Овидианского возрождения в интересующем нас аспекте? как понимают любовь средневековые монахи, сделавшиеся не только переводчиками и толкователями лирики Овидия, но также ее искушенными ценителями и неутомимыми подражателями? Не стоит все же забывать о сугубо спекулятивной их опытности в этом вопросе, корнящейся скорее в вербально-поэтической сфере, нежели в сфере чувственной. В нашем контексте уместно упомянуть этимологию данного термина, неожиданно обретающую новое, ситуативное, очарование: спекуляция как умозрительное рассуждение без обращения к эмпирическим данным – от лат. *speculation* ‘выслеживание, высматривание’. Своего рода разновидность литературного вуайеризма, распространившегося среди аскетов-клириков... Вот уж воистину творчество как сублимация! Впрочем, надо сказать, что применительно к невинному монаху речь может идти скорее о своего рода детском вуайеризме, имеющем познавательные цели (хотя и от гедонистических целей здесь не отмахнуться!). Одним словом, прямо иллюстрация для теории папы Зигмунда. И – в свете всего этого – какое же влияние оказала овидианская традиция на трактовку любви в культуре Средневековья?*

М. А. Можейко

¹Гаспаров М. Л. Светская поэзия XII в. // Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв. / под ред. М. Е. Грабарь-Пассек, М. Л. Гаспарова. М., 1972. С. 431. (Здесь и далее сохранены орфографические особенности оригинала. – М. М.)

Образец цитирования:

Можейко МА. От клириков к лирикам: средневековое донжуанство и монастырский пикап. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019; 3:73–83.

For citation:

Mojeiko MA. From clerics to lyricists: medieval don-juanism and monastic pickup. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:73–83. Russian.

Автор:

Марина Александровна Можейко – доктор философских наук, профессор; заведующий кафедрой философии и методологии гуманитарных наук факультета культурологии и социокультурной деятельности.

Author:

Marina A. Mojeiko, doctor of science (philosophy), full professor; head of the department of philosophy and methodology of humanities, faculty of culturology and sociocultural activities.
marina-mojeiko@yandex.by

ОТ КЛИРИКОВ К ЛИРИКАМ: СРЕДНЕВЕКОВОЕ ДОНЖУАНСТВО И МОНАСТЫРСКИЙ ПИКАП

М. А. МОЖЕЙКО¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет культуры и искусств,
ул. Рабкоровская, 17, 220007, г. Минск, Беларусь

Рассматривается трактовка любви в контексте лирической поэзии Овидианского возрождения. В центре внимания такие вопросы, как переосмысление традиционной проблематики лирической поэзии, новые темы и сюжеты лирики поэтов-овидианцев, влияние их творчества на ортодоксально-христианский контекст и обратное влияние этого контекста на их умонастроение, роль Овидианского возрождения в легитимации любви в рамках средневековой культуры.

Ключевые слова: Овидианское возрождение; лирическая поэзия; эротическая лирика; трансформация традиционной проблематики лирических текстов; правила обольщения; протоказанова.

FROM CLERICS TO LYRICISTS: MEDIEVAL DON-JUANISM AND MONASTIC PICKUP

М. А. MOJEIKO^a

^aBelarusian State University of Culture and Arts, 17 Rabkaraŭskaja Street, Minsk 220007, Belarus

The interpretation of love is considered in the context of the lyric poetry of the Ovidian Renaissance. The focus is on such issues as the rethinking of traditional issues of lyric poetry, new themes and lyric plots of Ovidian poets, the influence of their work on the orthodox-Christian context and the reverse influence of this context on their mentality, the role of the Ovidian Renaissance in the legitimacy of love in the context of medieval culture.

Keywords: Ovidian Renaissance; lyric poetry; erotic lyricism; transformation of the traditional problematics of lyrical texts; seduction rules; proto-Casanova.

Драма монаха-овидианца: поэтическое творчество и разорванное сознание

Исследователи подчас скромно отмечают, что в средневековых переводах Овидия на французский фигурируют понятия пола и желания [1]. Эти вялые определения никак не отражают той мощи эротизма овидианского течения в средневековой литературе, которая вызвала и яркие культурные явления, и бурную реакцию на них как в смысле шквальной увлеченности, так и в плане критики (стихи этой традиции нередко оценивались современниками как «непозволительная вольность» (цит. по [2, с. 235])), а также глубокого и тяжелого раскаяния тех авторов, которые безудержно предавались этому шквалу.

Общая аксиологическая парадигма, характерная для поэзии Овидианского возрождения, исчерпывающе сформулирована Бальдериком Бургейльским, которого литературоведы называют «самым овидианским» из овидианской традиции Средневековья [2, с. 233]. Будучи монахом Бургейльского монастыря (который он, кстати, описывает как «приют, где цветут Цицероны» [3, с. 235]), Бальдерик вкладывает в уста лирического героя собственное *credo*, выражающее общую установку овидианской лирики: «Волей своей покорюсь ныне я власти любви» [4, с. 239].

Это непростой выбор в культуре, пропитанной идеалами бестелесности и аскезы, и для далеко некрепощенного клирика он не мог быть внутренне бесконфликтным, выступая причиной серьезной и болезненной драмы раздираемого противоречиями сознания. Так, Гвиберт Ножанский покаянно признается: «Я дошел... до того, что, увлекаемый своим легкомыслием, имел притязание подражать поэтическим трудам Овидия... и хотел воспроизводить всю нежность любви в созданиях собственного воображения и в сочинениях, которые писал. Мой дух, забыв всякую строгость, которой он должен подчиняться, и отбросив всякий стыд религиозной профессии монаха, так много питался обольщениями отравляющей распущенности, что и занялся только [стихосложением]... не обращая внимания на то, как оскорбительны были для устава нашего священного ордена подобные упражнения. ...Я был весь проникнут той страстью

и так помрачен обольстительными выражениями поэтов, что многое додумывал собственным воображением; иногда эти выражения производили во мне такое волнение, что я чувствовал дрожь по всему телу... Дух мой был постоянно возбужден, и я забывал всякое воздержание...» [5, с. 368–369].

Были и попытки *заклясть реальность*, т. е. убедить читателя (а в первую очередь – самого себя), что ничего особенного не происходит: можно писать эротические тексты, никак не подвергая себя греху *luxuria*². В этом отношении весьма примечателен Бальдерик Бургейльский. Он много писал в эпистолярном жанре, причем тексты его вызывают много вопросов: уместно ли вообще писать монаху любовные письма (пусть даже светским дамам, открытым для ухаживаний), а уж тем более если его адресаты – монахини? Как бы предваряя возможные обвинения, Бальдерик в каждом тексте настойчиво уверяет в дружеском характере письма и невинности своей любви. Например, Констанции – девушке, живущей в монастыре, – он пишет:

Верь, я хочу, чтоб ты верила мне и верил читатель, –
В сердце питаю к тебе я не порочную страсть.
Девственность чту я твою, да живет она долгие годы,
Чту целомудренный стыд и не нарушу его.
Я – мужчина, а ты – девица, мы молоды оба, –
Но поклянусь: не хочу стать я мужчиной твоим,
Я – мужчиной твоим, а ты – моею девицей:
Нет, да будет свята дружба в устах и сердцах.
Будьте едины, тела, но будьте раздельны, постели³;
Будь шутливо, перо, но целомудренна, жизнь... (цит. по [2, с. 234]).

И тем не менее сам Бальдерик нет-нет да и оговаривается: «Эмма, для этих стихов ты моей Музой стань» [3, с. 236], – для стихов, конечно, только для стихов, но оговорки, как мы знаем, значимы.

Моделируя письмо Овидия другу, Бальдерик Бургейльский приписывает поэту речь, посвященную безгрешной непорочности, – речь, в общем-то чуждую античной традиции⁴, но удивительно органичную для мятущегося клирика-овидианца с его по-гегелевски разорванным сознанием:

Верь⁵, он женою своей меня попрекает напрасно;
Я о женах забыл – да и с рожденья таков.
Только песни мои говорят о девических чувствах,
Но меня самого страсть не тревожит ничуть.
Чувство любви, если живо, оно рождает желание.
Но к любовным делам, видно, не тянет меня.
Правда, язык мой болтлив, но нравы мои беспорочны –
С самого детства всегда чист, как ребенок, я был... [8, с. 241].

И сколь сомнительными и недостоверными выглядят эти речи, будучи вложенными в уста язычника-римлянина, столь же несомненно попадают они в ряд шитых белыми нитками ухищрительных приемов автора-христианина: от более ранней по отношению к Бальдерiku Хротсвиты Гандерсгеймской (которая в предисловии к своим драмам очень настаивала на том, что, несмотря на написанное, «прелести / языческой мерзости / ничуть не подпала» [9, с. 84–85]) до современного ему Аллана Лилльского, блестяще демонстрирующего такой прием говорения об эротике, как *инвектива со смакованием* (см. подробно в [6]).

Именно в этом контексте оформляется такая специфическая линия овидианской традиции, как своего рода апология Публия Овидия Назона, которая учитывала факты его биографии и трактовала как несправедливую его высылку из Рима (предположительно – но не точно! – из-за противоречия пропагандиру-

²Мы уже встречались с этой стыдливой фигурой письма, обсуждая попытки средневековой литературы адаптировать к своему контексту феномены чувственности и сексуальности (см. [6]).

³Видит бог, понять это трудно... Спишем на утеранные при переводе нюансы.

⁴Справедливости ради надо отметить, что в «Скорбных элегиях» Овидия есть похожие строки: «Муза игрива моя, жизнь бесконечно скромна» [7], – но у них есть причина: это сетования сосланного поэта, которому дали повод для оправданий. Он и приводит их – любые, все из возможных, вплоть до оправдания нескромного содержания «Науки любви» тем, что она была адресована не для почтенных римских матрон: «С первых же строк удалил порядочных я от “Науки”» [7]. Да и в целом сокрушения Овидия представляют собой не моральное покаяние, но сетования на юридическую несправедливость: «...я не один сочинял любовные песни, / А наказание за них только один я понес... / Не заплатились ничем Анакреонт и Сафо» [7]. В свете понесенной кары Овидий горюет даже о том, что родители дали ему образование: «Горе! Зачем я учен... буквы зачем я узнал!» [7]. Так что это сетования на несправедливые гонения, но никак не терзания раскаявшегося моралиста, каковым предстает Овидий у Бальдерика Бургейльского.

⁵Обращает на себя внимание то обстоятельство, что и эта, и предыдущая стихотворные цитаты из Бальдерика Бургейльского начинаются с призыва «Верь» – для убедительности внушения текст строится в повелительном наклонении.

емых им идеалов любви официальной политике императора в отношении семьи и брака [10]). Примечательно (и удивительно), что средневековая апология Овидия строилась именно на идее естественной склонности человеческой натуры к любви. В контексте этой *овидиодицеи* Бальдерик Бургейльский пишет:

Знали все люди любовь, стихов твоих не читая,
Мужи и жены в веках: ты лишь поведал о ней.
Ты ли века научил или ты у веков научился? <...>
И без поэмы твоей знала Венера любовь... [4, с. 238].

Активно идет в ход уже хорошо известный и апробированный Средневековьем коварный прием убеждения – списать все на Творца:

Нашу природу издревле сам бог преисполнил любовью,
Нас она учит тому, что он ей сам преподавал.
Если преступна любовь, то преступен ее зачинатель:
Тот, кто нас научил, тот и виновен во всем.
Если любить – преступленье, то жизнь сама – преступленье:
Бог повелел нам жить, бог повелел и любить... [4, с. 238].

Кроме того, особый акцент делается на облагораживании любви, что значимо в свете подготовки формирования в средневековой культуре идей куртуазной традиции, и именно в этом ракурсе представляется позиция Овидия, оправдывающая его в глазах клириков и одновременно позволяющая им самим чувствовать себя оправданными:

Юношей я любви не учил, но если полюбят,
Я указывал им, как им любить и кого.
Граждан я римских учил красиво любить и учтиво,
Чтоб от простецкой любви город избавился мой... [8, с. 241].

Однако, несмотря на предпринятые интерпретационные усилия, многие авторы к концу жизни испытывали жестокое раскаяние по поводу поэтических пристрастий юности. Марбод Реннский полностью отрекается от стихов, написанных «в юности глупой... легкомысленной и неумелой» (цит. по [11, с. 221]), отказывается от епископства и замыкается в монастыре, причем оценка собственного творчества оказывается у него очень жесткой:

То, что писал я юнцом, перечитывать в старости стал я.
Стыд меня обуял, пожалел я об этих писаньях... <...>
Лучше погибнуть бы им иль вовсе на свет не родиться! (цит. по [11, с. 221]).

Бальдерик Бургейльский писал в преклонных годах покаянные стихи, называя себя безбожником, душегубом и блудодеем и истово моля о прощении (см. [2, с. 235]). Серлон Вильтонский, преподаватель риторики, грамматики и диалектики, автор любовных элегий, в которых через край была эротика, после сновидения морального содержания, поразившего его воображение, не только отказался от поэзии, но и вообще удалился от мира, причем клюнийский монастырь его не удовлетворил и был сменен им на цистерцианский, чей внутренний устав был значительно более жестким (см. [12, с. 432]).

Таких примеров можно привести немало. Поэзия Овидия оказалась очень сильным фактором воздействия на сознание ученого клирика, воспитанного средневековой традицией: в оболочке понятной латыни, легитимированной всей традицией ее предшественного безопасного теолого-схоластического бытия, открылось яркое и многоцветное, пусть и слегка опасное (а от этого еще более привлекательное) разнообразие откровенной и горячей страстности «Любовных элегий», языческого мира мифологии «Метаморфоз» и легкого цинизма «Искусства любви». Это был очень крепкий коктейль для монаха, привыкшего к млеку Писания, и сила его воздействия содержательно превзошла крепость самого напитка.

Эротическая лирика: предшественники Казановы и правила обольщения

Итак, эротизм овидианской поэзии Средневековья. Прежде всего следует отметить бросающуюся в глаза предельную откровенность повествований:

...Я приступаю тесней, обнимаю ее и целую;
Правой рукою обняв, левой касаюсь бедра.
Спорит и бьется она, но я уж нащупал рубашку,
Выше и выше тяну; вот уж открылся пушок.

Сжаты колени; разжал; и чувствую, как разымаю
Девичью нежную плоть с чувством, лишаящим чувств.
Девушка дрожью дрожит... <...>
Я же все глубже люблю, все сладострастней любовью... [13, с. 447–448].

Это не просто ново, но и совершенно нехарактерно для латинской поэзии Средневековья, до сих пор не только отличавшейся несоизмеримо большей сдержанностью, но и вообще не имевшей в своей жанровой палитре такого направления, как эротическая лирика.

Нова также и тщательно разработанная чувственность текстов: переживания передаются предельно экспрессивно, моделируются со всей возможной полнотой и глубиной, причем задействованы все органы чувств и упоминаются все ощущения – от зрительных до тактильных. Так, например, у Матвея Вандомского:

Вид твой питает мой взор и дразнит мое осязание –
Сладость вкушают глаза, голодом мучится ум... [14, с. 441].

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что тексты изобилуют подробными описаниями того, что сегодня назвали бы постельными сценами (под каким бы идиллически пасторальным стожком они ни имели место), – того, перед чем до сего времени средневековые авторы стыдливо обрывали повествование. Собственно, и не только средневековые. Из истории литературы известен примечательный факт: уже в просвещенном XIX в. «издатель, впервые извлекая из рукописей образцы стихов Серлона, был так шокирован их изысканной откровенностью, что не решился напечатать до конца его стихотворение “Где – неважно, неважно – когда...” и оборвал его на 26 стихе» (см. [12, с. 431]⁶).

Следовательно, центральным моментом, вокруг которого завязываются все фабулы, и, соответственно, кульминационным пиком сюжета выступает так называемая *взаимность* – близость героя с возжеланной красавицей. Это отнюдь не та традиция, где под словом *любовь* подразумевают достижение неземного восторга от слияния душ: речь идет именно и только о сексуальной близости, ни о чем более, – в средневековой культуре возникает донжуанство как литературная традиция:

Галл воспел Ликориду, Назон пылал по Коринне –
Я же по каждой горю... <...>
Я ведь умею желать, лишь покуда девица желанна:
Можно, не тронув, желать; тронешь – желанью конец. <...>
Изголодавшийся волк не сыт единой овцой... <...>
Так и моя любовь за одной на другую стремится:
Лучше той, что имел, – та, что еще не имел.
Холод встречая, горю; огонь возбудив, холодею,
Любящих дев не любя, рвусь я к девичьей любви... [13, с. 447].

Примечательно (и опять же удивительно!), что поэты Овидианского возрождения пытаются составить своего рода своды правил, предлагая читателям практические советы, призванные помочь им преуспеть в так вот понятой *любви*. И поскольку это преуспевание должно быть обеспечено получением согласия возлюбленной на близость, то формулируются прикладные правила обольщения – своего рода средневековый пикап.

Надо заметить, базовую его максиму «меньше люби ее сам – больше полюбит она», сформулированную Серлоном Вильтонским [13, с. 446], европейская культура пронесла сквозь века; как известно, в уста Евгения Онегина А. С. Пушкин вкладывает следующее резонерское рассуждение:

Чем меньше женщину мы любим,
Тем легче нравимся мы ей
И тем ее вернее губим
Средь обольстительных сетей.
Разврат, бывало, хладнокровный
Наукой славился любовной,
Сам о себе везде трубя
И наслаждаясь не любя... [15, с. 76].

Поразительное дело: все правила сложившихся диалектики, логики и схоластики, до сей поры состоявших на службе теологических диспутов и штудий, брошены на оформление новой риторики – риторики

⁶Речь идет о фрагменте процитированных выше «Любовных элегий», где мы храбро позволили себе на четыре строки больше.

соблазнения, в рамках которой убедительность обольщения основана на выстраивании фигур формального противоречия с классической ошибкой подмены термина (в данном случае, конечно, вполне сознательной):

...девушка строгой была.
Ночью, вдвоем, и строга! Ее увещал я стихами... <...>
«...То, что природой дано, грешно отвергать человеку:
Стало быть, выбор один: или любовь, или грех».
Дева не знает, как быть, страшась и того, и другого:
Девство боится любви, а простодушье – греха... [13, с. 447].

Да, далекое от логической искушенности простодушье, не замечающее выстроенной с коварным умыслом ловушки, – именно на него и делает ставку коварный ветреник: «Ах, простота, простота!...» [13, с. 448].

Соответственно, меняет облик и литературный герой: оформляется образ своего рода *протоказановы*, который, по определению Матвея Вандомского, «привык достигать цели желаний своих» и «сеет, чтоб жать не видать» [16, с. 445]. Его позиция прописывается Серлоном Вильтонским вполне убедительно и даже морально оправдывается:

Первая, знаю, обманет,
вторая противиться станет –
Лучше я сам обману
или же сам оттолкну!
Ту я люблю и другую –
а может, ни ту, ни другую?
...Обеих в объятья –
и буду с обеими спать я... [13, с. 448].

Разумеется, выстраивается и система персональных свойств, ценимых в этом контексте: кавалер должен не знать отказа, а мужья соблазняемых им женщин даже не должны испытывать к нему негативных чувств в силу его несокрушимого обаяния. Бальдерик Бургейльский пишет:

Вряд ли в охоте любовной ты мог поддаться обману,
Если бы женщину в сеть ты уловить пожелал.
Да и какую из женщин не мог сразить ты стрелами,
И пред оружием твоим кто бы сумел устоять?
Был для мужей ты опасен, но даже для них ненавистным
Не был ты никогда, ты даже их покорял.
...Все были к тебе благосклонны... [4, с. 238].

Образ записного ветреника становится модным, возникает проблема поддержания соответствующей репутации:

...по каждой горю; хватит ли духа на всех?
Раз лишь – и я утомлен; а женщине тысячи мало;
Ежели трудно и раз – как же и тысячу раз? [13, с. 447].

Марбод Реннский в «Книге о камнях» заботливо дает кавалерам совет об использовании аллектория (камня, который якобы может быть найден в желудке кастрированного петуха): если носить его за щекой, «в чреслах мужских он умеет возжечь Венера пламя» [17, с. 229].

Более того, поддержание репутации *казановы* воспринимается настолько важным, что может достигаться любыми средствами, вплоть до создания иллюзорной видимости. Матвей Вандомский пишет:

Стыдно ему неудач – и притворному рад он успеху:
Коль не под силу грешить – рад он и виду греха... [16, с. 445].

В контексте этого нагнетаемого эротизма в уста девушки Матвей Вандомский вкладывает слова: «Окружена я кольцом, – всяк вожделеет меня» [16, с. 443]. Право же, почитать поэтов этой поры – так никто ни о чем ином и не помышляет (как тут не вспомнить нашумевшую уже в XXI в. книгу Шеридана Симова «О чем думают все мужчины помимо секса», сплошь состоящую из пустых страниц [18]).

Однако девушка имеет вполне определенную нравственную позицию (т. е. мораль ею не вовсе уж забыта). В брьюлоне ответного письма девушки влюбленному клирику Матвей Вандомский моделирует эту позицию следующим образом:

...Я служу целомудрию в храме,
Вход охраняю святой, грешная мзда мне претит.
Я отвергаю любовь, я на ласки скуплюсь не из чванства –
Нет, дороже мне честь, нежели любовная лесть [16, с. 445].

И все вроде бы высокоморально и благородно, но зададимся вопросами: что именно называется здесь святым? что – храмом? что – входом во храм? не должен ли был средневековый носитель христианского мировоззрения усмотреть здесь очевидного кощунства?

А ведь не усматривал... Это совсем иная культурная среда, локализуемая далеко от ортодоксальной христианской аскезы и в ценностном, и в семантическом планах (вспомним о дифференциации в неравновесной культуре ее центра – ортодоксии, с одной стороны, и плюральной периферии – с другой (см. [19])).

В целом христианская аскеза – где-то далеко на заднем плане, а то и вовсе забыта. Так, у Петра Пиктора в поэме «Пилат», излагающей историю жизни Понтия Пилата (целиком придуманную автором и не имеющую никакого отношения к действительным историческим реалиям), сюжет о зачатии Пилата выглядит таким образом: королю предсказано звездами, что его сын, будь он зачат в предстоящую ночь, непременно «стал бы великим», однако «далеко королева» – что ж, не королева, так другая, «не с королевой, а с ней сочetaйся ночью счастливой» [20, с. 433]. Казалось бы, вот он, изначальный грех отцовского адюльтера, что привел Пилата к тому, чтобы стать погубителем Иисуса, но нет, средневековый христианский автор даже не затрагивает этого вопроса.

Тайны кельи: новые темы и сюжеты Овидианского возрождения

Изменения в аксиологии не могли не привести и к трансформациям сюжетных форм лирики, причем эти трансформации столь же ожидаемы по содержанию, сколь и неожиданны (поразительны!) по радикальности своего масштаба. Так, полностью выпадает из сферы рассмотрения поэтов-овидианцев значимая для рыцарского романа проблема дихотомии *любовь-брак* и *любовь-адюльтер*, выступающая критериальной основой для построения типологии сюжетов северофранцузского рыцарского романа (см. подробно в [21]). Как мы помним, у Серлона Вильтонского сформулировано предельно конкретно: «Где – неважно, неважно – когда, и неважно – с которой...» [13, с. 447].

Как ни удивительно, уходит из фокуса внимания авторов и проблема соотношения души и тела. В «Книге о жалобе и столкновении плоти и духа» Хильдеберт Лаварденский (поэт-овидианец в сане архиепископа) смещает акцент к проблеме внутреннего и внешнего в человеке; у Матвея Вандомского героиня также едва ли переживает эту проблему как острую, говоря скорее о том, какого рода интерес к себе хотела бы она видеть со стороны кавалера:

Не во вражде красота с добродетелью: пусть хороша я
Телом моим и лицом – все-таки лучше душой... [16, с. 445].

Зато оформляется новая тема, о которой следует упомянуть особо: это тема, связанная с сюжетом влюбленности клирика. В латинской литературе Средневековья он неожиданно предстает как одержимый страстью. Прежде такого не встречалось, однако в «Письмовнике» Матвея Вандомского, предлагающем образцы написания любовных писем, приводится и образчик под названием «Клирик – девушке», – значит, такой вариант эпистолярного жанра пользовался спросом. Текст не просто эмоционален – он прямо-таки насквозь пронизан чувственностью и детальным физиологизмом:

Ночью на ложе моем испускаю стенанья и стоны:
Изголодавшись во сне, влажно блуждают глаза.
Ночью воочью стоишь предо мною, – люблюсь любимой... <...>
Мнятся мечте поцелуи твои, объятия манят,
Праздной влекусь я мечтой к ложу стыда твоего.
Мнятся Венерины царства, еще не покрытые пухом,
Царства, манящие сласть в недрах медовых своих... [14, с. 440].

Любопытно, что клирик постоянно сетует на несправедливое отношение к себе со стороны девушки:

Если бы всех ты равно отвергала, поверь, я не стал бы
Твой добродетельный пост тщетной мольбой сокрушать.
Но ведь меня одного ты гонишь, а рыцаря любишь;
Страсть презираешь мою, страстью к другому горя.
Гнусь я – он горд; молю я – он царь; пригубил я – пьет он;
Я вдалеке – он вблизи; я потянусь – он берет... [14, с. 442].

Что же касается встречных претензий к клирику со стороны девушки, которыми она оправдывает свою неуступчивость, то они выглядят и совсем уж неожиданно:

Клирик неверен в любви, любовь у него быстролетна,
Мыслит он лишь об одном – розу девичества смять,
Лилии чистой цветок он рвет бесстыдной рукою,
В прах бросает и прочь к новым летит цветникам...
Всюду недолгий он гость, отовсюду беглец торопливый,
Злато девических ласк он расточает, глумясь... [16, с. 445].

Тема эта разработана в овидианской литературе весьма глубоко и всесторонне: рассматриваются даже незавидные перспективы детей, рожденных от священника:

Клирику сына родишь – его и травят и мучат:
Кличут: «безмозглый дурак», кличут: «алтарный сынок»... [16, с. 444].

То есть моральное осуждение со стороны общества все же предполагается, но сама постановка вопроса какова!

Еще более впечатляет то обстоятельство, что специальный акцент делается на обсуждении уж совсем невероятного доселе вопроса: кто именно предпочтительнее в качестве возлюбленного (любовника) – рыцарь или клирик? Подобный сюжет не просто с трудом вписывается в привычную стилистику латинской литературы – сама постановка этой проблемы кажется невозможной в контексте средневекового пиетета перед клиром, но – тем не менее...

Следует отметить, что тема эта трактуется неоднозначно и рассматривается с различных позиций: разные авторы по-разному расставляют приоритеты.

Так, монах может рассматриваться как негодный для любви, и его оценка в качестве кавалера крайне нелицеприятна: «Словно пиявка, он тянет вино из стеклянных бокалов», «Шея, как башня, стоит, жирные складки висят» [16, с. 444]. Матвеем Вандомским перечисляется в этом ряду «вечное пенье псалмов и шарканье сбитых сандалий», «ряса – лоскут к лоскуту, с давних не мытая пор», в то время как «тем, кто служит любви, иное обличье пристало...» [16, с. 446].

Таким образом, рыцарь вроде бы в приоритете. Однако этих взглядов придерживаются далеко не все авторы, встречаются оценки и полностью противоположные. Например, в таком памятнике, как «Прение Флоры и Феллиды», приводится абсолютно альтернативная позиция:

И собравшись на зов и принявши меры,
Чтобы справедливости соблюсти примеры,
Молвил суд обычая, знания и веры:
«Клирик выше рыцаря в царствии Венеры» (цит. по [22, с. 30]).

Впрочем, с точки зрения девушки, особой разницы-то и нет, о чем она и говорит, обращаясь к помогающему ее клирику:

Ты упрекаешь меня, что любовь меня к рыцарю клонит?
Зря упрекаешь, поверь: мной не заслужен упрек.
Рыцарь таков же, как ты, он так же кружит надо мною. <...>
Требуешь – я не даю; вздыхает – я слух замыкаю... <...>
Множит мольбами мольбы, посулами множит посулы... [16, с. 445].

Между тем позиция девушки (на первый взгляд вроде бы высокоморальная) тоже не совсем безупречна. В основе ее лежат не нравственные максимы как таковые, но опасения сугубо практического свойства: как бы не прогадать на ярмарке невест, как бы «с торгов не пойти на посмеяние всем» [16, с. 445].

Клирик сам по себе может быть вполне притягательным для девушки:

Впрочем, ты ведь красив, и был бы любви ты достоин,
Если бы лишь пожелал к миру вернуться опять... [16, с. 446].

В «Письмовнике» Матвея Вандомского девушка говорит клирику: «Что неприятно в тебе? Гуменце, побритое сверху» [16, с. 446], – т. е. не особенность внешности, но знак статуса, в силу которого положение «поповой жены» [16, с. 444] оказывается унижительным:

С клириком жить – незавидный удел: народ попрекает,
Шут смеется в лицо, блудные девки язвят,
Всем я позорище, черни посмешище, людям потеха:
Чудище видят во мне, пальцами тычут мне вслед... [16, с. 444].

В качестве нравственного поведенческого образца Матвей Вандомский предлагает девушке принять в отношении горящего страстью клирика вполне конкретную позицию: «Сбрось свою рясу, женись, – верно буду женой» [16, с. 446], – что лежит уже в бытовой плоскости и совсем далеко от ужасаний по поводу греховности монаха. Мораль здесь не облачается более в религиозные одежды, и в целом речь фактически идет о нормах морали не как о должном, но как о сущем – о реальном бытовании нравственных правил повседневности, не выходящих за рамки обыденной практичности.

Отважная эротика: роль Овидианского возрождения в легитимации темы любви в культуре Средневековья

В свете сказанного – важная ремарка перед финалом. Разумеется, было бы ошибкой не обратить внимания, что наметившаяся либерализация в отношении сексуальности открыла возможность для развития тенденции, которая приведет к формированию специфического ответвления от овидианской традиции, сближающегося с натуралистическими тенденциями фаблио и шванков, обнаженностью поэзии голиардов и т. п. В этом контексте могут быть рассмотрены, например, «Зерцало глупости» Нигелла Вирекера, «Амфитрионеида» Виталия и др. Но это – отдельная тема, и речь о ней еще впереди.

В целом же, по мнению Э. Жильсона, идеи средневековой овидианы «более рафинированы», чем даже идеи самого Овидия [23, р. 214]. Собственно, они и не могли быть иными, поскольку оформлялись не в пространстве радостного язычества с его жизнеутверждающими идеалами красоты и естественности, но в поле христианской традиции, притяжение (давление) которой приходилось внутренне преодолевать, всегда помня о границах.

Исследователи отмечают характерную для Серлона Вильтонского «бравату “либертинажем” на античный лад» [12, с. 432]. Подобная бравада характерна практически для всех представителей овидианской традиции, подводя порой их стихотворения к рискованным рубежам. Такая бравада объяснима: это не что иное, как инспирирование себя на героическое противостояние контексту – противостояние, финал которого был непредсказуем и которое вполне могло закончиться и зачастую заканчивалось – таки плохо (хотя бы и по причине неприятия продуктов творчества собственным внутренним цензором). И давалось это, как мы видели, нелегко. Вместе с тем нельзя не отметить, что в большинстве своем произведения Овидианского возрождения – при всей своей откровенности, не исключаяющей физиологизма и доходящей подчас до натуралистичности, – тем не менее остаются в определенных рамках, не становясь ни грубыми, ни грязными. Это еще не скабрзность и не вульгарность, это скорее искренняя растерянность Средневековья перед открывшейся новой культурной реальностью – текстами Овидия, самим своим существованием постулирующими возможность поэтизации телесности, чувственности, сексуальности.

Сама по себе овидианская лирика Средневековья так же далека от скабрзности, как и от *обожествления плоти*, хотя в литературе встречаются и те, и другие крайние оценки (см. [24]).

Как правило, нет в овидианских произведениях и гривуазной игривости, которая возникнет позднее (хотя первые шаги тоже, безусловно, сделаны), – они просто откровенны, сознательно, отважно и отчаянно – в полном и первозданном смысле этого слова – откровенны, и тем сильны.

И еще: безусловно, содержательно поэзия Овидия оказала несомненное влияние и на романы, и на лирику конца XI – начала XIII в., – собственно, на все тексты о любви этого времени. Но наиболее важным вектором влияния был здесь именно вектор легитимации: Овидий не только и даже не столько вызвал к жизни зарождающуюся традицию средневековой эротической лирики, сколько послужил убедительным аргументом в обосновании ее правомерности – убедительным, ибо в контексте любого средневекового *возрождения* апелляция к Античности была весомой гирикой на чашу говорящего, а тут еще говорящими были клирики – вроде бы носители заведомо легитимной ортодоксии.

Библиографические ссылки

1. Desmond M. Gender and desire in medieval French translations of Ovid's amatory works. In: Clark JG, Coulson FT, McKinley KL, editors. *Ovid in the Middle Ages*. Cambridge: Cambridge University Press; 2011. p. 108–123.
2. Гаспаров МЛ. Бальдерик Бургейльский. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 233–235.
3. Бальдерик Бургейльский. К Эмме, при посылке стихов. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 235–236.
4. Бальдерик Бургейльский. Флор – Овидию. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 237–240.
5. Гвиберт Ножанский. О своей жизни. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 367–369.

6. Можейко МА. Обратная сторона медали, или Эротическое подполье средневековой культуры. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2017;4:162–167.
7. Публий Овидий Назон. Элегия Единственная. В: Публий Овидий Назон. Скорбные элегии. Письма с Понта [Интернет]. Москва: Наука; 1978 [протитировано 5 января 2019 г.]. Доступно по: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1303007002>.
8. Бальдерик Бургейльский. Овидий – Флору. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 240–243.
9. Хротсвита Гандерсгеймская. Предисловие к драмам. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 83–85.
10. Вулих НВ. Овидий и Август. *Вестник древней истории*. 1968;1:151–160.
11. Гаспаров МЛ. Марбод Реннский. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 220–221.
12. Гаспаров МЛ. Светская поэзия XII в. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 430–432.
13. Серлон Вильтонский. Любовные элегии. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 446–448.
14. Матвей Вандомский. Клирик – девушке. (Из «Письмовника»). В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 440–443.
15. Пушкин АС. Евгений Онегин. В: Пушкин АС. *Собрание сочинений. Том 4.* Москва: Государственное издательство художественной литературы; 1960. с. 5–198.
16. Матвей Вандомский. Девушка – клирику. (Из «Письмовника»). В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 443–446.
17. Марбод Реннский. Из «Книги о камнях». В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 228–230.
18. Симов ИИ. *О чем думают все мужчины помимо секса.* Москва: Рипол Классик; 2013. 240 с.
19. Можейко МА. Что же делать с любовью, или Пропасть и попытки ее преодоления. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;2:122–127.
20. Петр Пиктор. Пилат. В: Грабарь-Пассек МЕ, Гаспаров МЛ, редакторы. *Памятники средневековой латинской литературы X–XII вв.* Москва: Наука; 1972. с. 423–439.
21. Можейко МА. Любовь как награда за подвиг: трактовка любви в северофранцузском рыцарском романе. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:126–133.
22. Ле Гофф Ж. *Интеллектуалы в Средние века.* Руткевич АМ, переводчик. 2-е издание. Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета; 2003. 160 с.
23. Gilson E. *La Theologie mystique de saint Bernard.* Paris: J. Vrin; 1934. 253 p.
24. Barkan L. *The Gods Made Flesh: Metamorphosis & the Pursuit of Paganism.* New Haven: Yale University Press; 1986. 398 p.

References

1. Desmond M. Gender and desire in medieval French translations of Ovid's amatory works. In: Clark JG, Coulson FT, McKinley KL, editors. *Ovid in the Middle Ages.* Cambridge: Cambridge University Press; 2011. p. 108–123.
2. Gasparov ML. [Balderick of Burgeilia]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 233–235. Russian.
3. Balderick of Burgeilia. [To Emma, when sending poems]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 235–236. Russian.
4. Balderick of Burgeilia. [Fom Flor – to Ovid]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 237–240. Russian.
5. Guibert of Nogent. [About his life]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 367–369. Russian.
6. Mojeiko MA. The flip side of coin, or The erotic underground of medieval culture. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2017;4:162–167. Russian.
7. Publius Ovidi Nazon. [Elegy Single]. In: Publius Ovidi Nazon. *Skorbnye elegii. Pis'ma s Ponta* [Mournful elegies. Letters from the Ponto] [Internet]. Moscow: Nauka; 1978 [cited 2019 January 5]. Available from: <http://ancientrome.ru/antlitrt/t.htm?a=1303007002>. Russian.
8. Balderick of Burgeilia. [Fom Ovid – to Flor]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 240–243. Russian.
9. Hrotsvita from Gandersheim. [Preface to the drama]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoi literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 83–85. Russian.

10. Vulikh NV. Ovid and Augustus. *Vestnik drevnei istorii*. 1968;1:151–160. Russian.
11. Gasparov ML. [Marbod of Rennes]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 220–221. Russian.
12. Gasparov ML. [The 12th century secular poetry]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p.430–432. Russian.
13. Serlon of Wilton. [Love elegies]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 446–448. Russian.
14. Matthew of Vendome. [From cleric – to girl. (From «Book of Letters»)]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 440–443. Russian.
15. Pushkin AS. [Eugene Onegin]. In: Pushkin AS. *Sobranie sochinenii. Tom 4* [Collected works. Volume 4]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo khudozhestvennoj literatury; 1960. p. 5–198. Russian.
16. Matthew of Vendome. [From girl – to cleric. (From «Book of Letters»)]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 443–446. Russian.
17. Marbod of Rennes. [From the «Book about Stones»]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 228–230. Russian.
18. Simove Sh. *What Every Man Thinks About Apart From Sex*. Chichester: Summersdale; 2011. 196 p.
Russian edition: Simove Sh. *O chem dumayut vse muzhchiny pomimo seksa*. Moscow: Ripoll Classic; 2013. 240 p.
19. Mojeiko MA. What to do with a love, or The abyss and attempts to overcome it. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;2:122–127. Russian.
20. Peter Pictor. [Pilate]. In: Grabar-Passek ME, Gasparov ML, editors. *Pamyatniki srednevekovoi latinskoj literatury X–XII vv.* [Monuments of medieval Latin literature of the 10th–12th centuries]. Moscow: Nauka; 1972. p. 423–439. Russian.
21. Mojeiko MA. Love as a reward for the feat: the interpretation of love in the North French knightly romance. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:126–133. Russian.
22. Le Gof J. *Intellektualy v Srednie veka* [Intellectuals in the Middle Ages]. Rutkevich AM, translator. 2nd edition. Saint Petersburg: Publishing House of the Saint Petersburg University; 2003. 160 p. Russian.
23. Gilson E. *La Theologie mystique de saint Bernard*. Paris: J. Vrin; 1934. 253 p.
24. Barkan L. *The Gods Made Flesh: Metamorphosis & the Pursuit of Paganism*. New Haven: Yale University Press; 1986. 398 p.

Статья поступила в редколлегию 17.07.2019.
Received by editorial board 17.07.2019.

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

УДК [61+614.2]:30(476)

ОРГАНИЗАЦИОННАЯ КУЛЬТУРА И СОЦИАЛЬНАЯ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ В ЗДРАВООХРАНЕНИИ: ПРОБЛЕМЫ ОПРЕДЕЛЕНИЯ И МЕТОДЫ ИЗУЧЕНИЯ

М. Ю. СУРМАЧ¹⁾, С. Л. БОЙКО¹⁾

¹⁾Гродненский государственный медицинский университет, ул. М. Горького, 80, 230009, г. Гродно, Беларусь

Проанализированы причины динамики социального института медицины и действующей модели системы здравоохранения как его организации в современных условиях в Республике Беларусь. Уточнены понятия «организационная культура» и «социальная ответственность» применительно к системе здравоохранения. Рассмотрены методы изучения организационной культуры. Предложен адаптированный к применению в системе здравоохранения Беларуси инструмент оценки организационной культуры по методике ОСАИ, который позволяет провести ее диагностику в организациях (учреждениях) здравоохранения, а также может быть использован в сравнительном анализе с данными, полученными при замерах посредством оригинальной версии ОСАИ в других странах.

Ключевые слова: социальная ответственность; организационная культура; ОСАИ; система здравоохранения; Республика Беларусь.

Благодарность. Работа выполнена при финансовой поддержке Белорусского республиканского фонда фундаментальных исследований (грант № Г19-061).

Образец цитирования:

Сурмач МЮ, Бойко СЛ. Организационная культура и социальная ответственность в здравоохранении: проблемы определения и методы изучения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;3:84–95.

For citation:

Surmach MY, Boyko SL. Organizational culture and social responsibility in health care: problems of defining and methods of study. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;3:84–95. Russian.

Автор:

Марина Юрьевна Сурмач – доктор медицинских наук, доцент; заведующий кафедрой общественного здоровья и здравоохранения.

Светлана Леонидовна Бойко – кандидат медицинских наук, доцент; заведующий кафедрой психологии и педагогики.

Author:

Marina Y. Surmach, doctor of science (medicine), docent; head of the department of public health and public health service.

marina_surmach@mail.ru

Svetlana L. Boyko, PhD (medicine), docent; head of the department of psychology and pedagogy.

sduduk@yandex.ru

ORGANIZATIONAL CULTURE AND SOCIAL RESPONSIBILITY IN HEALTH CARE: PROBLEMS OF DEFINING AND METHODS OF STUDY

M. Y. SURMACH^a, S. L. BOYKO^a

^aGrodno State Medical University, 80 M. Horkaha Street, Hrodna 230009, Belarus

Corresponding author: M. Y. Surmach (marina_surmach@mail.ru)

The reasons for the dynamics of the social institute of medicine and the current model of health care system as its organization in modern conditions in the Republic of Belarus are analyzed in the article. The concepts of «organizational culture» and «social responsibility» in relation to the health care system are clarified. The methods of study of organizational culture are stated. A tool for assessing of organizational culture according to the OCAI methodology, adapted to the use in the health care system of Belarus, which allows to diagnose organizational culture in organizations (institutions) of health care, and suitable for use in comparative analysis with the data obtained by measurements through the original version of OCAI in other countries, is proposed.

Keywords: social responsibility; organizational culture; OCAI; health care system; Belarus.

Acknowledgements. Research is supported by the Belarusian Republican Foundation for Fundamental Research (grant No. Г19-061).

Введение

В историческом развитии системы здравоохранения, существующей на территории современной Беларуси, как минимум трижды за прошедший век происходили крупные структурные и финансовые трансформации. Так, с приходом советской власти больничные кассы (прообраз страховой медицины) были ликвидированы, и система перешла к модели Николая Александровича Семашко [1; 2]. Просуществовавшая неизменной около 70 лет модель основывалась на едином государственном здравоохранении, централизации и всеобщей диспансеризации. В период Великой Отечественной войны на захваченных немецко-фашистскими войсками территориях прослеживалась попытка возврата больничных касс и страховой медицины [3; 4]. И наконец, на рубеже 1990–2000-х гг. вновь начались кардинальные изменения, включая подготовку законопроекта о введении страховой медицины, завершившиеся официальным сосуществованием государственной системы здравоохранения с организациями иной, в том числе частной, формы собственности при сохранении принципа преимущественно бюджетного финансирования государственной системы. Все это говорит о том, что социальный институт медицины и система здравоохранения как его организация в Беларуси – не статичный конструкт.

Реформирование системы – это ответ на объективную необходимость эволюционирования, побуждающим фактором которого являются изменения идеальных представлений о должных формах взаимодействия людей. Изменения же идеальных представлений начинаются с преобразования деятельности практик. Деятельностные практики – процессы, происходящие на уровне повседневности, – изменяются незаметно и порой неосознанно,

поскольку ими движет огромное число не всегда поддающихся контролю механизмов. Измененные практики постепенно становятся привычными, т. е. подвергаются хабитуализации [5; 6]. В случае единства практической деятельности людей – в первую очередь это происходит при единстве трудовой деятельности, иначе говоря, в профессиональных сферах, – процесс хабитуализации приводит к типизации действий, т. е. модифицирует социальный институт. Другими словами, изменение деятельностных практик лежит в основе диалектики социальных институтов, под которыми классически понимают именно типизацию опривыченных действий, порождающих идеальные представления о должном, «которые в конечном счете определяют архитектуру формальных организационных форм (организаций) в контексте тех или иных социально-классовых интересов» [7, с. 32].

Несмотря на то что деятельностные практики изменяются незаметно и не всегда осознанно, некоторые из этих изменений могут быть контролируемы. Вопрос в том, кто и каким образом должен их контролировать и вообще стоит ли это делать. Ответ, вероятно, зависит от той сферы человеческой деятельности, применительно к которой мы анализируем те или иные практики. В данной статье речь идет о здоровье и его охране, о медицине как социальном институте и о системе здравоохранения как его типичной организации. Кем бы мы ни были в этой системе – врачом или пациентом, – однозначно, ответ на данный вопрос будет положительным. Слишком высока социальная значимость рассматриваемого нами института. Следовательно, слишком высока социальная ответственность системы здравоохранения и каждой отдельной организации в этой системе.

Модель здравоохранения Республики Беларусь по праву можно отнести к уникальным: в условиях значительных глобальных трансформаций систем и моделей здравоохранения в мире она стойко и уверенно сохраняет высокую социальную ориентированность. Отчасти причиной такой устойчивости является длительный исторический период советского здравоохранения, создавший мощный культурный пласт социальных ориентиров и установок, формирующих роль врача и пациента в обществе.

Каждое новое поколение получает от предыдущих типизированные и формально закрепленные роли (формы деятельности) с нормами регуляции ролевого поведения. Многие из них рассчитаны на личностные качества, сознательность и моральный выбор в пределах спектра ценностно окрашенных возможностей. Относительно профессиональной среды данный спектр ролей мы увидим прежде всего в организационной культуре, приобщение к которой происходит посредством социализации. *Организационная культура – это тот феномен, изменяя который, мы можем повлиять на индивидуальный выбор представителя организации* (а в рамках понятия медицины как социального института система здравоохранения и есть его организация) *относительно предпочтительного варианта социального взаимодействия*. Широта спектра возможных вариантов взаимодействия побуждает к развитию. При этом стойкость отечественной модели здравоохранения может восприниматься негативно, трактоваться как инертность. Особенно на фоне ситуации, когда большинство так называемых стран ближнего зарубежья из числа бывших союзных республик, имеющих общие с Беларусью исторические и культурные корни, все же пошли по пути кардинальных реформ, значительно изменяющих правовые и экономические механизмы регулирования взаимоотношений в системе здравоохранения. Отечественная модель здравоохранения все больше напоминает островок в океане систем и моделей, находящихся свой путь в сфере рынка идей, медицинских технологий, фарминдустрии на фоне глобального риска превращения медицинской помощи в товар, продаваемый в не всегда прозрачных экономических и политических условиях. Длительность сохранения конструкта системы здравоохранения обостряет противоречие между идеальными представлениями о социальном институте медицины и формально закрепленными в действующей системе здравоохранения как организации этого института ролями.

Что обуславливает такое противоречие в современном белорусском здравоохранении? В нынеш-

них условиях здоровье человека представляет для общества все более возрастающую экономическую ценность. В то же время население стареет. Основной проблемой становятся хронические неинфекционные заболевания, склонные к накоплению в популяции. Все острее проявляется потребность рационально использовать ресурсы, контролировать рост расходов на охрану здоровья. Развитие процессов коммерциализации приводит к изменению экономического положения медицинского учреждения, которое приобретает статус услугопроизводящего предприятия, при этом медицинские работники находятся в условиях, когда оказывают не помощь, а сервисную услугу медицинского содержания, попадая в категорию обслуживающего персонала. Принимая управленческое решение, лидеры системы здравоохранения все чаще вынуждены находиться в ситуации выбора между подходами к пониманию эффективности деятельности: сохранение ее высокой социальной направленности или, напротив, получение наибольшего экономического эффекта. При этом соблюдение социальной ответственности организаций здравоохранения и каждого отдельного работника системы, составляющей суть корпоративной (на уровне всей системы здравоохранения) социальной ответственности, заложено в основах социального государства, каковым и является Республика Беларусь. Сильная, эффективная культура имеет стратегическое значение в обеспечении устойчивого функционирования системы здравоохранения, управлении качеством медицинской помощи, поддержании доверия населения к системе здравоохранения.

Следует отметить, что, несмотря на актуальность, работ, посвященных проблемам изучения организационной культуры, в современном белорусском здравоохранении практически нет. Это явилось основанием к выбору нами организационной культуры и социальной ответственности в здравоохранении в качестве предмета исследования.

Цель данной работы – определить понятия «организационная культура» и «социальная ответственность» и уточнить методологию исследования организационной культуры применительно к системе здравоохранения Республики Беларусь.

В рамках цели нами были выделены следующие задачи (направления исследования): уточнить современное состояние проблемы изучения организационной культуры в здравоохранении и трактовку дефиниций, провести систематизацию способов диагностики и оценки организационной культуры и адаптировать ОСАИ к применению в отечественных организациях здравоохранения.

Современное состояние проблемы изучения организационной культуры в здравоохранении и трактовка дефиниций

Изучению организационной культуры посвящено большое количество проблемных статей

и обзоров (А. А. Кеннеди (A. A. Kennedy) и Т. Е. Дил (T. E. Deal), 1982; Э. Х. Шейн (E. H. Schein), 1985;

К. С. Камерон (K. S. Cameron), 1988; Дж. Мартин (J. Martin), 1992; Х. Ван Ден Берг (H. Van Den Berghe), 2000; Ф. Дж. Слэк (F. J. Slack), 2006). Авторы стратегически обозначают требующие дальнейшего изучения вопросы: «Какое определение является самым точным (проблема дефиниции)?»; «Какие характеристики (компоненты) будут наиболее системно отражать организационную культуру (проблема состава конструкта)?»; «Какой инструмент оценки приемлем для диагностики (проблема измерения)?» [8; 9].

Концепция организационной культуры, по мнению большинства авторов, сформирована на стыке двух дисциплин: социологии и антропологии. Социологический подход к пониманию организационной культуры сфокусирован на интерпретации ее осмысления индивидуумами и отражается в тезисе: «Каждая организация обладает организационной культурой». Антропологический подход

является функциональным и рассматривает организационную культуру как результат поведения коллектива, т. е. организация – это культура [9].

В 1939 г. немецкий социальный психолог Курт Левин впервые вводит термин «организационный климат» в исследовании «Модели агрессивного поведения в экспериментально созданных социальных климатах», начинается научная эра изучения профессиональной среды, в первую очередь для оценки трудовой социализации и интеграции в коллектив нового сотрудника [9]. При этом в течение трех десятилетий термины «климат» и «культура» часто использовались взаимозаменяемо и не были четко операционализированы. На сегодняшний день существует ряд принципиальных отличительных признаков, позволяющих четко разграничить организационную культуру и климат организации, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Дифференциальные критерии организационной культуры и организационного климата

Table 1

Differential criteria of organizational culture and organizational climate

Критерий	Организационная культура	Организационный климат
Временные рамки социальных отношений	Длительные	Краткосрочные
Возможность и характер изменений	Возможны, медленны	Быстры, кардинальны
Социальная основа	Стержневые ценности и понимание хода вещей в организации	Индивидуальное восприятие конкретных лиц и ситуаций, как индивиды ощущают порядок вещей в организации
Масштаб	Центральная концепция организации	Актуальная ситуация

В научный оборот термин «организационная культура» был введен американским социологом Толкоттом Парсонсом в 1956 г. Он рассматривал организацию как систему, которая представляет собой устойчивый комплекс повторяющихся и взаимосвязанных социальных действий [9; 10]. Позднее было доказано, что организационная культура оказывает мощное влияние на организационную эффективность, в том числе и на долгосрочную, а анализ организационной культуры может инициировать глубокое понимание того, как преобразовать культурную среду в организации и как реализовать новую организационную культуру в изменяющихся социально-экономических условиях [11]. Это способствовало активизации внимания к организационной культуре представителей менеджмента – науки и практики управления.

Культура – вырабатываемые и признаваемые обществом, организацией или группой ценности, социальные нормы и установки, заставляющие человека вести себя именно таким образом, – третий важнейший инструмент управления, созданный человечеством. Исторически первым инструментом управления (т. е. тем механизмом, который вы-

нуждает человека действовать так, а не иначе), актуальным по сей день, являлась иерархия – система отношений по вертикали. На протяжении многих веков этот инструмент был единственным, вплоть до тех пор, пока во времена промышленной революции социум не начал параллельно развиваться еще и по законам рынка. Рынок как совокупность отношений по горизонтали, заключающихся в равноправном обмене товарами и (или) услугами, стал вторым инструментом управления, регулирующим нашу жизнь и в настоящее время [8].

В современной науке и практике менеджмента под организационной культурой понимают один из факторов среды управления. Отличием этого фактора среды управления от других является его двунаправленная ориентированность: с одной стороны, он нацелен на персонал организации как объект управления (что позволяет отнести его к факторам внутренней среды управления), с другой – на потребителей данной организации, т. е. во внешнюю среду [8]. Организационная культура – это важнейший фактор внутренней среды организации, а именно система поведенческих норм, общеорганизационных правил и ценностей, которыми

отличаются работники данной организации и организация в целом. Это определение применимо как к отдельной организации (учреждению) здравоохранения, так и к системе здравоохранения в целом, поскольку она, как мы уже говорили ранее, представляет собой организацию социального института медицины.

Организационная культура является основой имиджа организации – того мысленного комплексного образа, который она создает в глазах работников и потребителей ее услуг. При этом стержнем организационной культуры выступает управленческая культура – тот самый тон, который задает работе организации ее руководитель.

Глубокое осознание организационной культуры как мощного инструмента управления произошло на рубеже 1980–90-х гг. Стало общепризнанным, что устремленность всего персонала к единой цели, мобилизация для этого не только материальных, но и интеллектуальных, духовных ресурсов, практически выраженная в развитии таких нематериальных признаков организации, как имидж и престиж, стиль руководителя и т. п., дает впечатляющие результаты. Вместе с тем было доказано, что пренебрежение культурой организации и неудачное ее изменение являлись наиболее значимой причиной безуспешности усилий, направлявшихся на реинжиниринг, менеджмент всеобщего качества (TQM), стратегическое планирование и сокращение размеров организаций.

Организационная культура – многокомпонентное понятие. Ее элементами выступают мировоззрение (представления об окружающем мире и о данной организации в нем), направляющее поведение персонала; организационные ценности, связывающие организационную культуру и вну-

тренний мир каждого сотрудника; стили поведения, характеризующие персонал организации; внутриорганизационные социальные роли; внутриорганизационные социальные нормы (совокупность официальных и неофициальных требований, предъявляемых организацией к персоналу и усваиваемых при внутриорганизационной социализации каждого нового сотрудника); внутриорганизационный психологический климат. Важно понимать, что не существует правильного или неправильного типа организационной культуры как индикатора более эффективной и успешной или менее эффективной и успешной организации. Организационная культура должна быть оптимальной для коллектива именно в той сфере деятельности, в которой существует этот коллектив.

Социальная ответственность – понятие, тесно связанное с термином «организационная культура», но не являющееся его синонимом. Это ответственность за роль в социуме. Понятие социальной ответственности организаций, подразумевающее, что приносящие прибыль организации обязаны использовать свои ресурсы таким образом, чтобы общество оставалось в выигрыше, было введено в начале XX в. американским предпринимателем и филантропом Эндрю Карнеги в работе «Евангелие благотворительности». С развитием права, социологии и общества в целом возникла необходимость широкого внедрения принципов социальной ответственности, проведения научных и методологических исследований и поиска конкретных форм реализации социально ответственного поведения (для конкретного человека, работника, руководителя) и социально ответственной деятельности (для организации). В табл. 2 приведена современная классификация социальной ответственности [12; 13].

Таблица 2

Виды социальной ответственности

Table 2

Types of social responsibility

Вид социальной ответственности	Краткое описание
Юридическая	Ответственность за нарушение закона
Моральная (этическая)	Ответственность за соблюдение норм морали
Экономическая	Ответственность за соблюдение экономических норм и правил
Профессиональная	Ответственность за вредные последствия в результате выполнения/невыполнения профессиональных обязанностей
Корпоративная	Внутренняя (организационная культура, социальная защищенность сотрудников)
	Внешняя (удовлетворенность потребителя услугами, влияние деятельности на общество)
Специальная	Религиозная, родительская и т. д.

Неоднозначность толкования термина «социальная ответственность» связана с его определением как для организации (корпоративная ответственность), так и для индивидуума (персональная ответственность).

На индивидуальном уровне социальная ответственность граничит с четко определенной в системе санкций юридической и профессиональной ответственностью: например, профессиональная ответственность за сохранение врачебной тайны

(ст. 46 Закона Республики Беларусь «О здравоохранении»). На индивидуальном уровне наступает и ретроспективная социальная ответственность, которая подразумевает ответственность (наказание) за совершенные действия (например, юридическая ответственность). Перспективная социальная ответственность связана с пониманием человеком сущности его ответственности перед обществом в данный момент времени: это выполнение социальных норм и недопущение противоправных действий. Перспективная социальная ответственность может быть как индивидуальной, так и корпоративной.

Большое значение в системе здравоохранения Республики Беларусь уделяется моральной, или этической, социальной ответственности, которую достаточно сложно отделить от этического поведения. Дж. Фишер в 2004 г. предложила использовать следующие принципы в разграничении понятий «этическая социальная ответственность» и «этичное поведение»: социальная ответственность – это этика в контексте учреждения, в основе этической социальной ответственности лежат исключительно личные интересы отдельного человека, этики у организации быть не может; термин «этика» применим к отдельному работнику организации, а социальная ответственность – к образу организации (учреждения) в целом; этическая социальная ответственность и этическое поведение – это два независимых понятия; социальная ответственность – это широкое понятие, включающее этику [13]. Постановлением Министерства здравоохранения Республики Беларусь от 07.08.2018 г. № 64 утверждены Правила медицинской этики и деонтологии. В документе указано, что «...в случаях, когда вопросы медицинской этики и деонтологии не урегулированы законодательством, в том числе

настоящими Правилами, медицинским, фармацевтическим работникам следует руководствоваться общепринятыми нормами этики и морали». Речь идет о персональной социальной ответственности. Вместе с тем этическая социальная ответственность – понятие, используемое и на корпоративном уровне.

Современный подход науки и практики менеджмента рассматривает социальную ответственность организации в трех аспектах:

1) *ответственность за роль в социуме* (будучи частью общества, организация должна удовлетворять его потребности);

2) *ответственность за способности* (т. е. за те общественные проблемы, которые организация в состоянии решить с использованием собственных возможностей);

3) *причинная ответственность* (ответственность за свои действия и за последствия этих действий, т. е. за те факты, причиной происшествий которых данная организация является).

Социальная ответственность организации является коллективной, основанной на персональной. Организации здравоохранения относятся к социальной сфере, и их непосредственная деятельность уже сама по себе социально ответственна. Потому обоснованно можно утверждать, что для организаций здравоохранения социальная ответственность – это следование миссии здравоохранения (сохранять и укреплять здоровье людей), практически выраженное в качественном выполнении работы. Вместе с тем высокое качество деятельности в здравоохранении, так же как и сам социальный институт медицины и система здравоохранения как его формальная организация, – понятие не статичное, поскольку в его основе лежит пациент-центрированность [14].

Способы диагностики и оценки организационной культуры

Одной из важнейших задач настоящего этапа развития менеджмента признаны поиск и уточнение способов диагностики и оценки организационной культуры [15]. При этом можно выделить три группы методов:

1) качественные – включенное (скрытое или явное) систематическое полевое наблюдение и контент-анализ;

2) количественные (социально-психологические и социологические) – тестирование, анкетирование, опрос;

3) смешанные – сочетание наблюдения, интервью, фокус-группы, опроса и (или) психологического тестирования.

Существует мнение, что такой опросный метод, как анкетирование, не может быть применен для научного доказательства структуры организационной культуры, поскольку направлен на оценку организационной культуры в соответствии с опре-

деленной исследователем парадигмой, при этом высок риск искажения фактического состояния организационной культуры, нивелируется ее уникальность в каждом конкретном случае [9]. Причиной такого риска является многокомпонентность организационной культуры, описанная разными авторами (К. С. Камерон, Д. Р. Эттингтон (*D. R. Ettington*), В. Сэйд (*V. Sathe*), Э. Х. Шейн, П. Коттер (*P. Kotter*), Дж. Л. Хескетт (*J. L. Heskett*), Д. А. Уэттен (*D. A. Whetten*)) в рамках отдельных концепций менеджмента. Среди количественных методов, созданных в рамках различных концепций, наибольшее распространение получили следующие: профиль организационной культуры (Ч. А. О'Райли (*C. A. O'Reilly*), Дж. Чэтмен (*J. Chatman*), Д. Ф. Колдуэлл (*D. F. Caldwell*), 1991), индекс организационной культуры (Дж. Х. Литвин (*G. H. Litwin*), Р. А. Стрингер (*R. A. Stringer*), 1968; С. А. Уоллок (*S. A. Wallach*), 1983), инвентаризация организационной культу-

ры, или ОЦИ (Р. А. Кук (*R. A. Cooke*), Дж. К. Лэффери (*J. C. Lafferty*), 1989), инструмент оценки организационной культуры, или ОСАИ (К. С. Кэмерон и Р. И. Куинн (*R. E. Quinn*), 1999; Р. И. Куинн и Г. М. Шпрайтцер (*G. M. Spreitzer*), 1991). Ни одна модель изучения организационной культуры не претендует на полноту ее оценки и контроля.

Достаточно известной методикой является опросник «Инвентаризация организационной культуры» (ОЦИ), согласно которому выделяют три типа организационной культуры: конструктивная, пассивная / оборонительная и агрессивная / оборонительная. К недостаткам ОЦИ относятся длительность опроса, необходимость частного анализа, невозможность внутренней организационной оценки.

За последнее десятилетие на первое место по частоте использования выходит такой инструмент оценки организационной культуры, как ОСАИ. Он основан на концепции конкурирующих ценностей (CVF). CVF состоит из четырех основных культурных типов: клан, адхократия, рынок, иерархия (бюрократия). Клановая культура гибкая, внутренне ориентированная на людей. Культура адхократии также гибка, но ориентирована внешне, на инновации и творчество. Рыночная культура имеет внешнюю направленность, но ценит стабильность и четкие результаты, цели и задачи. Культура иерархии, или бюрократии, высоко ценит стабильность и внутренне ориентирована на эффективность, надежность и четкие процедуры. Структура ОСАИ включает следующие компоненты: культурный тип, силу, стиль управления и конгруэнтность организационной культуры [9]. Доказано, что три из четырех культурных измерений (культурный тип, конгруэнтность и сила) имеют одинаково важное значение [16]. При оценке организационной культуры посредством ОСАИ респондент должен распределить 100 баллов между утверждениями, а также оценить шесть ключевых аспектов своей организационной культуры. Полученные данные затем отражаются в графическом профиле.

ОСАИ был использован для улучшения организационной культуры и планирования решений тысяч организаций, в том числе в таких сферах деятельности, как бизнес, образование и спорт; создан специальный ресурс (<https://www.ocai-online.com>), где широко освещаются результаты исследований с помощью ОСАИ [17; 18].

Для того чтобы уточнить диагностические границы метода ОСАИ для оценки организационной культуры в организациях (учреждениях) здравоохранения, нами было выполнено пилотное исследование, включавшее испытание оригинальной версии ОСАИ (2018 г.) с последующей адаптацией, и дальнейшее исследование посредством адаптированной версии организационной культуры на

примере учреждений здравоохранения Гродненской области (2019 г.). Мы придерживались авторского приема «двойного замера», когда опросник заполнялся дважды каждым респондентом на основе добровольного согласия анкетированных. В задачи пилотного исследования также входило изучение возможных организационно-методических проблем и ограничений при использовании ОСАИ в учреждениях здравоохранения.

При анализе результатов пилотного исследования нас интересовало: понятны ли медицинским работникам инструкция и текст вопросов, используемых в ОСАИ; каким образом оценка организационной культуры должна быть модифицирована в связи со спецификой труда в здравоохранении; существуют ли и как проявляются особенности видения организационной культуры различными категориями медицинских работников? Ответные листы заполнялись респондентами исключительно индивидуально и во всех случаях в присутствии исследователя. В испытании оригинальной версии ОСАИ приняли участие 50 человек, в том числе 20 врачей общей практики, 7 врачей-специалистов и 23 руководителя учреждений здравоохранения.

Как показало наблюдение за ходом сбора данных, при заполнении оригинальной версии затруднения возникали ввиду непонимания терминологии, формулировок, требуемой формы ответов, когда в каждом из шести блоков суждений необходимо было распределить вес в 100 баллов между четырьмя неальтернативными утверждениями, следуя логике. Часть респондентов механически поровну распределяли оценки между всеми суждениями. Это послужило причиной выбраковки 17 анкет, заполненных врачами общей практики, что составило 34 % от выборки пилотного исследования оригинальной версии ОСАИ (максимальный процент выбраковки первичного материала по всей выборке наблюдался у данной группы респондентов как во время пилотного исследования оригинальной версии ОСАИ, так и при проведении последующего исследования при помощи модифицированной версии данного опросника). Следует отметить, что руководители учреждений здравоохранения успешно справились с заполнением даже оригинальной версии при незначительной консультативной помощи интервьюера.

Вторая сложность при ответах на вопросы ОСАИ была связана с необходимостью отстраниться от собственного трудового поведения, деятельности ближайших коллег и сотрудников отделения и сконцентрироваться на суждениях о своем учреждении здравоохранения как бы со стороны. Третья сложность заключалась в том, что врачам – не руководителям было трудно увидеть желаемое будущее учреждения здравоохранения.

Основной вывод испытания оригинальной версии OCAI состоял в том, что эта методика может быть использована для анализа организационной культуры в отдельном учреждении здравоохранения, однако только в присутствии интервьюера и после текстовой адаптации с учетом специфики труда в учреждении здравоохранения.

Нами были выделены утверждения, которые при испытании оригинальной версии вызывали непонимание у респондентов, могли иметь двойное значение и приводили к сложностям в интерпретации смысла задания. Для каждого из них было предложено несколько адаптированных вариантов с учетом специфики терминологии в здравоохранении. Самым дискуссионным и проблемным у респондентов при испытании оригинальной версии опросника OCAI было словосочетание «стремление к победе на рынке» (блок «Стратегические цели»), экспертами предложен другой вариант – «стремление быть лучшими». Той или иной модификации в итоге подверглись утверждения из всех блоков опросника. Наибольшие изменения претерпели компоненты блоков «Стратегические цели» и «Критерии успеха», что обусловлено социальной направленностью деятельности учреждений здравоохранения. Чтобы минимизировать уклон интерпретации определенного слова из исходного термина, была проведена лингвистическая проверка, подтверждающая, что значение оригинального источника правильно передано и интерпретировано в модифицированной анкете. Эквивалентность содержания была установлена путем определения, имеет ли содержание каждого утверждения используемого инструмента одинаковое значение с учетом культуры и медицинской терминологии. Для установления эквивалентности контента были привлечены эксперты, и каждый пункт анкеты был оценен по 3-балльной шкале, где 3 – одно и то же значение в обеих версиях, 2 – почти одинаковое значение и 1 – разное значение в каждой версии. Далее был проведен корреляционный анализ оценок экспертов в целях доказательства неслучайности и согласованности их мнений. Все 24 утверждения оказались в приемлемом диапазоне. Для оценки внутренней согласованности был

применен метод Кронбаха. Коэффициент достоверности α варьировался от 0,79 до 0,92 для оригинальной версии OCAI и от 0,78 до 0,92 для авторской при применении обоих вариантов методики. По результатам корреляционного анализа установлена тесная связь ($r = 0,82$ – оригинальный вариант и $r = 0,84$ – авторский) между рыночной и иерархической культурой в обеих версиях, что показывает внутреннюю согласованность инструментария.

Адаптированная версия опросника OCAI представлена на рисунке. Ее применение у 80 респондентов позволило определить, что процент выбраковки бланков ответов резко снизился, составив 8,75 %. В дальнейший анализ включено 73 анкеты, что дало возможность выявить такие достоинства методики OCAI, как отсутствие привыкания к опросу при повторном предъявлении (из-за соотношения «весов»), возможность последующего обсуждения результатов опроса, непродолжительное время, затрачиваемое на анкетирование, быстрота и простота обработки результатов, наглядность представления результатов в виде профиля. Методика обеспечивает возможность идентификации организационной культуры в учреждении здравоохранения как в части выявления доминирующих ценностей сотрудников, так и в отношении оценки силы и внутренней согласованности организационной культуры.

Применение методики OCAI для исследований организационной культуры системы здравоохранения как сети всех организаций и кадров с последующим анализом усредненных профилей в качестве единственного инструмента изучения организационной культуры не имеет достаточного научного доказательства. Кросс-культурные исследования достоверности OCAI в Беларуси пока отсутствуют. В данном случае необходимы смешанные методы изучения организационной культуры: сочетание наблюдения, интервью, фокус-группы, опроса и (или) психологического тестирования, – которые позволят максимально объяснить дисперсию ошибок, добиться большей глубины в разработке конструкта организационной культуры, предоставят дополнительные возможности для анализа данных.

Заключение

Таким образом, применительно к системе здравоохранения организационную культуру следует рассматривать как совокупность поведенческих норм, общеорганизационных правил и ценностей, которыми отличаются работники данной организации и организация в целом, а социальную ответственность – как ответственность за роль в социуме, ответственность за способности и причинную ответственность. Социальная ответственность существует как

на корпоративном (ответственность организаций), так и на индивидуальном уровне (персональная ответственность). Адаптированная методика OCAI может рассматриваться как рекомендуемый метод для диагностики организационной культуры в отечественных организациях здравоохранения, также она пригодна к использованию в сравнительном анализе с данными, полученными при замерах посредством оригинальной версии OCAI в других странах.

Адаптированный к применению в системе здравоохранения Беларуси
инструмент оценки организационной культуры (OCAI)

Appendix

Adapted for use in the health care system of Belarus tool for assessing organizational culture (OCAI)

Уважаемый коллега! Данная методика предназначена для исследования представлений сотрудников о своем учреждении здравоохранения. Убедительная просьба ответить на все шесть вопросов, ничего не пропуская. Для этого потребуется примерно пять минут. На предложенные вопросы не существует ни правильных, ни неверных ответов.

Инструкция. Дайте, пожалуйста, оценку характера учреждения здравоохранения сегодня. Каждый из шести вопросов предполагает четыре альтернативы ответов. Распределите баллы 100-балльной оценки между этими четырьмя альтернативами в том весовом соотношении, которое в наибольшей степени соответствует Вашему учреждению здравоохранения. Наибольшее количество баллов давайте той альтернативе, которая более других напоминает Вашу организацию. Например, если при ответе на первый вопрос Вы полагаете, что альтернатива А очень напоминает Вашу организацию, альтернативы В и С в чем-то для нее одинаково характерны, тогда как альтернатива D едва ли вообще свойственна Вашей организации, то дайте 55 баллов альтернативе А, по 20 баллов альтернативам В и С и только 5 баллов альтернативе D. Обязательно убедитесь в том, что при ответе на каждый вопрос сумма проставленных Вами баллов равна 100.

Ваша должность, место работы:

1. Важнейшие характеристики		Действительное, на сегодняшний день
A	Учреждение здравоохранения уникально по своим особенностям. Оно подобно большой семье. Персонал выглядит имеющим много общего	
B	Учреждение здравоохранения очень динамично и открыто изменениям. Персонал готов жертвовать собой и идти на риск	
C	Учреждение здравоохранения ориентировано на результат. Главная забота — добиться выполнения задания. Персонал ориентирован на соперничество и достижение поставленной цели	
D	Учреждение здравоохранения жестко структурировано и строго контролируется. Действия персонала, как правило, определяются формальными процедурами	
Всего		100
2. Общий стиль лидерства в организации		
A	Общий стиль лидерства в учреждении здравоохранения представляет собой пример мониторинга, стремления помочь или научить	
B	Общий стиль лидерства в учреждении здравоохранения служит примером новаторства и склонности к риску	
C	Общий стиль лидерства в учреждении здравоохранения служит примером деловитости, агрессивности, ориентации на результаты	
D	Общий стиль лидерства в учреждении здравоохранения являет собой пример координации, четкой организации и планирования	
Всего		100
3. Управление кадрами		
A	Стиль управления в учреждении здравоохранения характеризуется поощрением коллективной, командной работы, единодушия и участия в принятии решений	
B	Стиль управления в учреждении здравоохранения характеризуется поощрением индивидуального риска, новаторства, свободы и самобытности	
C	Стиль управления в учреждении здравоохранения характеризуется высокой требовательностью, жестким стремлением к выполнению высоких плановых (целевых) показателей и конкурентоспособности	
D	Стиль управления в учреждении здравоохранения характеризуется гарантией занятости, требованием подчинения, предсказуемости и стабильности в отношениях	
Всего		100
4. Связующая сущность организации		
A	Учреждение здравоохранения связывают воедино преданность делу и взаимное доверие. Обязательность организации находится на высоком уровне	
B	Учреждение здравоохранения связывают воедино приверженность новаторству и совершенствованию. Акцентируется необходимость быть на передовых рубежах в оказании медицинской помощи	
C	Учреждение здравоохранения связывает воедино акцент на достижении цели и выполнении задачи. Быть первыми, лучшими – главная идея в организации	
D	Учреждение здравоохранения связывают воедино формальные правила и официальная политика. Важно поддержание рутинной деятельности организации	
Всего		100
5. Стратегические цели		
A	Учреждение здравоохранения заостряет внимание на гуманном развитии. Настойчиво поддерживаются высокое доверие, открытость и соучастие	
B	Учреждение здравоохранения акцентирует внимание на обретении новых ресурсов и решении новых проблем. Ценятся апробация нового и изыскание возможностей	
C	Учреждение здравоохранения акцентирует внимание на достижениях. Доминирует целевое напряжение сил и стремление быть лучшими	
D	Учреждение здравоохранения акцентирует внимание на неизменности и стабильности. Важнее всего контроль и стабильность всей деятельности	
Всего		100
6. Критерии успеха		
A	Учреждение здравоохранения определяет успех как развитие человеческих ресурсов, командной работы, увлеченности персонала делом и заботу о персонале	
B	Учреждение здравоохранения определяет успех как обладание уникальными или новейшими технологиями, квалифицированными кадрами, оборудованием, как лидерство и новаторство в здравоохранении	
C	Учреждение здравоохранения определяет успех как лидерство в оказании медицинских услуг	
D	Учреждение здравоохранения определяет успех как стабильность, последовательность выполнения планов, низкостратность	
Всего		100

СПАСИБО!

Уважаемый коллега! Данная методика предназначена для исследования представлений сотрудников о своем учреждении здравоохранения в будущем, о желаемом его виде и описании. Убедительная просьба ответить на все шесть вопросов, ничего не пропуская. Для этого потребуется примерно пять минут. На предложенные вопросы не существует ни правильных, ни неверных ответов.

Инструкция. Дайте, пожалуйста, оценку характера учреждения здравоохранения, желаемого Вами через пять лет. Каждый из шести вопросов предполагает четыре альтернативы ответов. Распределите баллы 100-балльной оценки между этими четырьмя альтернативами в том весовом соотношении, которое в наибольшей степени соответствует Вашему учреждению здравоохранения. Наибольшее количество баллов давайте той альтернативе, которая более других напоминает Вашу организацию. *Например, если при ответе на первый вопрос Вы полагаете, что альтернатива А очень напоминает Вашу организацию, альтернативы В и С в чем-то для нее одинаково характерны, тогда как альтернатива D едва ли вообще свойственна Вашей организации, то дайте 55 баллов альтернативе А, по 20 баллов альтернативам В и С и только 5 баллов альтернативе D.* Обязательно убедитесь в том, что при ответе на каждый вопрос сумма проставленных Вами баллов равна 100. Итак, попытайтесь представить себе, как должно выглядеть Ваше учреждение здравоохранения через пять лет.

Ваша должность, место работы: _____

1. Важнейшие характеристики		Желаемое, через 5 лет
A	Учреждение здравоохранения уникально по своим особенностям. Оно подобно большой семье. Персонал выглядит имеющим много общего	
B	Учреждение здравоохранения очень динамично и открыто изменениям. Персонал готов жертвовать собой и идти на риск	
C	Учреждение здравоохранения ориентировано на результат. Главная забота — добиться выполнения задания. Персонал ориентирован на соперничество и достижение поставленной цели	
D	Учреждение здравоохранения жестко структурировано и строго контролируется. Действия персонала, как правило, определяются формальными процедурами	
<i>Всего</i>		<i>100</i>
2. Общий стиль лидерства в организации		
A	Общий стиль лидерства в учреждении здравоохранения представляет собой пример мониторинга, стремления помочь или научить	
B	Общий стиль лидерства в учреждении здравоохранения служит примером новаторства и склонности к риску	
C	Общий стиль лидерства в учреждении здравоохранения служит примером деловитости, агрессивности, ориентации на результаты	
D	Общий стиль лидерства в учреждении здравоохранения являет собой пример координации, четкой организации и планирования	
<i>Всего</i>		<i>100</i>
3. Управление кадрами		
A	Стиль управления в учреждении здравоохранения характеризуется поощрением коллективной, командной работы, единодушия и участия в принятии решений	
B	Стиль управления в учреждении здравоохранения характеризуется поощрением индивидуального риска, новаторства, свободы и самобытности	
C	Стиль управления в учреждении здравоохранения характеризуется высокой требовательностью, жестким стремлением к выполнению высоких плановых (целевых) показателей и конкурентоспособности	
D	Стиль управления в учреждении здравоохранения характеризуется гарантией занятости, требованием подчинения, предсказуемости и стабильности в отношениях	
<i>Всего</i>		<i>100</i>
4. Связующая сущность организации		
A	Учреждение здравоохранения связывают воедино преданность делу и взаимное доверие. Обязательность организации находится на высоком уровне	
B	Учреждение здравоохранения связывают воедино приверженность новаторству и совершенствованию. Акцентируется необходимость быть на передовых рубежах в оказании медицинской помощи	
C	Учреждение здравоохранения связывает воедино акцент на достижении цели и выполнении задачи. Быть первыми, лучшими – главная идея в организации	
D	Учреждение здравоохранения связывают воедино формальные правила и официальная политика. Важно поддержание рутинной деятельности организации	
<i>Всего</i>		<i>100</i>
5. Стратегические цели		
A	Учреждение здравоохранения заостряет внимание на гуманном развитии. Настойчиво поддерживаются высокое доверие, открытость и соучастие	
B	Учреждение здравоохранения акцентирует внимание на обретении новых ресурсов и решении новых проблем. Ценятся апробация нового и изыскание возможностей	
C	Учреждение здравоохранения акцентирует внимание на достижениях. Доминирует целевое напряжение сил и стремление быть лучшими	
D	Учреждение здравоохранения акцентирует внимание на неизменности и стабильности. Важнее всего контроль и стабильность всей деятельности	
<i>Всего</i>		<i>100</i>
6. Критерии успеха		
A	Учреждение здравоохранения определяет успех как развитие человеческих ресурсов, командной работы, увлеченности персонала делом и заботу о персонале	
B	Учреждение здравоохранения определяет успех как обладание уникальными или новейшими технологиями, квалифицированными кадрами, оборудованием, как лидерство и новаторство в здравоохранении	
C	Учреждение здравоохранения определяет успех как лидерство в оказании медицинских услуг	
D	Учреждение здравоохранения определяет успех как стабильность, последовательность выполнения планов, низкокзатратность	
<i>Всего</i>		<i>100</i>

СПАСИБО!

Библиографические ссылки

1. Тищенко ЕМ, Гриб СН. Страховая медицина в Беларуси в 1920-е годы. *Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2006;2:93–94.
2. Тищенко ЕМ. Здравоохранение Западной Белоруссии в первые годы вхождения в состав БССР. *Журнал Гродненского государственного медицинского университета*. 2004;2:108–109.
3. Тищенко ЕМ, Стасюкевич ГД, Ерчик ВВ. Из истории страховой медицины в Западных областях Беларуси. *Бюллетень научно-исследовательского института социальной гигиены, экономики и управления здравоохранением имени Н. А. Семашко*. 1994;1:63–64.
4. Ермак СН, Тищенко ЕМ. Попытка введения медицинского страхования в Беларуси в 1943 г. В: Светлович ТГ, редактор. *Материалы 10-й Республиканской конференции по истории медицины и здравоохранения; 23 сентября 2004 г.; Минск, Беларусь*. Минск: РНМБ; 2004. с. 13–14.
5. Бергер П, Лукман Т. *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. Руткевич Е, переводчик. Москва: Медимум; 1995. 323 с.
6. Бурдье П. *Практический смысл*. Бикбов АТ, Вознесенская КД, Зенкин СН, Шматко НА, переводчики. Санкт-Петербург: Алетейя; 2001. 562 с. Совместное издание с «Институт экспериментальной социологии».
7. Смирнов ВЭ. Диалектика социального института. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2019;1:23–33.
8. Сурмач МЮ, Тищенко ЕМ. *Менеджмент в здравоохранении*. Гродно: ГрГМУ; 2007. 283 с.
9. Камерон К, Куинн Р. *Диагностика и изменение организационной культуры*. Токарев А, переводчик. Санкт-Петербург: Питер; 2001. 310 с.
10. Сурмач МЮ. *Социология медицины: предмет, методология и сферы применения в Республике Беларусь*. Гродно: ГрГМУ; 2016. 316 с.
11. Бергун ТВ, Бергун ДН. Современные проблемы менеджмента в здравоохранении. В: *Молодой ученый* [Интернет]. 2017 [процитировано 4 июня 2019 г.];22:416–418. Доступно по: <https://moluch.ru/archive/156/44144>.
12. Куринько РН. *Осваиваем КСО: просто о сложном*. Киев: Журнал «Радуга»; 2011. 204 с.
13. Белоусов КЮ. Современный этап эволюции концепции социальной ответственности. *Теория и практика общественного развития*. 2016;3:32–34.
14. Сурмач МЮ. Качество медицинской помощи как предмет медико-социологического изучения. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология*. 2018;4:109–116.
15. Наумцева ЕА. Самообучающиеся организации и организационное научение: ключевые понятия, модели, инструменты оценки. В: *Современные научные исследования и инновации* [Интернет]. 2016 [процитировано 25 марта 2019 г.];2. Доступно по: <http://web.snauka.ru/issues/2016/02/62862>.
16. Kim J, Egan T, Tolson H. Examining the dimensions of the learning organization questionnaire: a review and critique of research utilizing the DLOQ. *Human resource development review*. 2015;14(1):91–112. DOI: 10.1177/1534484314555402.
17. Suderman J. Using the organizational cultural assessment (OCAI) as a tool for new team development. *Journal of practical consulting*. 2012;4:52–58.
18. Rajasekar N, Padma RN. Organizational culture and its impact on organizational learning – a study on insurance companies. *International journal of research in commerce and management*. 2011;2(8):42–48.

References

1. Tishchenko EM, Grib SN. [Insurance medicine in Belarus in the 1920s]. *Problemy sotsial'noi gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*. 2006;2:93–94. Russian.
2. Tishchenko EM. [Health care of Western Belarus in the first years of joining the BSSR]. *Journal of the Grodno State Medical University*. 2004;2:108–109. Russian.
3. Tishchenko EM, Stasukevich GD, Erchik VV. [From the history of insurance medicine in the Western regions of Belarus]. *Byulleten' nauchno-issledovatel'skogo instituta sotsial'noi gigieny, ekonomiki i upravleniya zdravookhraneniem imeni N. A. Semashko*. 1994;1:63–64. Russian.
4. Ermak SN, Tishchenko EM. [An attempt to introduce health insurance in Belarus in 1943]. In: Svetlovich TG, editor. *Materialy 10-i Respublikanskoi konferentsii po istorii meditsiny i zdravookhraneniya; 23 sentyabrya 2004 g.; Minsk, Belarus'* [Proceedings of the 10th Republican conference on the history of medicine and health; 2004 September 23; Minsk, Belarus]. Minsk: Respublikanskaya nauchnaya meditsinskaya biblioteka; 2004. p. 13–14. Russian.
5. Berger P, Lukman T. *Sotsial'noe konstruirovaniye real'nosti. Traktat po sotsiologii znaniya* [Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge]. Rutkevich E, translator. Moscow: Medium; 1995. 323 p. Russian.
6. Bourdieu P. *Prakticheskii smysl* [Practical sense]. Bikbov AT, Voznesenskaya KD, Zenkin SN, Shmatko NA, translators. Saint Petersburg: Aleteiya; 2001. 562 p. Co-published by the Institut eksperimental'noi sotsiologii. Russian.
7. Smirnov VE. Dialectics of social institute. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2019;1:23–33. Russian.
8. Surmach MY, Tishchenko EM. *Menedzhment v zdravookhraneni* [Management in health care]. Grodno: Grodno State Medical University; 2007. 283 p. Russian.
9. Cameron K, Quinn R. *Diagnostika i izmeneniye organizatsionnoi kul'tury* [Diagnosing and changing organizational culture]. Tokarev A, translator. Saint Petersburg: Piter; 2001. 310 p. Russian.
10. Surmach MY. *Sotsiologiya meditsiny: predmet, metodologiya i sfery primeneniya v Respublike Belarus'* [Sociology of medicine: subject, methodology and fields of application in the Republic of Belarus]. Grodno: Grodno State Medical University; 2016. 316 p. Russian.
11. Begun TV, Begun DN. [Modern problems of management in health care]. In: *Young scientist* [Internet]. 2017 [cited 2019 June 4];22:416–418. Available from: <https://moluch.ru/archive/156/44144>. Russian.

12. Kurin'ko RN. *Osvaivaem KSO: prosto o slozhnom* [Master the CSR: simply about the complex]. Kiev: Zhurnal «Raduga»; 2011. 204 p. Russian.
13. Belousov KYu. The current stage of the social responsibility concept evolution. *Theory and practice of social development*. 2016;3:32–34. Russian.
14. Surmach MY. Quality of medical services as a subject of medical-sociological study. *Journal of the Belarusian State University. Sociology*. 2018;4:109–116. Russian.
15. Naumtseva EA. Learning organization and organizational learning: key concepts, models, assessment tools. In: *Modern research and innovation* [Internet]. 2016 [cited 2019 March 25];2. Available from: <https://web.snauka.ru/issues/2016/02/62862>.
16. Kim J, Egan T, Tolson H. Examining the dimensions of the learning organization questionnaire: a review and critique of research utilizing the DLOQ. *Human resource development review*. 2015;14(1):91–112. DOI: 10.1177/1534484314555402.
17. Suderman J. Using the organizational cultural assessment (OCAI) as a tool for new team development. *Journal of practical consulting*. 2012;4:52–58.
18. Rajasekar N, Padma RN. Organizational culture and its impact on organizational learning – a study on insurance companies. *International journal of research in commerce and management*. 2011;2(8):42–48.

Статья поступила в редколлегию 17.07.2019.
Received by editorial board 17.07.2019.

УДК 316.334.23

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕХНОЛОГИИ ИЗУЧЕНИЯ СЕМЕЙНОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

И. А. АНДРОС¹⁾, С. Н. БУРОВА¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет,
пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Проводится анализ теоретических основ социологического изучения семьи как субъекта экономических отношений. Авторы исходят из того, что социологическая технология имеет сложный характер и включает следующие этапы: выявление наиболее актуальной проблемы общества, ее теоретический анализ, проведение эмпирического исследования и разработка практических рекомендаций по улучшению ситуации в конкретной социальной сфере. Семейные предприятия – это основа, на которой держатся многие развитые экономики мира. Авторы рассматривают зарубежные теории об экономической сущности семьи, социологические подходы к пониманию семьи советскими исследователями, возрождение семейного предпринимательства в СССР и его современное состояние в Беларуси. Таким образом, создана теоретическая база для разработки методологического раздела программы эмпирического социологического исследования перспектив развития семейного предпринимательства в Республике Беларусь.

Ключевые слова: семья; экономическая функция семьи; предпринимательские отношения; семейное предпринимательство; социологическая технология.

THEORETICAL ASPECTS OF THE SOCIOLOGICAL TECHNOLOGY OF STUDYING FAMILY ENTREPRENEURSHIP

I. A. ANDRAS^a, S. N. BUROVA^a

^aBelarusian State University,
4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

Corresponding author: I. A. Andras (androsita@tut.by)

The article analyzes the theoretical foundations of a sociological study of the family as a subject of economic relations. The authors proceed from the fact that sociological technology is complex and includes the steps of identifying the most pressing problems of society, its theoretical analysis, empirical research and the development of practical recommendations for improving the situation in a particular social sphere. Family businesses are the foundation upon which many developed economies of the world hold. The authors consider foreign theories about the economic nature of the family, sociological

Образец цитирования:

Андрос ИА, Бурова СН. Теоретические аспекты социологической технологии изучения семейного предпринимательства. Журнал Белорусского государственного университета. Социология. 2019;3:96–106.

For citation:

Andras IA, Burova SN. Theoretical aspects of the sociological technology of studying family entrepreneurship. Journal of the Belarusian State University. Sociology. 2019;3: 96–106. Russian.

Авторы:

Ирина Александровна Андрос – кандидат социологических наук, доцент; ведущий научный сотрудник кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Светлана Никифоровна Бурова – кандидат юридических наук, доцент; доцент кафедры социологии факультета философии и социальных наук.

Authors:

Iryna A. Andras, PhD (sociology), docent; leading researcher at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
androsita@tut.by

Svetlana N. Burova, PhD (law), docent; associate professor at the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences.
svetic45@mail.ru

approaches to family understanding by Soviet researchers, the revival of family entrepreneurship in the USSR and its current state in Belarus. Thus, a theoretical basis has been created for the development of a methodological section of the program for the empirical sociological study of the prospects for the development of family entrepreneurship in the Republic of Belarus.

Keywords: family; economic function of the family; business relations; family entrepreneurship; sociological technology.

Актуальность темы

В наши дни заняться предпринимательской деятельностью может практически каждый индивид, желающий обеспечить более высокий материальный доход себе и своей семье. Кроме того, предпринимательство позволяет раскрыть в полном объеме инициативу, реализовать творческие амбиции, повысить уровень жизни, дать детям возможность получить лучшее образование. Однако, стремясь добиться успеха и стабильности в собственном деле, много и напряженно работая, посвящая все свое время бизнесу, предприниматели часто, наоборот, начинают игнорировать интересы своей семьи. Постепенное отдаление от семьи, снижение общения с родными и близкими ведет к семейным конфликтам, а в дальнейшем и к краху семейных отношений. Но бывает, что для многих успешных предпринимателей трудной задачей становится именно создание брака и семьи. Одним из возможных вариантов решения проблемы выстраивания отношений в семье, где один из супругов является предпринимателем, может стать правильное распределение времени между бизнесом и семьей. Но есть еще один эффективный способ, который не отторгает, а вовлекает и объединяет близких родственников, – семейное предпринимательство. Личные и профессиональные отношения в рамках семейного частного предприятия могут оказаться настолько успешными,

что в итоге возникают целые предпринимательские династии. Международный опыт развития предпринимательства показывает, что семейные предприятия – это основа, на которой держатся многие развитые экономики Западной Европы, Юго-Восточной Азии и Америки. Из семейных предприятий выросли такие крупные корпорации, как *Volkswagen* (Германия), *Roche* (Швейцария), *Groupe PSA* (Франция), *Samsung Group*, *LG Group*, *Hyundai Motor Company* (Южная Корея), *Ford Motor Company* (США) и др. По оценке аналитиков, доля семейных предприятий в малом предпринимательстве составляет в среднем 68 % [1]. В СССР во времена перестройки семейный бизнес начинали от безысходности, поскольку не было партнеров, которым можно было доверять. Но сегодня к предпринимателям бывшего Советского Союза приходит понимание того, что семейное предприятие – это новые возможности членов семьи для совместного профессионального и личностного роста [2]. Возникает дилемма: с одной стороны, современная семья уже не имеет функции основной производственной ячейки общества, а с другой – участие семьи в предпринимательских отношениях вынуждает ее членов активизировать разработку стандартов и норм экономического поведения, которые удовлетворяли бы общественные потребности.

Исследовательский подход

В самом широком и общепринятом смысле *технология* представляет собой применение научного знания для решения практических задач. Это совокупность способов, приемов и инструментов для достижения желаемого результата. *Социальная технология* – это последовательность стадий социального взаимодействия, в процессе которого каждый субъект, участвующий во взаимодействии, реализует собственную стратегию по формированию социальной действительности. Как пишет Л. И. Кононова, «социальные технологии отличаются по основным признакам: они направлены на удовлетворение потребностей человека; рождаются в повседневной жизни или создаются специально и являются инструментом управления; имеют правовое регулирование; могут быть четко алгоритмизированы (законом, инструкцией) или носить

творческий характер; направлены на преобразование общества в целом или процессов, явлений, отношений между людьми, сознания и подсознания человека» [3, с. 871–872].

Социология близка социальной работе в части направленности на изучение реального состояния дел в социуме и проведение эмпирических замеров социальных отношений с непосредственным контактом с носителями информации по определенной социальной проблеме.

Семейное предпринимательство – это та область белорусской реальности, которая мало изучена, но вместе с тем нуждается в теоретическом осмыслении и эмпирическом социологическом исследовании как экономический ресурс и дополнительная возможность упрочения семейных групп.

Социологическая технология представляет собой процесс применения научного знания для решения актуальных практических задач, стоящих перед обществом. Это последовательность процедур, включающая выявление и изучение наиболее острых социальных проблем, их теоретическое осмысление, проведение эмпирических социологических исследований с использованием совокупности методов сбора, обработки и анализа информации, которая впоследствии предоставляется заинтересованным структурам для обдумывания и принятия управленческого решения. Таким образом, *социологическая технология* состоит из нескольких этапов: 1) инициированное социологами обнаружение острых социальных вопросов; 2) их теоретическое рассмотрение и создание методологии прикладного эмпирического исследования; 3) подготовка программы эмпирического исследования; 4) сбор социологической информации; 5) интерпретация полученных результатов и формулирование выводов; 6) разработка адресных практических рекомендаций по улучшению изученной ситуации на основании полученных данных. На последнем этапе социологам-аналитикам нужно сотрудничать с практиками в сфере управления, чтобы в случае необходимости быть для них полезными консультантами. Подчеркнем, что *теоретический анализ* в этом ряду процедур занимает важнейшее место, поскольку определяет основы методологии будущего эмпирического исследования, однако им не исчерпывается понятие *социологической технологии*. В нашем случае это системный анализ семьи как социального института, теоретическое постижение экономической стороны ее деятельности в историческом континууме.

Требования, которые предъявляются к социологической информации, полученной с помощью социологических технологий, – достоверность, адекватность, объективность, полнота и *обязательная практическая польза*. Именно эти качества обеспечивают ее надежность при принятии управленческих решений. В этом отношении понятие «социологическая технология» более широкое, чем понятие «социологическое исследование», которое включает четыре этапа деятельности: методологическую и организационную подготовку, полевой этап сбора информации, ее обработку и анализ.

В данной статье излагается *теоретический анализ экономической сущности семьи как важнейший элемент социологической технологии изучения се-*

мейного предпринимательства, поскольку именно семья представляет интерес как субъект такой деятельности. Данный анализ – необходимая предварительная фаза перед началом эмпирического исследования перспектив развития семейного бизнеса в нашей стране, которое планируется провести среди студенческой молодежи Беларуси в целях изучения факторов (прежде всего семейных и личностных), влияющих на раскрытие предпринимательского потенциала молодых людей.

Семья как социальный институт возникает в результате супружества, кровнородственной связи или усыновления/удочерения ребенка. Полной традиционной семье присущи супружеские, родительские и родственные связи. Родство объединяет более широкую общность индивидов, чем семья. Родственные связи – это отношения между индивидами, основанные на происхождении от общего предка или возникшие в результате заключения брака, организующие социальные группы и роли. Родственники – это лица, находящиеся в отношениях родства. В настоящий момент в Беларуси существует большое разнообразие семейных форм, которые могут возникнуть на супружестве, родительстве, родстве или юридическом договоре либо на разном сочетании этих оснований. В контексте семейного предпринимательства мы исходим из того, что семья, брак, родство – это взаимосвязанные социальные институты и что разнообразие современных семейных форм велико. Близкое родство ст. 60 Кодекса Республики Беларусь о браке и семье определяет как «отношения, вытекающие из кровного родства между родителями и детьми, братьями и сестрами, дедом, бабушкой и внуками»¹.

В современном обществе больше нуклеарных семей, где есть только два поколения: родители и дети. Типичная белорусская семья – двое родителей и один-два ребенка. Распространившаяся малодетность приводит к тому, что дети не приобретают опыта семейного общения с равными себе. Уменьшение численного состава семьи ведет, с одной стороны, к значительному обеднению внутрисемейных отношений, а с другой – к максимальному удовлетворению потребностей наследника, включая развитие творческих задатков и получение престижного образования. Городских семей большинство, так как городское население в Беларуси составляет 78 %². Жизнь в городе характеризуется разьединенностью семьи и работы. Члены городских семей, как правило, находятся вместе

¹Кодекс Республики Беларусь о браке и семье от 9 июля 1999 г. № 278-З [Электронный ресурс]. URL: <http://kodeksy.by/static/kodeks-o-brake-i-semie.pdf> (дата обращения: 23.01.2019).

²2018 год в Беларуси – год малой родины. Материал подготовлен Информационно-аналитическим центром при Администрации Президента Республики Беларусь на основе сведений республиканских органов государственного управления [Электронный ресурс]. URL: https://fsc.bsu.by/wp-content/uploads/2018/03/inf_material_2018_03.pdf (дата обращения: 19.02.2019).

лишь в вечернее и ночное время суток, а днем расходятся по своим делам. В таких условиях совместная семейная деятельность очень ограничена, поэтому семья становится менее прочной.

На первом этапе выполняемого нами проекта³ исследовательский интерес представляет анализ теоретических подходов к семье, где акцент сделан на изучении ее экономической функции, а имен-

но: участия в общественном производстве, ведения домашнего хозяйства, формирования семейного бюджета, организации потребительской деятельности. Успешность выполнения данной функции определяется степенью финансовой удовлетворенности членов семьи, которая у каждого из них может быть разной.

Ретроспектива зарубежных теорий об экономической сущности семьи

Согласно теории функционализма, семья является стабильным элементом общества, одной из его частей и рассматривается в плане ее функций, удовлетворения определенных социальных потребностей. Представители данной теории У. Огборн и М. Нимкофф предложили концепцию «перехвата» семейных функций другими социальными институтами, послужившего основной причиной дестабилизации семьи [4]. О том, что российская семья одну за другой теряет свои функции, еще в 1916 г. писал и всемирно известный сегодня социолог П. А. Сорокин [5]. В процессе модернизации общества семья либо утратила многие свои функции, либо значительно их изменила. Суть экономической функции семьи в аграрном патриархальном обществе заключалась в том, что в ведении сельского хозяйства участвовали все члены семьи, обязанности которых распределялись в соответствии с их возрастом и полом. Возникновение и развитие промышленного производства переориентировало труд мужчин на зарабатывание финансовых средств вне дома, а женщины продолжали заниматься домашним хозяйством и воспитанием детей. В итоге экономическая роль семьи стала сводиться к трате денег, заработанных мужчиной. Теоретики функционализма представляли семью как единое целое, абсолютизируя внутрисемейную солидарность, не учитывая существования различий в интересах членов семьи и возникновения в связи с этим конфликтных ситуаций.

Теории конфликта объясняют семейные структуры с различных позиций, например как порядок распределения власти внутри семьи. Власть понимается как право и возможность изменять, управлять или воздействовать на поведение социальных субъектов, появляющиеся в результате взаимодействия двух или более социальных субъектов. Проблемы управления семьей и механизм принятия решений внутри семьи положены в основу так называемой теории семейной власти. Право принимать решения напрямую зависит от уровня дохода каждого из членов семьи, его об-

разования, работы и других факторов. Тем самым обладание большими материальными средствами позволяет определенным членам семьи иметь большую власть. На этом основании социологи Р. Блад и Д. Вульф предложили классификацию семей американского типа, учитывающую различия в моделях управления бюджетом и характере принимаемых решений в экономической сфере жизни: автономная власть, власть мужа, власть жены и синкретическая власть. Если автономная власть предполагает, что решения принимаются на основе компромисса, то синкретическая – на основе принятия самостоятельности каждого из супругов [6]. Однако Р. Блад и Д. Вульф не учитывали роль детей в принятии решений, а именно те случаи, когда наследники становились основными кормильцами семьи. Поэтому здесь следует говорить не о семейной, а о супружеской власти. На распределение власти внутри семьи может влиять любовь. Более любящий супруг имеет меньше власти, поскольку находится в большей психологической зависимости. Равномерную власть в семье обычно имеют супруги, любящие друг друга в одинаковой степени. Поскольку жена по отношению к мужу проявляет любовь, как правило, в большей мере, то брак анализируется с позиций обмена: жена отдает любовь за доступ к социально-экономическим благам, которых больше у мужа [7]. В семейном исследовании К. Сафилиоса-Ротшильда, проведенном в Афинах (Греция) и Детройте (США), также отмечалось, что в греческом обществе очень небольшой процент женщин имеет высокие образовательные, финансовые и статусные ресурсы, а следовательно, для большинства гречанок вероятность успеха в претензиях на власть в отношениях крайне мала. В то время как в американском обществе происходящие социально-психологические и социально-структурные изменения предоставляют женщинам более широкий доступ к статусу и доходам. Отметим, что теория семейной власти рассматривается в рамках «принципа наименьшего интереса» [8], когда социальные субъекты редко любят друг друга одинаково, но

³НИР «Условия функционирования и перспективы развития семейного предпринимательства в Республике Беларусь» (грант БРФФИ № Г18-115, 2018–2020 гг., руководитель – доктор социологических наук, доцент О. В. Кобяк).

в реальности не признают, что это так. Дополнительно на возникновение конфликтов влияет принадлежность супругов к определенному социальному классу или слою, которая обуславливает их материальное благосостояние. По данным Р. Блада и Д. Вульфа, в более состоятельных семьях конфликты чаще связаны с проблемами внутри супружеских отношений, в менее материально обеспеченных – с финансовыми трудностями.

Марксизм как одно из направлений конфликтологического подхода рассматривает семью в капиталистическом обществе с позиций конфликта на уровне «большого общества», в котором все неимущие, в том числе женщины и дети, должны работать. В семьях рабочего класса женский труд используется вне дома наравне с мужским в целях зарабатывания средств для выживания семьи, а детский – становится товаром и орудием труда. «Однако не злоупотребление родительской властью создало прямую или косвенную эксплуатацию незрелых рабочих сил капиталом, а, наоборот, капиталистический способ эксплуатации, уничтожив экономический базис, соответствующий родительской власти, превратил ее в злоупотребление. Но как ни ужасно и ни отвратительно разложение старой семьи при капиталистической системе, тем не менее крупная промышленность, отводя решающую роль в общественно организованном процессе производства вне сферы домашнего очага женщинам, подросткам и детям обоего пола, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношений между полами» [9, с. 500]. В марксистской интерпретации единобрачие (моногамия) после перехода в результате революции средств производства в общественную собственность приобретет социалистическую форму, в которой господство мужчин с их экономическим интересом передать нажитое имущество своим детям отсутствует, а женщины освобождаются ввиду исчезновения домашнего хозяйства как отжившей формы быта. Фактическое равенство между полами становится социальным основанием брака.

Семья как «место борьбы» представлена в марксистско-феминистском варианте теории конфликта [10]. Х. Хартманн считает, что поскольку капиталистическая патриархальная система является главной причиной накопления экономических средств в руках капиталистов и мужчин, то семья представляется как место, где происходит постоянное выяснение отношений: кто должен зарабатывать деньги, кто обязан вести домашнее хозяйство и воспитывать детей, какую часть доходов семья должна передавать государству в форме налогов и т. д. Иными словами, основная функция семьи – это экономическое производство и перераспределение материальных благ, во время которых воз-

никают конфликты на почве различий в интересах членов семьи. В радикальном феминизме отношения в патриархальной семье – это политические отношения, где мужчины властвуют, а женщины им подчиняются [11]. Согласно К. Миллет, мужской мир и женский – это, в сущности, две культуры с совершенно разным жизненным опытом, поэтому семья представляет собой антагонистическое образование, где доминируют непримиримые противоречия и отсутствует какая-либо солидарность. По мнению К. Миллет, семья, являясь неким подразделением правительства патриархального государства, которое управляет своими гражданами при помощи глав семей, в итоге становится основным орудием подавления личности. Представители социалистического феминизма подвергают критике основной тезис радикального феминизма, согласно которому единственным источником угнетения женщин выступает патриархат. Социал-феминисты объясняют дискриминацию женщин классовым антагонизмом внутри общества, в котором женщины – это дешевая рабочая сила, «резервная армия» труда. Сторонники социалистического феминизма обращают внимание на эксплуатацию капиталистами не только женщин и мужчин, но и других групп населения (детей, студентов). Но основной акцент сделан на преодолении гендерного неравенства путем принятия мер против социальных, культурных и экономических источников притеснения женщин.

Появившаяся на Западе во второй половине XX в. новая экономическая теория домашнего хозяйства интерпретирует рыночную и нерыночную деятельность семьи в формате экономической полезности принятых решений (например, вступить в брак, родить детей, разделить домашние обязанности между супругами, определить степень участия в зарабатывании денег, развестись и т. д.). Г. Беккер выдвигает теорию распределения времени, в которой принятие решений в домашнем хозяйстве основано на объединении функции спроса на товары (А. Маршалл) и трудовые ресурсы [12]. Данный подход существенно изменяет понимание сущности поведения домашних хозяйств. Семья – это производственная единица из нескольких индивидов, которая максимизирует полезность поведения и увеличивает экономическую функцию по производству товаров в определенное время, учитывая и применяя знания и навыки членов семьи. Экономика семьи представляет собой аналог экономики предприятий, но только в меньшем размере. Родоначальник современной экономики труда Дж. Минсер анализирует трудовое участие замужних женщин в формировании человеческого капитала, применяя уравнения, моделирующие заработную плату как функцию человеческого капитала

в статистической оценке [13]. Минсер определяет образование и опыт работы, в которых учитывается и семейный вклад, как основные показатели человеческого капитала. Представители новой экономической теории домашнего хозяйства считают, что семья, как важнейший элемент системы социально-экономических отношений и общественного воспроизводства, первостепенно влияет на экономический рост стран и динамику всех социально-экономических процессов. Тот же Г. Беккер, являясь одним из основоположников теории человеческого

капитала, делает вывод, что основой экономики домашнего хозяйства, которая изучает потребление и трудовые ресурсы, выступают семейные решения, принимаемые не индивидом, а домохозяйством, семьей [14]. Итак, в рамках новой экономической теории домашнего хозяйства Г. Беккер создал модель производительного домашнего хозяйства, описывающую, как в нем комбинируется время членов семьи с приобретаемыми на рынке товарами для дальнейшего получения наиболее желаемых результатов или продуктов.

Советская социология семьи и возрождение семейного предпринимательства

Советская социология семьи интересна тем, что отражает понимание учеными того времени нашей истории в XX в. и представляет трактовку того, что происходило в стране в советский период. При этом нужно учитывать, что в советское время социология была монопарадигмальной наукой, а единственной приемлемой методологией для общественных дисциплин являлся марксизм-ленинизм как политизированная социальная теория.

В СССР социология семьи опиралась в основном на концепцию общественно-функционального понимания семьи [15]. Структура советской семьи, ее функции и роль в социальной жизни взаимообусловлены и вместе с тем относительно самостоятельны. В Советском Союзе изменение структуры, ролей и функций семьи происходит под влиянием социально-экономического и культурного развития всего общества. Поэтому при социализме семья находится в гораздо большем «равновесии» и единстве, чем при капитализме. Ведущий социолог-фамилист СССР А. Г. Харчев определял противоречивый характер социальной функции, зависящий от природы, общества и семьи. С одной стороны, эта функция отражает связь семейной группы с обществом, а с другой стороны, показывает направленность ее деятельности. Изменившееся экономическое положение советского общества и советской семьи к 1970-м гг. отражается на хозяйственной деятельности семейных коллективов. Домашнее хозяйство всегда считалось предназначением и «естественным» занятием женщины. Однако уже при капиталистическом строе женщины массово вовлекаются в профессиональный труд и экономическое обеспечение семьи. Хотя мужчины и женщины начали отдавать работе вне дома практически одинаковое количество времени, домашний труд по-прежнему остается уделом женщин. Мужчины очень медленно и неохотно включаются в хозяйственные заботы и уход за детьми. Это, как считает А. Г. Харчев, наиболее зрелые в моральном плане мужчины, рассматривающие свое отношение к традиционному домашнему разделению обязанностей. Связь меж-

ду экономикой и психологической сферой, экономической деятельностью и воспитанием в семье проявляется на семейно-бытовом и общественном уровнях. Репродукция является имманентной функцией семьи, но ее роль не сводится лишь к биологическому воспроизводству населения. Семья должна не только рожать, но и воспитывать детей. При этом, по мнению А. Г. Харчева, семейное воспитание является частью всего социального воспитания. Он подчеркивает, что дети обязаны приобщаться к посильному труду, способствующему формированию их коллективистских качеств, нравственному развитию. Семейное воспитание не является частным делом родителей, оно не должно отрываться от общественных интересов. В принципе, А. Г. Харчев развивает тезис Ф. Энгельса о тесной связи производства и воспроизводства непосредственной жизни (деторождения) в интересах функционирования общества. Однако он не был догматиком. Посмертной публикацией А. Г. Харчева является статья «Социалистическая революция и семья» [16], которая была напечатана в журнале «Социальные исследования» спустя 7 лет после его кончины. В ней автор изложил переосмысленное им в конце жизни видение влияния Октябрьской революции на брачно-семейные отношения в России. Харчев сделал вывод, что произошло разрушение семьи как хранительницы традиционной русской культуры, сложившегося быта; была утрачена преемственность поколений, связь исторических времен. Проанализировав теорию российской революционерки А. Коллонтай о замене «семейных связей производственно-коллективными», он утверждал, что идеалы большевиков по поводу возвышения роли общественного воспитания и обобществления быта принижали роль семьи и оказались ложными, не оправдали ожиданий.

Сегодня принято считать, что в Советском Союзе было официальное и неофициальное предпринимательство. При этом термин «предпринимательство» не использовался по идеологическим причинам. Официальное предпринимательство как

«экономическая инициатива советских граждан» представляло собой коллективную деятельность, которая приносила пользу обществу. Это были высокоприбыльные народные промыслы и ремесла (например, рыболовство, сбор кедровых орехов, роспись по дереву, в Беларуси – соломоплетение), строительная активность, которые имели большой экономический эффект для государства и общества. Неофициальным предпринимательством занимались граждане, чья деятельность не решала крупных социально-экономических проблем и поэтому не получала государственной поддержки и общественного одобрения. Нелегальные предприниматели преследовались и привлекались к уголовной ответственности [17].

В середине 1980-х гг., ввиду перестроечных процессов и связанного с этим возрождения инициативной деятельности советских граждан, в обществе назревает необходимость иметь точное представление об индивидуальном хозяйстве, в том числе и по причине возникновения семейных фермерских хозяйств. Прибалтийские ученые предложили подход, в котором индивидуальное хозяйство включает в себя ряд составных частей, рассматриваемых как элементы отраслевых подсистем: 1) домашнее хозяйство; 2) личное подсобное хозяйство (ЛПХ); 3) индивидуальное строительство; 4) индивидуально-бытовое обслуживание; 5) кустарно-ремесленное производство [18]. Основная задача домашнего хозяйства – обеспечение личного потребления. И в середине 1980-х гг. объем домашней работы не уменьшается, а растет [19]. Это объясняется недостаточным развитием сферы обслуживания, а также увеличением денежных доходов и, следовательно, потребностей, что приводит к появлению новых видов деятельности (уход за приборами, автомашинами, садовыми домиками и т. д.). В поддержку домашнего хозяйства говорится о его роли в восстановлении уважительного отношения к домашнему труду и в формировании нравственных качеств личности. ЛПХ, как правило, имеют семьи, в чьем пользовании находятся земельные участки. В 1983 г. в СССР личное подсобное хозяйство вели 46,6 млн

семей колхозников, рабочих и служащих, они использовали 8,5 млн га земли и производили более четверти всей сельскохозяйственной продукции [20, с. 3, 5]. В предперестроечные годы материально-техническое снабжение и организационные моменты серьезно препятствуют расширению индивидуального строительства. В 1984 г. индивидуальное строительство составляет всего 11 % от общего числа сданных в эксплуатацию квартир [21, с. 437, 440]. Что касается индивидуально-бытового обслуживания, то в стране растет количество договоров между гражданами, готовыми оказать населению услуги, и финансовыми органами. В результате заметно улучшается положение в сфере обслуживания транспорта, ремонта теле- и радиоаппаратуры, одежды, обуви, сдачи в аренду жилых помещений на курортах. Кустарно-ремесленное производство связано преимущественно с изготовлением изделий непродовольственного характера: одежды, мебели, кухонного оборудования, садово-огородного инвентаря, детских игрушек и т. д. Надомничество является одновременно и формой индивидуальной трудовой деятельности, и частью планомерно организованного крупного общественного производства. Индивидуальная трудовая деятельность играет заметную роль в семьях творческой интеллигенции, которые изготавливают различные предметы искусства, художественные изделия.

В перестроечные годы основным мотивом ведения личного подсобного хозяйства была установка (независимо от возраста) в первую очередь обеспечить семью продуктами питания и лишь затем увеличить ее денежные доходы [22, с. 10]. Помехой развитию частной инициативы на земле стала проводившаяся длительное время политика ограничения ЛПХ как «частнособственнического» института. Начиная с середины 1980-х гг. наблюдается тенденция к ослаблению чисто экономической функции хозяйств и усилению социальной, прежде всего рекреационной, функции [23]. До сих пор ЛПХ в основном выступает источником дополнительных, а не основных доходов семьи.

Современные подходы к изучению экономической роли домашнего хозяйства

Трансакционный подход расширяет и обобщает новую экономическую теорию домашнего хозяйства, признавая важность внутренней структуры и организации. Если в новой экономической теории домашнего хозяйства внимание концентрируется исключительно на производстве в рамках семьи, то в трансакционном подходе семья рассматривается как «управляемая структура», эффективность которой оценивается экономической деятельностью и процессом распределения внутри семьи [24].

«Во-первых, фокусируя внимание на способности семьи создавать мотивацию и контролировать поведение, а также на том, как эти способности различаются в зависимости от вида деятельности и типа общества, трансакционный анализ вносит ясность в вопрос о том, какие виды деятельности будут выполняться в семье. Во-вторых, подчеркивая роль институтов в построении сложных долгосрочных отношений, трансакционный подход к контрактным соглашениям проливает свет на распределе-

ние ресурсов внутри семьи» [24, с. 54–55]. Р. Поллак подчеркивает важность «переговоров» между членами семьи, выделяет преимущества и недостатки семейной организации в области мотивации и контроля, указывает на особую роль «альтруизма» и «семейной лояльности» (разрастание конфликтов, терпимость к «трутям», неравные позиции партнеров и невозможность реализовать экономию на масштабах). Основной вывод транзакционного подхода состоит в том, что если определенные виды деятельности могут выполняться институтами, ориентированными на эффективность или минимизацию издержек, то в конечном счете баланс этих преимуществ/недостатков определяет, какой деятельностью будет заниматься семья, а какой – фирмы, некоммерческие организации, государство.

Изучив гендерный баланс власти в американской семье, Р. Бламберг и М. Колеман приходят к заключению, что финансовые ресурсы имеют решающее значение в распределении экономических ролей в домашнем хозяйстве, и презентуют три основные модели управления финансами в домохозяйстве: 1) доминирующий доход одного из супругов; 2) пропорциональность доходов супругов; 3) независимый бюджет супругов [25].

Появившаяся в конце XX – начале XXI в. теория естественной семьи А. Карлсона [26] в контексте нашей темы важна и интересна отношением автора и его сторонников к объединению членов семейного коллектива в рамках совместного выполнения экономической (производственной) функции. «Естественная» означает не близость к природе или биологическое происхождение моногамии, а трактуется в сугубо социальном смысле исторического становления социальных институтов. А. Карлсон противопоставляет теорию естественной семьи эволюционно-прогрессистской теории ее развития, согласно которой все в обществе (в том числе и семья) изменяется в лучшую сторону. «Естественная семья» – это ячейка, которая выполняет экономическую функцию объединением близких и кровнородственных людей. А. Карлсон не только теоретик, но и общественный деятель (широко пропагандирует свои взгляды) и практик [27]. Его многодетная семья придерживается идей, заложенных в его теории. Заметим, что подобным образом живут сотни тысяч семей в США. Семья в качестве социального института участвует в социальном процессе изменений, где часто то, что

было причиной, оборачивается следствием в иной период времени. Распространение городского образа жизни разъединяет семью и работу, приводит к ослабеванию ценности семейного образа жизни и утрате «человечности отношений». Современная семейная жизнь сводится в основном к потребительству. В бытовом контексте такое содержание совместной жизни приводит к акцентуации внимания на выяснении отношений между членами семьи, эгоцентризму и конфликтности. А на профессиональной работе у людей нет той теплоты отношений, которая присуща семейным взаимодействиям. Карлсон, как и его единомышленники, считает, что, если выполнение функций по отношению к обществу начинает зависеть от семьи как от потребительской ячейки, институт семьи оказывается в упадке. Все члены семьи как отдельные индивиды становятся клиентами различных социальных учреждений и служб государства, которые берут на себя заботу о личности, т. е. присваивают себе те роли, которые издавна играла семья. Согласно этому взгляду, государство активно способствует развалу семейного производства, семьи, домохозяйства, втягивая всех членов семьи в виды деятельности, которые создают стоимость, развивают капиталистическое производство. Иными словами, в фокусе внимания государства, частных структур, экономических и социальных институтов находятся не семьи, а индивиды. Те услуги, которые раньше мужчины и женщины, дети и люди преклонного возраста получали бесплатно в семье, сейчас оказываются за деньги вне семьи. Это усугубляет инфляцию семейных ценностей и обуславливает институциональный упадок семьи. А. Карлсон предлагает изменить положение семьи среди других социальных институтов, повысив ее автономию. Для этого необходимо приватизировать семейную жизнь, минимизировав государственное и общественное вмешательство в частный мир семьи; соединить семью и работу, в частности на основе компьютерного труда в рамках домохозяйства; внедрить домашнее обучение детей родителями, т. е. вернуть через домашнее образование производственную функцию семьи и повысить престиж домохозяйства посредством укрепления роли семьи в национальном доходе. В представленной теории А. Карлсона утверждается, что речь идет не о реанимации прежней семьи, а о социальном конструировании предпосылок для распространения модели естественной семьи [28, с.142–143].

Заключение

Обобщая вышесказанное, можно констатировать, что со временем в теориях зарубежных авторов, анализирующих экономическую функцию семьи, основной упор делается на формы и модели

управления финансовым состоянием домашнего хозяйства, отношения между супругами, без *затрагивания проблемы взаимодействия родителей и детей*. Исследователи приходят к общему выводу, что

члены семьи не могут быть полностью финансово независимыми и должны учитывать последствия принятых ими экономических решений, которые влияют на формирование благополучия домашнего хозяйства как сейчас, так и в будущем.

Предпосылки для развития семейных предприятий в странах бывшего СССР были заложены в середине 1980-х гг., когда официально было разрешено заниматься предпринимательской деятельностью. В Беларуси базой для развития семейного предпринимательства послужили сельскохозяйственные предприятия, организованные в середине 1980-х гг. по принципу семейного и личного подряда. Однако положительный опыт применения семейного подряда в сельской местности (упрощение оплаты труда, содействие в трудовом воспитании детей, создание лучших условий для совмещения труда в личном и общественном производстве, самостоятельное регулирование режима работы и отдыха, репродуктивного поведения и т. д.) стал мощным импульсом для развития не только фермерских хозяйств, но и семейных кооперативов. Спустя почти 30 лет белорусские компании, организованные по принципу семейного родства, столкнулись с проблемой: либо они пойдут по пути возрождения предпринимательских династий, формируя преемственность поколений и соответствующую бизнес-среду, либо семейные предприятия станут объектом псевдорыночных отношений, где процветают спекулятивные сделки. Таким образом, главный теоретический вопрос заключается в выявлении первопричин: действительно ли при передаче собственного дела наследникам предпринимателей волнуют цели личного плана (касающиеся в пер-

вую очередь материального благополучия семьи) или уже при первой передаче бизнеса детям ими движут социально значимые цели (формирование системы социально-экономических потребностей и ценностных установок семьи в соответствии с общественными запросами). Подчеркнем, что в создании бизнес-династий большую роль играет именно личная заинтересованность наследников.

Использованная нами теоретическая триангуляция, т. е. анализ теорий семьи и ее экономической деятельности, принадлежащих разным авторам и основанных на несхожих постулатах, позволяет выдвинуть множество рабочих гипотез, а затем перейти к разработке методологии социологического эмпирического исследования, объектом которого станет молодежь Республики Беларусь как потенциально перспективная категория населения, участвующая в семейном предпринимательстве. В ходе исследования выдвинутые гипотезы будут проверены. При этом если постулатов одной теории окажется недостаточно для гипотетического описания либо объяснения существующей ситуации или они не приведут к подтверждению гипотез, можно привлечь другие теоретические модели. Таким образом, социологическая технология исследования семейного бизнеса включает методы теоретической и методологической триангуляции [29], принимает во внимание реалии и особенности нашего общества в данный период его развития и нацелена на выход в социальную практику после осмысления полученных эмпирических данных и разработки адресных рекомендаций по развитию семейного предпринимательства в республике всем заинтересованным субъектам.

Библиографические ссылки

1. Дадашев А, Мешкова Д. Ресурсная эффективность малых предприятий. *Экономист*. 2006;6:55–61.
2. Трушин А. Семейный бизнес: сохранить и приумножить. *Прямые инвестиции*. 2009;12:54–56.
3. Кононова ЛИ. Социальные технологии. В: Холостова ЕИ, редактор. *Российская энциклопедия социальной работы*. Москва: Дашков и К^о; 2016. 1032 с.
4. Ogburn WF, Nimkoff MF. *Technology and the Changing Family*. Boston: Houghton Mifflin Co.; 1955. 329 p.
5. Сорокин ПА. Кризис современной семьи (социологический очерк). *Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология*. 1997;3:65–79.
6. Blood RO, Wolfe DM. *Husbands & Wives: the Dynamics of Married Living*. Glencoe: Free Press; 1960. 293 p.
7. Safilios-Rothschild C. A macro- and micro-examination of family power and love: an exchange model. *Journal of Marriage and Family*. 1976;38(2):355–362. DOI: 10.2307/350394.
8. Waller W, Hill R. *The Family: a Dynamic Interpretation*. New York: Dryden Press; 1951. 637 p.
9. Маркс К, Энгельс Ф. *Сочинения. Том 23*. 2-е издание. Москва: Государственное издательство политической литературы; 1960. 907 с.
10. Hartmann HI. The unhappy marriage of Marxism and feminism: towards a more progressive union. In: Sargent L, editor. *Women and Revolution: a Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism*. Boston: South End Press; 1981. p. 1–42.
11. Millett K. *Sexual Politics*. Garden City: Doubleday & Company; 1970. 393 p.
12. Becker GS. A theory of the allocation of time. *The Economic Journal*. 1965;75(299):493–517. DOI: 10.2307/2228949.
13. Mincer J. Labor force participation of married women: a study of labor supply. In: *Aspects of Labor Economics*. Princeton: Princeton University Press; 1962. p. 63–105.
14. Капелюшников РИ. Послесловие. Вклад Гэри Беккера в экономическую теорию. В: Беккер ГС. *Человеческое поведение: экономический подход. Избранные труды по экономической теории*. Капелюшников РИ, составитель. Москва: ГУ ВШЭ; 2003. с. 645–671.

15. Харчев АГ. *Брак и семья в СССР. Опыт социологического исследования*. Москва: Мысль; 1979. 367 с.
16. Харчев АГ. Социалистическая революция и семья. *Социологические исследования*. 1994;6:90–95.
17. Кобяк ОВ, Андрос ИА. Феномен предпринимательства как объект социологических исследований. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология*. 2018;1:64–72.
18. Райг ИХ. Что может индивидуальное хозяйство? *Социологические исследования*. 1986;1:33–40.
19. Тимяшевская НВ. Человек и жилая среда. *Известия Сибирского отделения Академии наук СССР. Серия общественных наук*. 1978;2:13–16.
20. Шмелев ГИ. *Личное подсобное хозяйство: возможности и перспективы*. Москва: Политиздат; 1985. 95 с.
21. *Народное хозяйство СССР в 1984 г.: статистический ежегодник*. Москва: Финансы и статистика; 1985. 631 с.
22. Самсонов ВБ. Владельцы личного подсобного хозяйства: типология, образ жизни. *Социологические исследования*. 1988;4:9–10.
23. Райг ИХ. Типология личных подсобных хозяйств. *Социологические исследования*. 1981;4:143–146.
24. Поллак Р. Трансакционный подход к изучению семьи и домашнего хозяйства. *THESIS* [Интернет]. 1994 [протитировано 21 января 2019 г.];6:50–76. Доступно по: https://igiti.hse.ru/data/448/313/1234/6_1_3Poll.pdf.
25. Blumberg RL, Coleman MT. A theoretical look at the gender balance of power in the American couple. *Journal of Family Issues*. 1989;10(2):225–250.
26. Карлсон А. *Общество – Семья – Личность: социальный кризис Америки. Альтернативный социологический подход*. Антонов АИ, редактор. Москва: Эдиториал УРСС; 2003. 288 с.
27. Карлсон А, Меро П. *Естественная семья: манифест*. Симферополь: ДИАЙПИ; 2007. 31 с.
28. Бурова СН. *Социология брака и семьи: история, теоретические основы, персоналии*. Минск: Право и экономика; 2010. 445 с.
29. Кошарная ГБ, Кошарный ВП. Триангуляция как способ обеспечения валидности результатов эмпирического исследования. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2016;2:117–122.

References

1. Dadashev A, Meshkova D. [Resource efficiency of small enterprises]. *Economist*. 2006;6:55–61. Russian.
2. Trushin A. [Family business: save and increase]. *Pryamye investitsii*. 2009;12:54–56. Russian.
3. Kononova LI. [Social technologies]. In: Kholostova EI, editor. *Rossiiskaya entsiklopediya sotsial'noi raboty* [Russian encyclopedia of social work]. Moscow: Dashkov and Co.; 2016. 1032 p. Russian.
4. Ogburn WF, Nimkoff MF. *Technology and the Changing Family*. Boston: Houghton Mifflin Co.; 1955. 329 p.
5. Sorokin PA. [The crisis of the modern family (sociological essay)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 18. Sotsiologiya i politologiya*. 1997;3:65–79. Russian.
6. Blood RO, Wolfe DM. *Husbands & Wives: the Dynamics of Married Living*. Glencoe: Free Press; 1960. 293 p.
7. Safilios-Rothschild C. A macro- and micro-examination of family power and love: an exchange model. *Journal of Marriage and Family*. 1976;38(2):355–362. DOI: 10.2307/350394.
8. Waller W, Hill R. *The Family: a Dynamic Interpretation*. New York: Dryden Press; 1951. 637 p.
9. Marx K, Engels F. *Sochineniya. Tom 23* [Works. Volume 23]. 2nd edition. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoi literatury; 1960. 907 p. Russian.
10. Hartmann HI. The unhappy marriage of Marxism and feminism: towards a more progressive union. In: Sargent L, editor. *Women and Revolution: a Discussion of the Unhappy Marriage of Marxism and Feminism*. Boston: South End Press; 1981. p. 1–42.
11. Millett K. *Sexual Politics*. Garden City: Doubleday & Company; 1970. 393 p.
12. Becker GS. A theory of the allocation of time. *The Economic Journal*. 1965;75(299):493–517. DOI: 10.2307/2228949.
13. Mincer J. Labor force participation of married women: a study of labor supply. In: *Aspects of Labor Economics*. Princeton: Princeton University Press; 1962. p. 63–105.
14. Kapelyushnikov RI. [Afterword. Gary Becker's contribution to economic theory]. In: Becker GS. *Chelovecheskoe povedenie: ekonomicheskii podkhod. Izbrannye trudy po ekonomicheskoi teorii* [Human behavior: economical approach. Selected works on economic theory]. Kapelyushnikov RI, compiler. Moscow: Higher School of Economics; 2003. p. 645–671. Russian.
15. Kharchev AG. *Brak i sem'ya v SSSR. Opyt sotsiologicheskogo issledovaniya* [Marriage and family in the USSR. The experience of sociological research]. Moscow: Mysl'; 1979. 367 p. Russian.
16. Kharchev AG. [The Socialist Revolution and the family]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1994;6:90–95. Russian.
17. Kabiak AV, Andras IA. The phenomenon of entrepreneurship as an object of sociological research. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology*. 2018;1:64–72. Russian.
18. Raig IKh. [What can individual farming?]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1986;1:33–40. Russian.
19. Timyashevskaya NV. [Man and the living environment]. *Izvestiya Sibirskogo otdeleniya Akademii nauk SSSR. Seriya obshchestvennykh nauk*. 1978;2:13–16. Russian.
20. Shmelev GI. *Lichnoe podsobnoe khozyaistvo: vozmozhnosti i perspektivy* [Private farm: opportunities and prospects]. Moscow: Politizdat; 1985. 95 p. Russian.
21. *Narodnoe khozyaistvo SSSR v 1984 g.: statisticheskii ezhegodnik* [National economy of the USSR in 1984: statistical yearbook]. Moscow: Finansy i statistika; 1985. 631 p. Russian.
22. Samsonov VB. [Owners of personal subsidiary farms: typology, lifestyle]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1988;4:9–10. Russian.
23. Raig IKh. [Typology of personal subsidiary farms]. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 1981;4:143–146. Russian.

24. Pollack R. [Transactional approach to the study of family and household]. *THESIS* [Internet]. 1994 [cited 2019 January 21];6:50–76. Available from: https://igiti.hse.ru/data/448/313/1234/6_1_3Poll.pdf. Russian.
25. Blumberg RL, Coleman MT. A theoretical look at the gender balance of power in the American couple. *Journal of Family Issues*. 1989;10(2):225–250.
26. Carlson A. *Obshchestvo – Sem'ya – Lichnost': sotsial'nyi krizis Ameriki* [Society – Family – Personality: America's social crisis. Alternative sociological approach]. Moscow: Editorial URSS; 2003. 288 p. Russian.
27. Carlson A, Mero P. *Estestvennaya sem'ya: manifest* [Natural family: manifesto]. Simferopol: DIAPI; 2007. 31 p. Russian.
28. Burova SN. *Sotsiologiya braka i sem'i: istoriya, teoreticheskie osnovy, personalii* [Sociology of marriage and family: history, theoretical foundations, personalities]. Minsk: Pravo i ekonomika; 2010. 454 p. Russian.
29. Kosharnaya GB, Kosharnyi VP. [Triangulation as a way to ensure the validity of empirical research results]. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedenii. Povolzhskii region. Obshchestvennye nauki*. 2016;2:117–122. Russian.

Статья поступила в редколлегию 10.07.2019.
Received by editorial board 10.07.2019.

УТРАТА ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ НА ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ КАК РИСК НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

А. Г. КЛИМАШИН¹⁾

¹⁾Институт социологии Национальной академии наук Беларуси,
ул. Сурганова, 1, корп. 2, 220072, г. Минск, Беларусь

С каждым годом становится все очевиднее, что в последние десятилетия государственные структуры подавляющего большинства стран стремительно утрачивают монополию на персональные данные своих граждан. По мнению автора, это представляет определенную угрозу как для личности, так и для национальной безопасности в целом. Проблема вызвана тем, что с развитием интернет-технологий возрастает число сервисных компаний, которые предоставляют услуги информационного характера: доступ к банкам данных, подключение к интернету, разработка приложений для мобильных устройств и т. д. При оказании этих услуг большинство компаний осуществляют сбор персональных данных. При этом необходимость подобных мер не всегда очевидна. Сегодня сложилась ситуация, когда множество сторонних организаций уже получили значительный массив персональной информации, контроль за использованием которой крайне затруднителен. Приводятся результаты последних социологических исследований, согласно которым всего 47 % граждан чувствуют себя в безопасности при работе с глобальной сетью.

Ключевые слова: персональные данные; сведения о личности; личная тайна; монополия; защита личности; информационная безопасность граждан; хостинг; провайдер; разработчики приложений; ощущение безопасности.

PERSONAL DATA STATE MONOPOLY LOOSING AS A NATIONAL SECURITY RISK

A. G. KLIMASHIN^a

^aInstitute of Sociology, National Academy of Sciences of Belarus,
1 Surhanava Street, 2 building, Minsk 220072, Belarus

It is obvious that in recent decades, the state structures of the vast majority of countries are headily losing the monopoly on citizens' personal data. In the author's view, this also poses a threat to the individual and to national security in general. The problem is caused by the fact that the development of Internet technologies increases the number of different service companies that provide information services: access to information data banks, Internet connection, applications for mobile devices and so on. When providing such services, most companies collect personal data and the need for such measures is not always obvious. However, we have come to a situation where many third-party companies have already collected a significant amount of information about citizens, the control of which is extremely difficult.

Keywords: personal data; personal secret; monopoly; personal protection; information security of citizens; hosting; provider; application developers; sense of safety.

Образец цитирования:

Климашин А. Г. Утрата государственной монополии на персональные данные как риск национальной безопасности. *Журнал Белорусского государственного университета. Социология.* 2019;3:107–112.

For citation:

Klimashin AG. Personal data state monopoly loosing as a national security risk. *Journal of the Belarusian State University. Sociology.* 2019;3:107–112. Russian.

Автор:

Александр Геннадьевич Климашин – аспирант отдела социологии государственного управления. Научный руководитель – академик НАН Беларуси, доктор философских наук, профессор Е. М. Бабосов.

Author:

Aleksandr G. Klimashin, postgraduate student at the department of the state service sociology.
alexandr89by@mail.ru

Введение

Вопрос защиты информации был актуален всегда. С давних пор наиболее важные сведения кодировались специальными методами. Так, например, во времена Киевской Руси активно использовались иносказания [1, с. 9–20]. Технические средства стали применяться для защиты информации при Петре Первом и получили более широкое распространение с возникновением СССР [1]. При этом актуализация вопроса связана с развитием интернет-технологий и ростом количества пользователей интернета, а также с постоянным увеличением производительности цифровых устройств [2]. Защита информации строится по принципам выявления подлежащих защите объектов информации и определения мер охраны в зависимости от вероятности и значительности ущерба. Одним из таких объектов защиты выступают личная тайна и персональные данные граждан. Следует отметить, что цифровое пространство активно используется некоторыми государствами и транснациональными корпорациями для ведения информационно-алгоритмической войны и воздействия на общественное сознание при помощи методов социальной психологии. Кроме того, персональные данные, собираемые в сети, применяются как крупными группировками для вербовки граждан, так и отдельными злоумышленниками в противоправных целях. Поэтому в цифровую эпоху вопрос информационной безопасности личности занимает центральное место в сфере социологии безопасности, а защита личности выходит на первый план в дискуссиях об обеспечении не только личной, но и корпоративной, а также национальной безопасности [2; 3].

Сегодня наука уделяет большое внимание становлению информационного общества. Различные его аспекты изучают зарубежные и отечественные ученые Р. Ф. Абдеев, В. Ю. Арчаков, Е. М. Бабосов, А. В. Бузгалин, Г. Г. Васильев, О. Н. Вертинская, А. В. Гулякевич, А. Н. Данилов, Г. М. Евелькин, М. В. Ильин, О. С. Макаров, П. Г. Никитенко, А. Тоффлер и др. В своих работах они описывают теоретические модели информационного общества, опираясь на анализ современных тенденций развития мирового социума, глобальных политических и социально-экономических процессов. Многие зарубежные социологи и технические специалисты, такие как Д. Альбертс, Дж. Гебхарт, Г. С. Джоуэт, Н. Кардозо, М. Либицки, Д. А. Мальтиси, Р. Д. Маклорин, Дж. Макафи, Э. Портной, А. Эделштейн и пр., активно исследуют вопросы информационного противоборства и информационной безопасности. Научное осмысление различных аспектов информационной безопасности осуществлялось российскими учеными А. В. Возжениковым, В. Н. Цыгичко и др. Некоторые исследователи также рассматривают проблему защиты личности от вредного информационного воздействия на психику.

Несмотря на многогранность определения и разницу в интерпретации информационной безопасности, следует сознавать, что прежде всего она направлена на защиту интересов субъектов информационных отношений. Ее основными компонентами являются конфиденциальность, целостность и доступность. При этом информационная безопасность не сводится исключительно к защите от несанкционированного доступа к информации. Это принципиально более широкое понятие. Субъект информационных отношений может получить вред в том числе и от поломки системы. В наши дни для многих открытых организаций защита от несанкционированного доступа к информации (*конфиденциальность*) часто стоит по важности отнюдь не на первом месте. Информационная безопасность – многомерная область деятельности, в которой успех может принести только систематический, комплексный подход [4].

Актуальность проработки проблемы в нашей стране очевидна в связи с принятием Концепции информационной безопасности Республики Беларусь и обсуждением проекта закона «О персональных данных».

В 2013 г. в средствах массовой информации стали появляться многочисленные сообщения о новом явлении – кибершпионаже. Широкую известность приобрели проект *WikiLeaks* и сеть «Красный октябрь». Кроме того, участились случаи копирования чужого контента и кражи интеллектуальной собственности. В этот же период государственные органы США и Китая публично высказали взаимные претензии к продукции массового потребления с недокументированными (негласными) возможностями сбора информации. Под подозрение тогда попала почти вся продукция фирм *Huawei* и *ZTE* с китайской стороны и продукция компании *CISCO* с американской стороны. Публичные заявления Эдварда Сноудена фактически подтвердили эти обвинения и активное участие американских государственных структур в сборе персональных данных граждан и чиновников, а также коммерческих сведений о корпорациях и пр. [5].

Таким образом, спектр проблем кибербезопасности очень широк – от технической незащищенности до уязвимости систем, отвечающих за проведение операций с денежными средствами. Ранее обеспечение информационной безопасности сводилось лишь к защите информации (да и то далеко не всей, а только государственной и служебной тайны). Однако объектами правовой защиты в области информационной безопасности выступают права личности и интересы общества в информационной сфере, собственно информация и информационные системы. Сегодня эти объекты видятся необходимыми компонентами состояния информационной безопасности. Вместе с тем особую роль начинает играть защита персональных данных.

Результаты социологических исследований

Отсутствие единообразной интерпретации гражданами понятия «кибербезопасность» вынуждает нас использовать более общие вопросы в социологических исследованиях. По результатам социологического опроса, проведенного весной 2019 г. на базе Института социологии НАН Беларуси, 74,1 % (суммарный процент ответов «да» и «скорее да») респондентов (всего было опрошено 2013 человек) считают, что новые технологии в большей степени делают нашу жизнь комфортной и здоровой. Однако этот же опрос выявил и обеспокоенность граждан вопросами безопасности: 33,8 % респондентов считают, что новые технологии делают нашу жизнь беспокойной и опасной, а 47,2 % опрошенных полагают, что новые технологии могут иметь непредвиденные побочные риски для здоровья и экологии. В сравнении с ощущением безопасности в реальной жизни чувство защищенности в связи с развитием интернет-технологий и при работе с глобальной сетью у граждан намного ниже. Так, в собственном жилище себя ощущают в безопасности 90 % респондентов, на улицах – 84,7 %, на стадионах – 72,1 %. При использовании интернета защищенными себя чувствуют всего 47,3 % (из которых лишь 19,6 % ответили «да», а остальные – «скорее да, чем нет»).

Характер угроз в сети будет совершенно различным, так как она слишком неоднородна и используется людьми для слишком широкого спектра целей. Данный вопрос требует отдельного изучения. Однако анализ показал, что одна из наиболее популярных тем на форумах и конференциях, посвященных проблемам информационной безопасности, – защита персональных данных¹. Сегодня в Республике Беларусь предпринята попытка законодательно урегулировать вопрос, однако следует учитывать, что большинство хостингов и разработчиков приложений находятся на территории иностранных государств, и, соответственно, белорусское законодательство на них не распространяется. К сожалению, решения белорусских судов крайне редко признаются во многих европейских странах.

На текущий момент в мире нет достоверной информации о количестве провайдеров, хостингов и разработчиков программных средств. Получение такой статистики затруднено в силу отсутствия единой международной базы и лицензирования в данной сфере. Этот факт демонстрирует, что общество не в состоянии контролировать, кто и за чем получает доступ к персональной информации. Долгое время в большинстве стран мира не было законов о защите персональных данных и их сбор никак не регулировался. Значительная часть

популярных хостингов находится в странах Европейского союза (Нидерланды, Германия и др.), США, Индии и Китае. Вместе с тем Регламент ЕС 2016/679 (*General Data Protection Regulation, GDPR*) о защите персональных данных принят лишь 27 апреля 2016 г. Что касается США и Китая, то они намеренно не вводят единого федерального закона о защите персональной информации, так как производят программные продукты, осуществляющие массовый сбор и анализ персональных данных лиц по всему миру. Нет юридического решения в отношении тех данных, которые уже были получены и используются как в маркетингово-рекламных, так и в преступных целях.

Социальные сети значительно упростили различным сообществам и группировкам первичную оперативную разработку кандидатов, т. е. фактически монополия правоохранительных органов на доступ к персональным данным перестает быть таковой, причем довольно быстрыми темпами. Вместе с тем в теории общественного договора она обоснована исключительным правом государства на насилие. Не секрет, что многие коммерческие и некоммерческие организации активно пользуются механизмами купли-продажи, сбора, обработки и хранения чужих персональных данных. Однако социальные сети способствуют не только потребительскому экстремизму, но и выявлению среди граждан страны «противника» лиц с неудачной карьерой, неудовлетворенностью социальными устоями по сообщениям в прессе, высказываниям в комментариях, блогах и социальных сетях для последующей вербовки в радикальные группировки [6; 7]. При этом следует понимать, что угроза национальной безопасности кроется не в социальных сетях, так как фактически у пользователей есть возможность скрывать профиль от посторонних, вписывать туда ненастоящие данные и т. д., а в том, что существует ярко выраженная тенденция со стороны владельцев сервисов запрашивать у пользователя копию паспорта, номер мобильного телефона, геолокацию, доступ к контактам и т. п. Механизмы полного или частичного отказа от сбора персональных данных фактически отсутствуют. Именно этот аспект следует считать значительным риском для обеспечения защиты граждан Беларуси и вытекающих из этого вопросов национальной безопасности. Вместе с тем необходимость запроса персональных данных владельцы и разработчики интернет-технологий аргументируют той же безопасностью. Философский вопрос заключается в том, кто должен быть гарантом соблюдения прав граждан в этой сфере – государство или некая со-

¹Internet Governance Forum [Электронный ресурс]. URL: www.intgovforum.org/multilingual/tags/about (дата обращения: 29.04.2019).

вокупность доверенных субъектов? Наиболее традиционным и понятным видится, скорее, первое, однако серьезным вызовом для реализации такого подхода на практике является то, что иностранными компаниями *Google Inc.*, *Facebook Inc.*, ООО «Яндекс», *Telegram Inc.* уже захвачена большая часть аудитории и на текущий момент собран огромный массив данных о гражданах страны. Это заставляет нас переосмыслить традиционные подходы к гарантиям безопасности и искать новые решения.

Согласно данным отчета Института современных медиа (*MOMRI*, Москва), самыми популярными мессенджерами в России являются:

1) *WhatsApp* – 71 % пользователей смартфонов в Москве и 59 % в общем по России;

2) *Viber* – 44 % владельцев смартфонов среди москвичей и 49 % по стране в целом;

3) *Telegram* – 28 % пользователей гаджетов в столице, 19 % – по всей России (сведения на начало 2018 г.) [8].

Серверов ни одного из указанных продуктов нет ни в России, ни в Беларуси [3].

Российско-болгарская компания *Online Market Intelligence* по заказу «Лаборатории Касперского» провела схожий опрос, согласно которому самым используемым белорусами мессенджером оказался *Viber* (93 %). За остальные мессенджеры респонденты проголосовали следующим образом: *Skype* (62 %), *WhatsApp* (41 %), *Telegram* (35 %) [9].

Мессенджеры приобрели свою популярность благодаря тому, что были предназначены для мобильных платформ, что существенно повышало оперативность и удобство коммуникации. *Telegram* во многом позиционируется как самый безопас-

ный мессенджер, что обеспечило ему значительную часть клиентской базы. Вместе с тем у экспертов отсутствует уверенность, что безопасность – это реальная забота производителя, а не просто реклама. Вопреки распространенному мнению о безопасности мессенджера *Telegram* стоит задуматься о том, как происходит передача информации. Сотрудники Фонда электронных рубежей (*Electronic Frontier Foundation*) Н. Кардозо, Дж. Гебхарт, Э. Портной называют безопасными совершенно другие сервисы: *ChatSecure*, *CryptoCat*, *Signal*, *Silent Phone* и пр. [10].

Российские эксперты для проведения аналогичного исследования среди необходимых критериев отмечают следующие: 1) степень централизации (*централизованный сервис* – требует сервера, может быть заблокирован; *федеративный* – сеть из серверов, которые общаются друг с другом; *децентрализованный* – протокол *P2P*, т. е. каждый клиент является одновременно и сервером); 2) возможность анонимной регистрации и использования; 3) наличие сквозного шифрования (*E2EE*); 4) защита социального графа (т. е. отсутствие сбора сведений о контактах пользователя и другой метаданных). Сложно сказать, какой мессенджер лучше: все зависит от того, какие параметры важны для пользователя и какой именно продукт используется в его кругу общения, но из вышеуказанных критериев видно, что большинство мессенджеров, включая *Telegram*, используют централизованный сервер для передачи данных. Независимо от норм законодательства проверить, есть ли в коде программы метод дублирования ключей шифрования, невозможно.

Заключение

Таким образом, в последние десятилетия государственные структуры подавляющего большинства стран утрачивают монополию на персональные данные своих граждан. Это представляет определенную угрозу как для личности, так и для национальной безопасности в целом. При этом под персональными данными следует понимать не только информацию, позволяющую установить личность гражданина, но и сведения об истории его перемещений, поисковых запросах и т. д. Риск возникающей проблемы состоит в том, что при развитии интернет-технологий быстро возрастает число различных сервисных компаний, которые предоставляют услуги информационного характера: доступ к банкам данных, подключение к интернету, разработка цифровых приложений, облачные сервисы, хранение данных на серверах и т. п. При оказании такого рода услуг большинство компаний осуществляют сбор персональных данных в самом широком смысле этого понятия. На текущий момент неизвестно, кто обладает этими сведениями и как они

используются. Во многом процесс распространения персональной информации полностью неконтролируем и не поддается эффективной аналитике. Назвать точное количество хостингов в мире крайне сложно. Еще сложнее сказать, сколько всего существует разработчиков приложений. Именно по этой причине большинство граждан понятия не имеют о том, кто фактически получает доступ к их поисковым запросам, контактам и пр. Часть правительств уже обеспокоилась этим вопросом. Так, например, по заказу правительства Российской Федерации в 2018 г. на основе тендера «Лабораторией Касперского» была разработана система контроля обмена информацией «Тайга». Ранее схожая система под названием *Trusted Device* была создана в США компанией *CISCO*, однако она изначально писалась для нужд бизнес-среды, а не правительства.

Правовые подходы гласят, что монополия на информацию о своих гражданах есть только у государства. Это утверждение вытекает из монопольного права государства на насилие и проведение

оперативно-розыскных мероприятий, которое является исключительной компетенцией правоохранительных органов [11]. Оперативно-розыскная деятельность выстраивается от объекта разработки, т. е. от конкретной личности. Преступление совершает определенное лицо, и само преступное посягательство совершается, как правило, в отношении конкретного лица [12, гл. 28]. Большинство преступлений невозможны без обладания точной информацией о предмете посягательства, а также без пополнения рядов различных группировок новыми участниками. Именно поэтому центральным звеном при осуществлении любых оперативно-розыскных мероприятий выступает личность [12], а получение ее персональных данных является сущностью таких мероприятий. Говоря о сборе сведений о личности какими-либо приложениями, можно фактически говорить о проведении оперативно-розыскных действий неуполномоченными субъектами.

Обязанность охраны личной тайны закреплена в ст. 28 Конституции Республики Беларусь. Это означает, что такая охрана относится к необходимым функциям государства. С точки зрения практически любой концепции создания государства она выступает гарантом безопасности жизни его граждан. Только при недопущении совершения преступлений в отношении своих граждан государство может обеспечить внутреннюю стабильность. В связи с этим крайне важно не допускать разглашения персональных данных третьим лицам. Большинство работников ИТ-сферы говорят о необходимости доступа к персональной информации пользователей для качественной работы их сервисов. Однако обоснованность этого не всегда

очевидна. Зачастую сбор персональных данных происходит в маркетинговых целях: для дальнейшей перепродажи этих баз данных, использования их для навязывания рекламы, изучения социальной психологии в области потребления различных товаров [13].

Из этого можно сделать вывод, что вместе со всеми удобствами, которые нам дали интернет-технологии, сильно увеличился спектр рисков, связанных с безопасностью. При этом ощущение защищенности граждан в интернете значительно ниже, чем в реальной жизни. Во многом это связано с неизвестностью того, как протекают те или иные процессы, и неуверенностью в том, можно ли доверять крупным корпорациям. Стала очевидной утрата государственной монополии на персональные данные своих граждан. Этот факт влечет за собой пересмотр статуса личности в процессе обеспечения безопасности как таковой. В качестве возможных путей разрешения сложившейся ситуации эксперты предлагают создание защищенных сред и отечественной системы доверенных устройств, повышение общей цифровой грамотности населения. Кроме того, гипотетическим выходом из положения они считают право граждан на анонимность в сети. Если позволить неопределенному кругу лиц использовать неофициальные профили в соцсетях и распределенные сети типа *Tor*, а также разрешить создавать отечественные мессенджеры, то это затруднило бы зарубежным хостингам столь активный сбор информации и явно способствовало бы защите национальных интересов. Вместе с тем стоит задуматься о размещении и развертывании серверов наиболее популярных интернет-продуктов на территории Беларуси.

Библиографические ссылки

1. Бабаш АВ, Баранова ЕК, Ларин ДА. *Информационная безопасность. История защиты информации в России*. Москва: КДУ; 2013. 736 с.
2. Климашин АГ. Возрастание рисков информационной безопасности личности в социальных сетях. В: *Информационная революция и вызовы новой эпохи – стимулы формирования современных подходов к информационной безопасности: материалы Международной научно-практической конференции; 29–30 ноября 2018 г.; Минск, Беларусь. Том 1*. Минск: ИНБ; 2019. с. 173–177.
3. Бабосов ЕМ. Обеспечение информационной безопасности – фактор устойчивого развития Беларуси. *Веснік Брэсцкага ўніверсітэта. Серыя 1. Філасофія. Паліталогія. Сацыялогія*. 2012;2:133–141.
4. Бобкова ВА. *Информационная безопасность и ее составляющие* [Интернет]. 12 марта 2015 г. [процитировано 29 апреля 2019 г.]. Доступно по: <https://studfiles.net/preview/2012615/>.
5. Безкоровайный ММ, Татузов АЛ. Кибербезопасность – подходы к определению понятия. *Вопросы кибербезопасности*. 2014;1:22–27.
6. Климашин АГ. Информационная безопасность личности в цифровую эпоху. *Известия Национальной академии наук Беларуси. Серия гуманитарных наук*. 2019;64(2):145–150. DOI: 10.29235/2524-2369-2019-64-2-145-150.
7. Климашин АГ. Сетевые террористические сообщества. В: Яскевич ЯС, Терещенко ОВ, Гафарова ЮЮ, редакторы. *Социальные коммуникации в современном мире. Сборник научных статей по материалам работы Первого белорусского философского конгресса; 18–20 октября 2017 г.; Минск, Беларусь*. Минск: БГУ; 2018. с. 387–392.
8. Исследование Telegram аудитории [Интернет]. 16 января 2018 г. [процитировано 29 мая 2019 г.]. Доступно по: <http://momri.org/2018/momrinews/issledovanie-telegram-auditorii/>.
9. Составлен Топ-5 самых популярных соцсетей и мессенджеров в Беларуси [Интернет]. 31 октября 2018 г. [процитировано 11 марта 2019 г.]. Доступно по: <https://thinktanks.by/publication/2018/10/31/sostavlen-top-5-samyh-populyarnyh-sotssetey-i-messendzherov-v-belarusi.html>.
10. Cardozo N, Gebhart G, Portnoy E, editors. *Secure Messaging Scorecard: a Study of the Electronic Frontier Foundation* [Internet]. 2018 [cited 2019 March 11]. Available from: <https://www EFF.org/node/82654>.

11. Об оперативно-розыскной деятельности: Закон Республики Беларусь от 15 июля 2015 г. № 307-З. Национальный центр правовой информации Республики Беларусь. Минск; 2019.
12. Блинов ЮС, Вагин ОА, Вандышев АС, Володько НП, Горяинов КК, Гриб ВГ и др. *Оперативно-розыскная деятельность*. Горяинов КК, Овчинский ВС, Синилов ГК, Шумилов АЮ, редакторы. 2-е издание, дополненное и переработанное. Москва: Инфра-М; 2004. 848 с.
13. Сухарева О. Прямой маркетинг: закон о персональных данных коренным образом изменил правовой статус информации о потребителе. *Арсенал предпринимателя*. 2010;2:18–24.

References

1. Babash AV, Baranova EK, Larin DA. *Informatsionnaya bezopasnost'. Istoriya zashchity informatsii v Rossii* [Information security. History of information security in Russia]. Moscow: KDU; 2013. 736 p. Russian.
2. Klimashin AG. [Increasing risks of personal information security in social networks]. In: *Informatsionnaya revolyutsiya i vyzovy novoi epokhi – stimuly formirovaniya sovremennykh podkhodov k informatsionnoi bezopasnosti. Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii; 29–30 noyabrya 2018 g.; Minsk, Belarus'. Tom 1* [Information revolution and challenges of a new era – incentives for the formation of modern approaches in information security. Proceedings of the International scientific and practical conference; 2018 November 29–30; Minsk, Belarus. Volume 1]. Minsk: National Security Institute of the Republic of Belarus; 2019. p. 173–177. Russian.
3. Babosov EM. Provision of information security as a factor for sustainable development of Belarus. *Vesnik of Brest University. Series 1. Philosophy. Politology. Sociology*. 2012;2:133–141. Russian.
4. Bobkova VA. [Information security and its components]. 2015 March 12 [cited 2019 April 29]. Available from: <https://studfiles.net/preview/2012615/>. Russian.
5. Bezkorovainy MM, Tatzov AL. Cybersecurity approaches to the definition. *Cybersecurity issues*. 2014;1:22–27. Russian.
6. Klimashin AG. Individual information security in digital era. *Proceedings of the National Academy of Sciences of Belarus. Humanitarian Series*. 2019;64(2):145–150. DOI: 10.29235/2524-2369-2019-64-2-145-150. Russian.
7. Klimashin AG. Network terrorist communities. In: Yaskovich YaS, Tereshchenko OV, Gafarova YuYu, editors. *Sotsial'nye kommunikatsii v sovremennom mire. Sbornik nauchnykh statei po materialam raboty Pervogo belorusskogo filosofskogo kongressa; 18–20 oktyabrya 2017 g.; Minsk, Belarus'* [Social communications in the modern world: collected articles on materials of work of the First Belarusian Congress of Philosophy; 2017 October 18–20; Minsk, Belarus]. Minsk: Belarusian State University; 2018. p. 387–392. Russian.
8. [Research Telegram audience] [Internet]. 2018 January 16 [cited 2019 May 29]. Available from: <http://momri.org/2018/momrinews/issledovanie-telegram-auditorii/>.
9. [Compiled Top 5 most popular social networks and instant messengers in Belarus] [Internet]. 2018 October 31 [cited 2019 March 11]. Available from: <https://thinktanks.by/publication/2018/10/31/sostavlen-top-5-samyh-populyarnyh-sots-setey-i-messendzherov-v-belarusi.html>.
10. Cardozo N, Gebhart G, Portnoy E, editors. *Secure Messaging Scorecard: a Study of the Electronic Frontier Foundation* [Internet]. 2018 [cited 2019 March 11]. Available from: <https://www EFF.org/node/82654>.
11. About operatively-search activity: Law of the Republic of Belarus from 15 July 2015 No. 307-3. National center of the legal information of the Republic of Belarus. Minsk; 2019. Russian.
12. Blinov YuS, Vagin OA, Vandyshv AS, Volod'ko NP, Goryainov KK, Grib VG, et al. *Operativno-rozysknaya deyatel'nost'* [Operatively-search activity]. Goryainov KK, Ovchinskii VS, Sinilova GK, Shumilov AYU, editors. 2th edition, supplemented and revised. Moscow: Infra-M; 2004. 848 p. Russian.
13. Sukhareva O. [Direct marketing: law on personal data radically changed the legal status of information about the consumer]. *Arsenal predprinimatel'ya*. 2010;2:18–24. Russian.

Статья поступила в редколлегию 25.04.2019.
Received by editorial board 25.04.2019.

ЮБИЛЕИ

JUBILEES

Евгений Константинович
НОВИК

Evgenii Konstantinovich
NOVIK

Нашему постоянному автору, известному белорусскому ученому, доктору исторических наук, профессору Евгению Константиновичу Новик 17 августа исполнилось 80 лет.

За плечами у Евгения Константиновича большой жизненный путь ученого и педагога.

Е. К. Новик – выходец из белорусского села. Его малая родина – д. Раховец Новогрудского района Гродненской области. С малых лет Евгений Константинович помогал родителям, познал тяжелый крестьянский труд. Он ходил в школу за пять километров, когда не было учебников, простых тетрадей. Учился всегда отлично. Окончил Новогрудское педучилище, историко-географический факультет Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Работал по распределению учителем-воспитателем Гродненской школы-интерната. Срочная служба в Советской армии у молодого учителя началась со школы младших командиров и специалистов зенитно-ракетных войск в г. Краснослободске Волгоградской области. Далее служил в Куйбышевской зенитно-ракетной бригаде. Демобилизован в сентябре 1964 г. в звании младшего лейтенанта.

Перед Евгением Константиновичем открывался широкий выбор дальнейшего пути, но педагогическая стезя стала для него судьбой. Е. К. Новик был принят преподавателем истории и обществоведения в Новогрудский торгово-экономический техникум, затем поступил в аспирантуру Минского государственного педагогического института имени А. М. Горького. Под научным руководством профессора А. Д. Молочко досрочно защитил кандидатскую диссертацию по историческим наукам. После окончания аспирантуры для Евгения Константиновича наступают трудные и очень плодотворные годы научной и педагогической работы в Минском государственном педагогическом институте имени А. М. Горького (1970–1975) и Минском институте культуры (1975–1985). Из-под пера молодого ученого выходили интересные статьи и монографии, а его выступления на конференциях всегда отличались зрелостью и глубиной.

Особо следует отметить цельность натуры Евгения Константиновича. Его непокорность обстоятельствам, гражданское мужество, открытость в суждениях, постоянная нацеленность на поиск правды просто восхищают. Однако не всем его

самостоятельность взглядов была по нраву и частенько приносила Е. К. Новик у неприятности. Из-за незаконного исключения из партии по сфабрикованному против него делу Евгению Константиновичу пришлось пройти все партийные инстанции от партсобраний факультета института до Комитета партийного контроля при ЦК КПСС. Выдержал, доказал, отстоял свое честное имя и победил в неравной борьбе с партийной бюрократией того времени. Таков Евгений Константинович во всем. Это о нем: «Платон мне друг, но истина дороже».

В 1988 г. в Совете Московского государственного педагогического института имени В. И. Ленина Е. К. Новик успешно защитил докторскую диссертацию, в ноябре 1991 г. ему присвоено ученое звание профессора.

Евгений Константинович всегда в работе. В 1986–1989 гг. он был доцентом, а затем профессором Республиканского межотраслевого института повышения квалификации руководящих работников и специалистов отраслей народного хозяйства. С сентября 1989 г. работает в Белорусском государственном университете информатики и радиоэлектроники (вначале – заведующим кафедрой гуманитарных дисциплин, а с апреля 2013 г. – профессором кафедры). Подготовленное под руководством Е. К. Новика учебное пособие по истории Беларуси для студентов высших учебных заведений выдержало пять изданий, а его учебное пособие для учащихся 11-го класса общеобразовательной школы – три издания. Профессор Е. К. Новик – отличник образования Республики Беларусь.

Опытный педагог и крупный ученый-историк, профессор Е. К. Новик имеет свою позицию и не боится ее публично отстаивать на любом уровне. Он постоянный автор нашего журнала, и каждая его публикация по проблемам развития образования вызывает острую дискуссию в обществе. Свою не-

давнюю статью «Социально-гуманитарное знание и образование: парадоксы развития», опубликованную в издании «Журнал Белорусского государственного университета. Социология» (2018, № 1), он завершил ответом на вопрос, который ему как-то задал бывший ректор БГУИР М. П. Батура: «А что вы будете делать, если вас не поддержат в борьбе за ваши идеалы и ценности в области образования?» Ответ был такой: «Буду расстроен и обеспокоен. Но и в таком случае буду всегда иметь моральное право сказать: “В уничтожении одной из лучших систем образования в мире – белорусской системы народного образования – не участвовал. Наоборот, ее берег, защищал, как мог и как умел”».

Долгое время Евгений Константинович работал в составе экспертного совета Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь по историческим наукам, был его председателем. Сам пройдя непростой путь защиты докторской диссертации, он навсегда остался истинным защитником объективности и справедливости в научной среде и системе образования. Позиция профессора Е. К. Новика всегда аргументирована и научно взвешена. Он не боится остаться в меньшинстве и никогда не позволил себе спрятаться за чужую спину. Да, ему никогда не было легко в жизни, его путь не был выстлан красной ковровой дорожкой, но внушает глубокое уважение. Вполне закономерно, что профессор Е. К. Новик пользуется заслуженным авторитетом среди профессионального сообщества и является примером для многих своих коллег.

Сегодня Е. К. Новик – 80! Поздравляем, дорогой Евгений Константинович, с Вашим юбилеем! Здоровья Вам, посильной востребованности и такой же неумности в отстаивании правды и справедливости! Ждем новых статей для нашего журнала. Жизнь продолжается...

А. Н. Данилов¹

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

Василий Иванович СТРАЖЕВ

Vasilii Ivanovich STRAZHEV

Василию Ивановичу Стражеву 26 июля исполнилось 75! В это трудно поверить: он и сейчас выглядит как молодой ученый-физик из 1960-х. Такая же характерная бородка, так же доступен в общении, сдержан и внимателен к людям, демократичен в одежде, спортивен. В разговоре с ним сразу ощущаешь глубину и свежесть мысли, реальное знание дела, образованность. Василий Иванович свободно владеет немецким и английским языками. В споре физиков и лириков он победил, встав на позицию гармонизации их отношений и воплотив это в своей жизни.

Его появление на свет – целая история, хороший сюжет для кинофильма о войне. Точное место рождения не установлено. Известно лишь, что Василий Иванович родился в санитарном военном поезде, следовавшем на фронт, и во время остановки поезда в г. Каменске-Шахтинском получил свидетельство о рождении. Его мама, Лидия Александровна, выпускница медицинского училища, лейтенант медицинской службы, в августе 1942 г. ушла добровольцем на фронт. В Сталинграде она встретила будущего мужа. Иван Васильевич, отец В. И. Стражева, уроженец Витебской области, артиллерист, участвовал в финской кампании, освобождал Западную Беларусь, войну начал в Белостоке. Сына называли в честь деда по отцовской линии Василия Николаевича, участника Русско-японской войны, фельдфебеля, кавалера двух Георгиевских крестов.

С 1954 г. В. И. Стражев живет в Минске. В 1961 г. он поступил на физический факультет Белорусского государственного университета, который окончил в 1966 г. по специальности «теоретическая физика». Избирался секретарем комитета комсомола курса, факультета. Затем поступил в аспирантуру Института физики АН БССР, где в 1971 г. успешно защитил кандидатскую диссертацию.

Далее по жизни судьба то уводила Василия Ивановича от занятия любимой физикой, то вновь возвращала в профессию. Он работал в Институте физики АН БССР, дослужился до ученого секретаря Отделения физико-математических наук АН БССР. Много преподавал в столичных вузах, и это у него хорошо получалось, студенты его любили. Курировал науку и образование в Минском обкоме КПБ, заведовал отделом науки Минского горкома партии, но при этом так и не стал карьерным функционером. С 1988 г. В. И. Стражев прошел большой путь в Министерстве образования Республики Беларусь, где с августа 1994 по октябрь 2001 г. был министром образования (с 1994 по 1997 г. – министром образования и науки). Находясь на высоких государственных постах, проявлял характер и умел найти выход из самых замысловатых ситуаций. Но при этом всегда оставался ученым, навеки влюбленным в свою физику, не мыслил себя без экспериментов и споров за полночь, обсуждения новых открытий и неутолимого желания дружить, дышать одним воздухом со своими коллегами. Он романтик от науки, и это в нем неистребимо.

В 1986 г. Василий Иванович успешно защитил докторскую диссертацию по физико-математическим наукам. В 1987 г. ему присвоено ученое звание профессора. С 2001 по 2003 г. был ректором Республиканского института высшей школы БГУ. В ноябре 2003 г. произошел новый поворот в судьбе В. И. Стражева: он назначается ректором родной альма-матер. По достижении предельного возраста для работы на руководящих должностях в октябре 2008 г. возвращается на свой физический факультет в качестве профессора.

В разные годы В. И. Стражев был председателем Совета по сотрудничеству в области образования стран СНГ, председателем правления республиканского общества «Знание». Имеет немало наград,

является автором ряда монографий и статей, подготовил много учеников.

Есть в нем и гуманитарное начало... Он поддерживал нас, когда было трудно, и не добивал, когда было совсем тяжело. При нем официально было разрешено социологическое образование и начато преподавание социологии во всех вузах и на всех факультетах. В. И. Стражев всегда помогал социологам, когда были проблемы с заказами. Его коронная фраза и сейчас звучит актуально: «Я безразличным не останусь». В период своей работы в Министерстве образования Республики Беларусь Василий Иванович внимательно относился к изучению результатов социологических замеров ситуации в молодежной среде. Всегда спрашивал: есть ли новые данные и можно ли их использовать при принятии решений. В его бытность ректором университета регулярно проводился социологический мониторинг ситуации, результаты которого В. И. Стражев докладывал лично на итоговом заседании Совета БГУ. Он хорошо знал систему западного образования и не переоценивал ее эффективность, пытался выстроить свою национальную постсоветскую си-

стему образования. Да, были и ошибки, но ответственности таких масштабов, как выпала на долю Василия Ивановича, после него в образовании уже не было. Далее только совершенствовали и развивали, а еще критиковали предшественников.

Под научным руководством В. И. Стражева кандидатской диссертация по социологическим наукам. Василий Иванович является авторитетным специалистом в области социологии образования. Активно работает в составе совета по защите диссертаций по социологическим наукам при БГУ. Такова его судьба...

А еще судьбой для Василия Ивановича стал Белорусский государственный университет... Как мало сегодня осталось в БГУ сотрудников, которых можно назвать носителями университетского духа... По которым, как с эталоном, следует сверять свои помыслы и поступки. В. И. Стражев из их числа. Конечно, он так не считает, но так считаем мы, его коллеги, друзья, ученики.

С юбилеем, дорогой Василий Иванович!

А. Н. Данилов¹, Д. Г. Ротман²

¹Александр Николаевич Данилов – член-корреспондент НАН Беларуси, доктор социологических наук, профессор; заведующий кафедрой социологии факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета.

Alexander N. Danilov, corresponding member of the National Academy of Sciences of Belarus, doctor of science (sociology), full professor; head of the department of sociology, faculty of philosophy and social sciences, Belarusian State University.

E-mail: a.danilov@tut.by

²Давид Генрихович Ротман – доктор социологических наук, профессор; директор Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета.

David G. Rotman, doctor of science (sociology), full professor; director of the Centre for Sociological and Political Studies, Belarusian State University.

E-mail: dgrotman@rambler.ru

АННОТАЦИИ ДЕПОНИРОВАННЫХ В БГУ РАБОТ

INDICATIVE ABSTRACTS OF THE PAPERS DEPOSITED IN THE BSU

УДК 316.77(082)

Социальные коммуникации в современном мире [Электронный ресурс] : сб. науч. ст. по материалам работы Первого белорус. филос. конгр. (Минск, 18–20 окт. 2017 г.) / отв. ред.: Я. С. Яскевич, О. В. Терещенко, Ю. Ю. Гафарова ; БГУ. Электрон. текстовые дан. Минск : БГУ, 2018. 465 с. : ил. Библиогр. в тексте. Режим доступа: <http://elib.bsu.by/handle/123456789/226301>. Загл. с экрана. Деп. 06.08.2019, № 008106082019.

Сборник включает научные статьи и материалы, представленные участниками работы Первого белорусского философского конгресса, Минск, 18–20 октября 2017 г., в секциях «Социальные коммуникации в информационном пространстве», «Социальная коммуникация в рискогенном обществе», «Этические вызовы социального и научно-технического прогресса», «Актуальные проблемы кросс-культурной коммуникации», «Социальные коммуникации в культуре, экономике, образовании». Адресуется широкому кругу читателей: специалистам, работающим в сфере коммуникации, научным сотрудникам, преподавателям, аспирантам, магистрантам и студентам учреждений высшего образования.

СОДЕРЖАНИЕ

ЗНАТЬ, ЧТОБЫ ПРЕДВИДЕТЬ...

<i>Кочергин В. Я.</i> Профессиональная культура и социальные технологии: теоретико-методологический анализ взаимосвязи.....	4
<i>Манасерян Т. Н.</i> Политэкономика «бархатной революции»: особенности и уроки.....	10
<i>Мартинovich В. А.</i> Реклама новых религиозных движений в печатных СМИ.....	17

СТАТЬИ И ДОКЛАДЫ

<i>Вятр Ежи.</i> Новый авторитаризм: кризис или конец либеральной демократии?.....	25
<i>Карако П. С.</i> Космические воззрения Н. Н. Моисеева и их место в русском космизме.....	32

КРУГЛЫЙ СТОЛ

<i>Данилов А. Н., Рубанов А. В., Коршунов Г. П., Терещенко О. В., Ефимова Н. В., Сарна А. Я., Терещенко М. С., Белоусова А. Е., Подоляк Е. Е., Сидоренко А. П.</i> Цифровое общество: социологическое образование в «электронном» мире XXI в.	40
--	----

ДИСКУССИЯ

<i>Титаренко Л. Г.</i> Образовательные услуги: рынок или образование?.....	58
--	----

ИНТЕРВЬЮ

<i>Ротман Д. Г., Данилов А. Н.</i> «Наш опыт и стал нашим университетом, им и прирастала социология...»	65
---	----

КУРС ПО ВЫБОРУ

<i>Можейко М. А.</i> От клириков к лирикам: средневековое донжуанство и монастырский пикап.....	73
---	----

С РАБОЧЕГО СТОЛА СОЦИОЛОГА

<i>Сурмач М. Ю., Бойко С. Л.</i> Организационная культура и социальная ответственность в здравоохранении: проблемы определения и методы изучения.....	84
<i>Андрос И. А., Бурова С. Н.</i> Теоретические аспекты социологической технологии изучения семейного предпринимательства.....	96
<i>Климашин А. Г.</i> Утрата государственной монополии на персональные данные как риск национальной безопасности.....	107

ЮБИЛЕИ

<i>Евгений Константинович Новик</i>	113
<i>Василий Иванович Стражев</i>	115
Аннотации депонированных в БГУ работ.....	117

CONTENTS

TO KNOW SO THAT TO FORESEE...

<i>Kochergin V. Ya.</i> The professional culture and social technologies: theoretical and methodological analysis of their mutual connection.....	4
<i>Manaseryan T. N.</i> Political economy of «velvet revolution»: features and lessons.....	10
<i>Martinovich V. A.</i> Advertising new religious movements in print media.....	17

ARTICLES AND REPORTS

<i>Vyatr Jerzy.</i> The new authoritarianism: the crisis or the end of liberal democracy?	25
<i>Karako P. S.</i> Cosmic views of N. N. Moiseev and their place in Russian cosmism.....	32

ROUND TABLE

<i>Danilov A. N., Rubanov A. V., Korshunov G. P., Tereshchenko O. V., Efimova N. V., Sarna A. Ya., Tereshchenko M. S., Belousova A. E., Podolyak E. E., Sidorenko A. P.</i> Digital society: sociological education in the «electronic» world of the 21 st century	40
---	----

DISCUSSION

<i>Titarenko L. G.</i> Educational services: market or education?.....	58
--	----

INTERVIEW

<i>Rotman D. G., Danilov A. N.</i> «Our experience has become our university and sociology was accreted by it...».....	65
--	----

OPTION COURSE

<i>Mojeiko M. A.</i> From clerics to lyricists: medieval don-juanism and monastic pickup	73
--	----

FROM THE WORKING TABLE OF A SOCIOLOGIST

<i>Surmach M. Y., Boyko S. L.</i> Organizational culture and social responsibility in health care: problems of defining and methods of study	84
<i>Andras I. A., Burova S. N.</i> Theoretical aspects of the sociological technology of studying family entrepreneurship	96
<i>Klimashin A. G.</i> Personal data state monopoly losing as a national security risk.....	107

JUBILEES

<i>Evgenii Konstantinovich Novik</i>	113
<i>Vasilii Ivanovich Strazhev</i>	115
Indicative abstracts of the papers deposited in the BSU.....	117

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Республики Беларусь в Перечень научных изданий для опубликования результатов диссертационных исследований по социологическим, политическим и философским наукам.

Журнал включен в библиографическую базу данных научных публикаций «Российский индекс научного цитирования» (РИНЦ).

**Журнал Белорусского
государственного университета. Социология.
№ 3. 2019**

Учредитель:
Белорусский государственный университет

Юридический адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Почтовый адрес: пр. Независимости, 4,
220030, г. Минск.

Тел. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Журнал Белорусского государственного
университета. Социология» издается с сентября 1997 г.
До 2017 г. выходил под названием «Социология»
(ISSN 2071-0968).

Редакторы О. А. Семенец, С. Е. Богуш
Технический редактор Т. А. Караневич
Корректор К. Б. Скакун

Подписано в печать 30.09.2019.
Тираж 140 экз. Заказ 362.

Республиканское унитарное предприятие
«Информационно-вычислительный центр
Министерства финансов Республики Беларусь».
ЛП № 02330/89 от 03.03.2014.
Ул. Кальварийская, 17, 220004, г. Минск.

© БГУ, 2019

**Journal
of the Belarusian State University. Sociology.
No. 3. 2019**

Founder:
Belarusian State University

Registered address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Correspondence address: 4 Niezaliežnasci Ave.,
Minsk 220030.

Tel. (017) 259-70-74, 259-70-75.

E-mail: jsociol@bsu.by

URL: <https://journals.bsu.by/index.php/sociology>

«Journal of the Belarusian State University. Sociology»
published since September 1997.
Until 2017 named «Sotsiologiya»
(ISSN 2071-0968).

Editors O. A. Semianets, S. J. Bohush
Technical editor T. A. Karanovich
Proofreader K. B. Skakun

Signed print 30.09.2019.
Edition 140 copies. Order number 362.

Republican Unitary Enterprise
«Informatsionno-vychislitel'nyi tsentr
Ministerstva finansov Respubliki Belarus'».
License for publishing No. 02330/89, 3 March, 2014.
17 Kal'varyjskaja Str., Minsk 220004.

© BSU, 2019